

Выпуск 1

Ди-Ни

**ВЛАСТЬ ДИСКУРСА
И
ДИСКУРС ВЛАСТИ**

Екатеринбург 2001

УЧРЕДИТЕЛИ	РЕДКОЛЛЕГИЯ	РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК	О.Ф. Русакова - главный редактор	В.В. Алексеев Б.Б. Багиров С.Е. Вершинин А.М. Воробьев А.В. Гайда М.Е. Главацкий Б.В. Емельянов А.Д. Кириллов В.Б. Куликов К.Н. Любутин М.А. Малышев (Мексика) К. Мацузато (Япония) Д.А. Миронов В.Ф. Олешко А.В. Перцев В.И. Разумов В.Н. Руденко В.М. Русаков А.Е. Спасский Е.С. Тулисов Е.С. Черепанова
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО	А.А. Александров Л.М. Андрюхина Е.Г. Дьякова Ю.Г. Ершов К.В. Киселев Ю.В. Конечкий О.В. Коркунова В.О. Лобовиков И.П. Малинова К.А. Маркелов Б.С. Модель И.М. Модель С.В. Мошкин Д.В. Нежданов Л.И. Рыженко Д.С. Стровский Е.М. Сурина И.Б. Фан Л.Г. Фишман А.Э. Якубовский	
ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД «ДОМ УЧЕНЫХ»		
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «УРАЛТРАНС»		
Ответственный секретарь: Е.Г. Грибовод		
Адрес редакции: 620144 г. Екатеринбург, ул. 8-е Марта, 68, ком. 3.		
Телефон: (3432) 29-70-58, 29-77-85	Дизайн и компьютерная верстка: В.В. Русаков	
E-mail: Discourse_P@nm.ru	Отдел рекламы: Н.В. Андрейченко	
При перепечатке ссылки на альманах «Дискурс-Пи» обязательны.	Перевод: З.М. Николаева	

ISBN

© Составление.
О.Ф. Русакова,
2001

© Дискурс-Пи – научно-
практический альманах,
выпуск 1. 2001.

Предисловие главного редактора:		
О.Ф. Русакова – <i>Что за Дискурс-Пи?</i>	5	
ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ (материалы теоретического семинара)		
Доклады и тезисы выступлений:	7	
Ю.Г. Ершов – <i>Дискурс российской власти: ложь, надменность, безответственность</i>	8	
Н.Г. Чевтаева – <i>Российский властно-политический дискурс и культура переговоров: проблемы стабильности.</i>	16	
Е.Г. Дьякова, А.Д. Трахтенберг – <i>Понимает ли народ то, что говорит власть?</i>	19	
А.В. Гайда, В.В. Китаев – <i>Властный дискурс российского общества: от демократии к сильному государству.</i>	21	
П.Е. Суслонов – <i>О некоторых логико-семантических аспектах политической терминологии</i>	23	
И.П. Малинова – <i>Дискурс катастрофы 2003 г.</i>	26	
Л.М. Андрюхина – <i>Учебный дискурс и власть</i>	27	
О.В. Коркунова – <i>Дискурс власти и Эзотеризм</i>	28	
К.А. Маркелов – <i>Россия и «Новая Атлантида»</i>	30	
Д.В. Нежданов – <i>Манипулятивная политика: дискурс популизма</i>	33	
Е.Е. Тойбич – <i>Что могла бы сказать элита?</i>	35	
Фразы:		
К.Н. Любутин, И.П. Малинова, Н.Г. Чевтаева, В.Ф. Олешко, В.В. Китаев, Б.Б. Багиров, И.М. Модель.	36	
Резюме:		
А.Э. Якубовский – <i>В рассуждениях о дискурсе</i>	38	
ГАЛЕРЕЯ		
Б.В. Емельянов – <i>М.М. Бахтин: типическое и оригинальное</i>	41	
С.Н. Некрасов – <i>А.Г. Дугин: настоящий постмодерн</i>		43
АНТРОПОЛОГИЯ		
М.А. Малышев (Мексика) – <i>Признание – выражение смысла отношения человека к человеку</i>		53
Б.В. Емельянов – <i>Человек и его переживания (Рецензия на книгу М.А. Малышева «Человек и мир его переживаний»).</i>		65
К.С. Романова – <i>Человек в поисках истины своего бытия</i>		68
ПЕРСОНА		
Э.Ю. Соловьев – <i>Шинель</i>		72
И.Б. Фан – <i>«В поисках смысла, с заботой о форме и стиле»... Интервью с Э.Ю. Соловьевым.</i>		72
ПОЛИКЛИНИКА		
П.Б. Пивник – <i>Терапевты духа: религиозная политика самодержавия на Урале в 18-19 вв.</i>		79
Н.А. Масалова – <i>Кадетский рецепт гражданского общества</i>		83
О.Ф. Русакова – <i>Томография радикализма</i>		86
Л.Б. Гапоненко – <i>Диагноз нашего времени и перспективы лечения российского общества умеренными дозами социального государства.</i>		92
Л.Г. Фишман – <i>Вейский цикл Ю. Латыниной: рыночный либерализм с рецидивами варварства</i>		95
НА ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА		
И.М. Модель, Б.С. Модель – <i>Свобода: трудный путь познания</i>		99
ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ		
Д.С. Стровский – <i>По неприятелю – полный огонь? Взгляд на историю журналистики позволяет лучше оценить объективность современных российских СМИ</i>		108

СОДЕРЖАНИЕ	
Е.Г. Дьякова, А.Д. Трахтенберг – <i>Социокультурная специфика российской журналистики и современные тенденции развития информационного поля России</i>	113
М.А. Фадеичева – <i>О чем трещат дрессированные попугаи?</i>	114
А.Ю. Быков – <i>Непонятная Россия? Особенности интерпретации российских проблем американской журналистикой</i>	117
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ	
К.В. Киселев – <i>Морфологические характеристики предвыборных слоганов.</i>	123
В.Б. Куликов, А.В. Тихомиров – <i>Провокаторы политического общения</i>	129
ПОЛИТИКА &	
В.М. Русаков – <i>Политика и частная жизнь</i>	134
«ИГРА В БИСЕР»	
В.О. Лобовиков – <i>Математическая культурология</i>	140
МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ	
Д.А. Миронов, М.Н. Вшивцева – <i>Экономические процессы на постсоветском пространстве и их особенности.</i>	144
ПРОЕКТ ИСИД	
Л.И. Рыженко – <i>Информационная сеть интеллектуальной деятельности.</i>	149
Г.Ш. Фридман – <i>О путях интеграции российского интеллектуального потенциала в мировую экономику.</i>	151
КЛУБ ДЯДЮШКИ ЛЮ	153
<i>Из старой корзины. Афоризмы от Гайды</i>	154
ПОЭТИК	
Л.А. Ладейщикова – <i>Капсула. Бездна. Генетический код. Золотые ворота. Лавина</i>	156
Ю.Г. Конецкий – <i>Памятник Жукову. Сонет.</i>	157
В.В. Говорков – <i>Пентаграмма. Говорят, что политики отвечают за все... Мы</i>	158
В.Н. Руденко – <i>Технотронный город. Мегапарсеки</i>	159
КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ	
М.Е. Главацкий – <i>К 80-летию «философского парохода»</i>	161
НОВЫЕ КНИГИ ПО ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ И ПРАВУ <i>(составитель – Е.М. Сурина)</i>	
	162
НАШИ АВТОРЫ	
	167
Contents	170
Реклама ▼	
КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ И ПРАВА	
СОВМЕСТНАЯ КАФЕДРА УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. А.М. ГОРЬКОГО И ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ И ПРАВА УРО РАН	
ПРОВОДИТ НАБОР СТУДЕНТОВ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ К НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.	
ПРОГРАММА НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ И ПРАВА	
▶ ЧТЕНИЕ СПЕЦКУРСОВ: ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ ЗАПАДНЫЙ И РУССКИЙ МАРКСИЗМ ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ СОЦИОЛОГИЯ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	
▶ ПРОВЕДЕНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ СЕМИНАРОВ: МЕТОДОЛОГИЯ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
▶ ОРГАНИЗАЦИЯ МАСТЕР-КЛАССОВ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСАЛТИНГ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА и др.	
▶ РУКОВОДСТВО КУРСОВЫМИ, ДИПЛОМНЫМИ РАБОТАМИ, МАГИСТЕРСКИМИ И КАНДИДАТСКИМИ ДИССЕРТАЦИЯМИ.	
▶ РУКОВОДСТВО ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКОЙ	

ЧТО ЗА ДИСКУРС-ПИ?

О.Ф. Русакова

Уважаемые коллеги и читатели!

Замысел научно-практического альманаха по имени «Дискурс-Пи» (сокр. Ди-Пи) созрел как ответ на вопиющий вызов парадоксальных ситуаций, сложившихся в общественной жизни страны.

Парадокс №1: рост тяги молодежи к получению высококачественного высшего образования, значительное увеличение конкурсов в университеты не повлекло за собой качественного скачка в понимании престижности научно-исследовательской работы и гуманитарных профессий; статус ученого, педагога, социального практика в нашем обществе все еще очень низкий.

Парадокс №2: в стране наработан значительный опыт по применению эффективных технологий в продвижении фирм, товаров и политиков. Однако этот опыт весьма слабо применяется в той области, где Россия особенно сильна – в области фундаментальной науки, педагогического мастерства, интеллектуальных и информационных новаций. Мы научились хорошо раскручивать политиков и шоу-звезд, а звезд своего настоящего «золотого фонда» толком не пропагандируем.

Парадокс №3: сегодня в регионах России сконцентрированы значительные силы по подготовке высококлассных кадров. Есть и дальновидные руководители предприятий, бизнесмены, представители властных структур, которые хотели бы получить эти кадры. Есть достаточно широкий круг деловых людей, хорошо понимающих смысл сакраментальной фразы «кадры решают все». Однако прямые встречи этих акторов прогресса пока носят эпизодический характер.

Что же необходимо для преодоления названных парадоксов, хотя бы частично?

–Конечно же, необходим объединительный центр для трех основных сил - поставщиков новых и перспективных кадров, технологов по продвижению этих кадров, предпринимателей, готовых сотрудничать с учеными, педагогами и технологами.

Под какой «крышей» лучше всего объединяться? На наш взгляд, таким общим «домом» должен стать научно-практический альманах «Дискурс-Пи».

Почему альманах называется «Дискурс-Пи»? На этот вопрос довольно интересно ответил студент УрГУ Дмитрий Буддо: «Дискурс – это от слова «дискуссия». «Пи» - это 3,1415..., т.е. бесконечность. Альманах предполагает опубликование на своих страницах работ молодых исследователей и здесь же их обсуждение. Т.е., это издание – бесконечное поле для новых научных веяний, изысканий и на их основе - дискуссий».

К сказанному можно добавить, что слово «дискурс» - это своеобразный пароль новой культурной эпохи – эпохи постмодерна. Для нее характерны прежде всего диалогичность, толерантность, плюрализм, гуманитарная доминанта, мирное сосуществование разнообразных стилей и жанров. Ну а «Пи» - это символ стиля жизни нового поколения, тех, кто

живет в постоянном творческом Поиске, кто создает новую социальную коммуникацию, основанную на Понимании, Плюрализме, честном Пиаре и Практицизме.

Центральной темой первого выпуска альманаха стала проблема власти как дискурса и дискурса как власти. Власть рассматривается нами в широком смысле слова – власть политическая, социально-экономическая, педагогическая, информационная, сексуальная и т.д. В то же время, любая власть формируется и функционирует, опираясь на определенный дискурс – вербальный и невербальный, рационально-понятийный и символически-образный, «высокий» и «низкий». Между властью и дискурсом существует глубокая генетическая связь, которая еще слабо изучена и не вполне выявлена учеными и социотехнологами. Различные попытки деконструкции властно-дискурсной взаимосвязи представлены в материалах теоретического семинара, который состоялся 25 октября 2000 года в Институте философии и права УрО РАН. Тогда же впервые публично прозвучала заявка на наш проект альманаха «Дискурс-Пи». Проект вызвал интерес у

преподавателей и студентов вузов, журналистов, предпринимателей, политиков и даже у поэтов. Получили мы приветственное послание и от высокого начальства – Полномочного Представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе П.М. Латышева. И вот подошло время «груздям лезть в кузов», тем более, что в «кузовке» редактора собралось не мало любопытного материала, который передали нам мэтры и аспиранты, магистры и студенты. Их пестрое творчество для нас является одинаково интересным. «Все смешалось в доме Обломовых». Но в этом калейдоскопе угадывается Пульс Будущего. Одни его связывают с наступлением эпохи постмодерна, другие же протестуют против такой перспективы. Нам вняты обе позиции. Наш девиз: В начале было Слово.

Итак мы выносим на суд читателей первый выпуск нового научно-практического альманаха, которому, надеемся, предстоит долгое плавание. Приглашаем всех желающих к сотрудничеству.

Плыви Ди-Пи!

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

Материалы теоретического семинара

От редакции ▼

Уважаемый читатель! Первому выпуску научно-практического альманаха «Дискурс-Пи» предшествовал теоретический семинар, где рассматривались следующие вопросы:

1. Понимает ли современная политическая элита смысл собственной речи и то, как ее воспринимает население?

2. В какой мере власть в России выражает признаки идеократического государства?

3. В какой мере дискурс политической элиты выражает готовность к общенациональному консенсусу?

4. Каков смысл неязыковых практик российской власти?

В работе семинара приняло участие более 70 человек, среди которых помимо сотрудников, преподавателей, аспирантов и студентов учредительных организаций были представители Уральской академии государственной службы, Института международных связей, СМИ, а также администраций Полномочного Представителя УФО и губернатора Свердловской области.

В ходе семинара были заслушаны небольшие доклады, сделаны выступления, тезисы которых приводятся ниже, проведена дискуссия. Во время дискуссии прозвучали фразы, которые

запомнились и понравились не только самим выступающим, но и студентам, впервые участвующим в такого рода мероприятии.

Каков он, юный неискушенный взгляд на дискурсивно-интеллектуальное действо? Не он ли в конечном итоге центрирует подлинный смысл, «сухой остаток» того, о чем так умно говорят «старшие товарищи»?

Задавшись этими вопросами, мы попросили присутствующих студентов поработать в интерактивном режиме и записать на диктофоны те фразы, которые произвели на них наибольшее впечатление. Увидев расшифровку записей, мы поняли, что это и есть тот самый дискурсивный концентрат, который содержался в пространственных выступлениях основных диспутантов. Именно эти фразы, а не стенографическая полнота, на наш взгляд, отразили главное - то, что осталось, запечатлелось в юных умах.

После напряженной двухчасовой работы семинар плавно перетек в дискурсивные упражнения по проведению фуршетной церемонии. В этой связи редакция выносит огромную благодарность руководству и сотрудникам Издательского Дома «УралТранс», фирмы «Алкона» и ресторана «Ермак».

Доклады и тезисы выступлений ▼

Дискурс российской власти: ложь, надменность, безответственность

Ю.Г.ЕРШОВ

Лейтмотив нашей политико-идеологической жизни — это несоответствие официальных деклараций, проектов, договоров и т.п. самой повседневности, обыденной жизни, насыщенной чиновничьим произволом (административным, милицейским, судебским), бытовой и организованной преступностью, техногенными катастрофами, пьянством и наркоманией, низким уровнем жизни большинства... Государство объявлено социальным на фоне все большей утраты им социальных функций; политики сокрушаются о незрелости гражданского общества, попустительствуя подавлению СМИ и профсоюзов; слабой защите частной собственности и элементарных прав граждан.

Распад прежней, партийно-номенклатурной государственности обнаружил отсутствие в российском социуме духовно и институционально утвердившихся механизмов интеграции и стабилизации общественных отношений. Маргинальность и люмпенизированность населения, превращающегося при смене общественного строя в бесформенную массу, делают возможным существование в ней совершенно разных идей, создают расколотое и «всеядное» сознание. Во многом это объясняет, почему в нашей стране за последние пятнадцать лет стала возможной такая быстрая смена идеологических ориентаций, не ставящая массу в тупик. В условиях, когда и цели общественного развития, и ценности размыты,

становится преимущественно повтором привычных идей и представлений. Но, по отношению к сложившейся ситуации вряд ли эвристична метафора «идеологического вакуума», якобы возникшего при крахе ценностей социализма, «обнаруживших» свой утопизм и антигуманную сущность. С этих позиций нам будет трудно, если вообще невозможно, объяснить перепады и повороты массового сознания, в короткое время бросающиеся от социализма «поленински» к оголтелому антикоммунизму, а потом к антиамериканизму, радикального изменения интонаций и словаря официально-государственных текстов. Задача же состоит в выяснении — какие ценностные ориентиры и мировоззренческие установки воспроизводит сама жизнь. Для российского общества это вопросы о том, произошла ли смена тотального идеологического воздействия на сознание людей, характерная для идеократического советского государства, в котором санкционированной реальностью обладали съезды и их «исторические решения», победные рапорты об успехах народного хозяйства, призывы и демонстрации, повседневность же маркировалась «неподлинностью» и ущербностью, обреченной на эсхатологическое преобразование; воспроизводятся ли принципиально новые мыслительные формы, упрочивающие развитие рыночной экономики, политического участия и целерационального поведения; преодолеваются ли настроения отчаяния и безнадежности, апатии и безверия.

неустойчивы, не происходит социального запроса на идеологию, духовная жизнь

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

психологическим формам, но затрагивает ценностно-целевые основания общественной жизни, смысло-жизненные вопросы о будущем государства и общества. Если в повседневности жизнь сводится к погоне за потребительскими стандартами у одних и выживанию у других, если потеряна связь поколений, девальвируются ценности культуры и образования, то тогда с неизбежностью теряется историческая перспектива, вызывая новый приступ погони за «радостями» жизни по принципу «после нас хоть потоп».

Все прекрасно понимают, что содержание идеологии не сводится к ценностным представлениям об основных чертах желательного общественного строя. В конечном итоге идеология призвана обосновать правомерность и необходимость существующего политического режима, духовно легитимировать наличный социальный порядок и государственную власть. Политическая история стран, прошедших за последние три-четыре десятилетия серьезные изменения общественного строя (Испания, Португалия, Китай, Вьетнам, Турция и т.д.), служит поучительным примером конструктивной роли идеологических сдвигов в подготовке общества как к «переоценке ценностей», так и издержкам трансформации экономики. Задавая индивиду норму поведения (а тем самым и мотив), через систему социальных, нравственных и эстетических образцов, идеология сплачивает и мобилизует общество, подкрепляя тем самым и претензии доминирующих групп на общеобязательность, беспрекословность выполнения их приказов. Слово, обладая определенным ценностным содержанием, выступает реальным инструментом политического воздействия.

Легитимность власти, понимаемая как ее моральная и социальная оправданность перед обществом, неотделима от умения внятно и четко

Ведь суть духовно-идеологического кризиса не сводится к его социально-

обосновывать и возбуждать веру в достижимость высоких, но реалистических целей, утверждать гуманистические ценности созидания, совместимые с утилитаризмом обыденной жизни. Сегодня справедливо ставится вопрос о идеологическом бытии власти, существовании идеологем, исходящих от государства и его институтов и обеспечивающих большую или меньшую степень единства ценностных ориентаций населения и политической элиты. Отсутствие или ослабление духовной связи гражданина с государством, подмена ее конъюнктурной манипуляцией словами ведут к потере самоидентификации индивида с Отечеством, нацией, государством. «Осознаваемая или ощущаемая населением подмена социально значимых ценностей узкогрупповыми, - замечают А.Г.Хабибулин и Р.А.Рахимов, - ведет к еще большей степени отчуждения индивида от социума и государства, усилению атомизации общества» (См.: Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу правомерности категории // Государство и право. 1999. № 3. С.14). Власть взыскует социального одобрения происходящих перемен, но наталкивается на вполне естественное отсутствие навыков понимания, интерпретации и осмысленного воспроизводства новых идеологических ценностей, эмоционального принятия символов государственности. Диалог тем более важен, поскольку перемены подобного рода влекут значительное ухудшение материального положения и духовного самочувствия большинства населения, кардинально меняют ценностно-смысловой Космос общества.

Дееспособность власти напрямую зависит от механизма перевода дискурса власти на общепонятный и доступный большинству язык повседневности. Ведь иной раз мы наблюдаем своего рода «семантические войны», дополняющие и

объяснять смысл своих действий, обнаруживающие социокультурный раскол общества. Глубокое и взаимное отчуждение между властью и обществом

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

выражается в особых синтаксических конструкциях, в который местоимение «они» обозначает безличную зловещую силу. Со стороны «низов» «они» вызывают множество слухов, фантастических домыслов о действительных или мнимых намерениях с последующим разоблачением инфернальной сущности и антинародной тайны власти. Для «верхов» «они» ленивы, недисциплинированы, склонны к пьянству и воровству. После этого все коммуникация между теми и другими сводится к банальному злословию, демонстрациям престижа и влияния, взаимному игнорированию.

В анализе идеологической ипостаси современного российского государства наиболее инструментальна коммуникативная модель власти (Арендт, Хабермас), трактующая ее как многократно опосредованный и иерархизированный механизм общения между людьми, социальными группами и институтами в пространстве коммуникаций. В рамках этого подхода значительное место занимает анализ дискурса власти – языка и неязыковых практик, раскрывающих различные, зачастую разнонаправленные способы ее действия на структуры повседневности.

Продуктивность подобного изыскания обеспечивается погружением в контекст повседневности, обуславливающий тем самым и определенную перспективу анализа феноменов дискурса. Эта перспектива связана с «невыделенностью» исследователя от изучаемых структур повседневности, осознанием самого себя участником происходящего, что препятствует просветительскому высокомерию, навязыванию представлений о добре и зле, истине и лжи. Следовательно, речь идет о признании многообразия и несводимости к одной модели индивидуальных и групповых практик, оригинальности «голосов», озвучивающих

создаваемой пересечением множества социальных связей, массы целерациональных и импульсивных поступков, причудливо соединяющих здравый смысл, традиции и обычаи с официальными взглядами и политическими лозунгами. Изменения, происходящие в этом вязком, замедленно текущем мире определяют действительную цену идеологическим манифестациям, смене политических режимов и вообще всему тому, что выдается за революцию. Включенность в цепи событий повседневной жизни препятствует инверсионному делению мира на противостоящие друг другу ценности и программы, соответственно, ориентирует на поиск и признание смыслов иных жизненных опытов и дискурсов. Разумеется, невозможно отвлечься от разнородности и разнонаправленности субкультур социума, гетерогенности их взаимодействия между собой, прежде всего между повседневностью масс и властвующих групп, проблемы взаимопонимания ими друг друга, т.е. создание единого коммуникативного кода. Признавая двойственную природу власти, т.е. способность (и предназначенность) быть необходимым механизмом управления и в тоже время выступать отчужденной, дегуманизированной силой, сосредоточим внимание на второй стороне. Этот акцент легко объясним, во-первых, тем, что связан с инстинктом самосохранения власти, развивающем ее протейную природу – способность быть везде и нигде, ускользать и внезапно появляться, менять облик и язык. В этом качестве она подобна хищнику из одноименного фантастического фильма. Во-вторых, драматический опыт всех попыток реформирования (модернизации) России, подтвержденный и последними пятнадцатью годами нашей жизни,

разнообразный жизненный опыт и ценностно-нормативные предпочтения. Все это выражается в понимании социальной реальности как сети, свидетельствует об исключительной роли государственной власти в выборе целей и средств решения объективных исторических задач.

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

В развитии российского общества ярко проявляется двойственность поведения бюрократии как особого социального слоя: с одной стороны, ее представители и призваны и согласны с тем, что должны воплощать в своей деятельности технологическую рациональность управления. с другой же. руководствуются нормами, традициями и обычаями, которые противоречат общественно-необходимым целям. Логико-семантические особенности традиционной политической лексики в случае расхождения глубинного смысла, укорененного в языке, и нового контекста его использования, воздействия нового идеологического концепта на культурные архетипы, приводят к деформации и искажению коммуникативной стратегии, вызывают непредсказуемые и абсурдные эффекты. Например, язык либеральной идеологии в ее современном виде органически чужд бывшей номенклатуре и предназначен для внешнего предъявления в качестве визитной карточки, легитимирующей ее обладателя перед мировым сообществом, точнее – перед западной цивилизацией (внутреннее использование в прагматических целях закончилось вместе с выборами Президента в 1996 году, выразив панику перед возможной победой кандидата от КПРФ).

Как и раньше, за словесной приверженностью к определенным символам и текстам скрывается идейная беспринципность, политические амбиции, воля к власти. ГКЧП, получивший политико-идеологическую квалификацию после своего провала, как путч, освободил поколение «среднего» звена номенклатуры, пришедшего к власти, от каких-либо уз идеологического контроля. Поворот к идеологическому антикоммунизму, инициированный «снизу» разочарованием в потребительских результатах

модернизации, но удачно освоенным правящим слоем, мгновенно почувствовавшей, что индивидуальные права и свободы это есть то, что может быть обеспечено союзом с криминальными и силовыми структурами, властными полномочиями, открывающими безграничные возможности по контролю над экспортом-импортом, приватизацией государственного имущества и прокручиванием бюджетных денег, «творческим» использованием кредитов МВФ.

По Марксу, этикетка систем взглядов, в отличие от этикетки товара, способна обманывать не только покупателя, но и продавца. Применима ли эта остроумная идея к современным специалистам по «обмену идей на продукты питания» (перефразируя попа-расстригу из толстовского «Хождения по мукам»)? Да, политизированная интеллигенция внесла свой вклад в становлении «новой» власти, напоминая живописный эпизод из антиутопии Дж.Оруэлла. Напомню, речь идет о первом появлении на задних ногах, вопреки заповеди «скотской республики» свиньи-предводителя по кличке Наполеон. Далее по тексту, который лучше привести дословно: «Казалось, мир перевернулся. Наконец, животные справились с первым шоком, и стихийный протест уже готов был выплеснуться наружу – невзирая ни на панический страх перед псами-охранниками, ни на многолетнюю привычку сносить все безропотно, ничто и никогда не подвергая сомнению. Но в этот самый миг, словно по сигналу, овцы дружно грянули:

- Четыре ноги хорошо, две ноги лучше!
- Они скандировали пять минут, и когда в конце концов представилась возможность вклиниться со словом протеста, это потеряло всякий смысл...».

перестройки, открыл шлюзы для рецепции либеральных концептов западной цивилизации, причем рецепции вульгарной и поэтому изначально противоречащей объективным задачам

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

преподаватели вузов, инженеры, ученые и т.п. превратила либеральные ценности в набор штампов и клише, имеющей отношения к жизни ровно такое же как недавно «развитый социализм», произносимые, вероятно, с тем же внутренним отвращением. Понятно, что еще в меньшей мере удалось создать стадную тягу к повторам риторики власти, по причинам амбивалентности массового сознания, один полюс которого по внешне языковому выражению тяготеет к референтной группе властвующих, а второй – по внутренним интенциям так же уравнилительно-завистлив как во времена борьбы с привилегиями партийной номенклатуры.

Доминирующим коммуникативным каналом между властью и обществом сегодня становится визуальная, прежде всего, телевизионная перцептивная стратегия. Разумеется, для старших поколений сохраняет свое воздействие письменный текст, но все большую роль начинает выполнять «достоверность» телерепортажа, архитектурный текст золоченых куполов, символика «героического прошлого» дореволюционной России.

Авторитет властного положения, подкрепленный магической силой телеобраза (разумеется, неоднократно повторенного), придает харизматический блеск всему, что излагается с «государственной» точки зрения. После этого можно уверенно жонглировать относительными числами, игнорируя абсолютные (так, например, утверждать о 10%-м росте производства в текущем году, забывая падение того же производства во многие десятки раз в предшествующие годы). Одновременно приводится огромное количество фактов, из которых невозможно вывести связные логические рассуждения, берутся разноуровневые логические аргументы и

В целом же успех идеологической акции по внедрению нового языка скорее сомнителен. Полюс авторитарного утверждения (Барт) оказался скомканным и та же повседневность, в которой живут

плохие – «коммунист, «консерватор», «люмпен»).

Подобно мольеровскому герою, носители властного дискурса были бы удивлены, узнав, в какой мере их речь изобилует всеми возможными логическими ошибками и софистическими приемами, прежде всего – пробабилизмом. Разливая смысл употребляемых понятий, политики и чиновники превращают их в клише, выполняющие служебную роль вводных слов, междометий и соединительных союзов, ритуализирующих общение «в «связи» и «по поводу». Адекватно и восприятие – от нескрываемого отвращения или скуки до простого пропускания мимо ушей как информационного шума.

Привычка конспирировать свои действия приводит к тому, что власти перестают верить, кроме того, всякого рода безмолвие приводит к присвоению ее мнения; властью, способной становиться невидимой, прикрывают сделки. Характерны ситуации с телефонными разговорами между «социально близкими» – чиновниками и коммерсантами, незаконно записанными и просочившимися в средства массовой информации. Отвлекаясь от правовой оценки подобного рода действий, обратим внимание на содержательную сторону. Она свидетельствует о догадках участников диалога о возможном прослушивании, но отсутствии опасений по этому поводу. Действительно, если в разговорах небрежно упоминаются высокопоставленные чиновники Генеральной прокуратуры и правительства, втянутые в многомиллиардные сделки, то причины уверенности в абсолютной неуязвимости прозрачны. Показательна и лексика бесед, обнаруживающая интеллектуально-нравственный облик

сопоставляются как равноценные. Альтернативные суждения либо замалчиваются как несущественные или несуществующие, либо маркируются одиозным значением (хорошие слова «реформы», «рынок», «демократ»,

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

6 марта 2001 г.). То ли преодолевая неловкость обращения с чуждыми словами, то ли стремясь быть ближе к «народу», властвующие прибегают к просторечию, по смыслу и цели подобные матерщине начальника в присутствии подчиненного как выражение его – начальника, дружеского расположения.

Субстантивация речи властью неязыковыми практиками находится в неоднозначной связи с собственно лингвистической стороной дискурса – вплоть до дисгармонии. В последнем случае образцово-показательны, а лучше сказать – предательски-выразительны неязыковые практики власти, демонстрирующие (видимо, не всегда осознаваемые) притязания на исключительность и отдаленность от «просто народа». С этой целью власть создает особое пространство своего «явления народу» вооруженной охраной, пропускными режимами повышенной строгости, перекрытием городского движения. Она перемещается из функциональной локализованности офиса в другую локализованность – отдыха, причем сама траектория перемещения тоже привилегированна. Эстетизация возрождающегося порядка как стремление власти к гармонизации социального пространства обращена не на первичные структуры гражданско-коллективного сосуществования, но в первую очередь, а порой исключительно, на саму власть, ее «тело». Драматургия торжественного захоронения останков императорской семьи, византийская пышность президентской инаугурации, парадность губернаторских резиденций а la Россель и т.п. призваны самим контрастом с убогими многоэтажками и скудным бытом сакрализировать власть и ее обладателей, вызвать наслаждение «чувством растущей власти» (Ницше),

«власть имущих», имеющих порой самые высокие ученые степени и звания, но общающиеся в тональности и языке бандитских «стрелок» (Подробнее см.: Мороз О. Миром правят циники и подонки. Увы... Литературная газета. 26 февраля –

же духе, психоаналитически выглядит как выражение комплекса неполноценности нынешних чиновников, политиков, банкиров, лидеров шоу-бизнеса, создающих «высший свет». Формальная атрибутика власти призвана изгнать унижительную оскомину предвыборной агитации и обещаний избирателям (в жаргоне политтехнологов – «ботве» (Пелевин) и укрепить сопричастность к общему «родовому» дворянства и номенклатуры. Стремление к избранности раскрывает одну из существенных черт повседневности «элитных» групп – сниженную способность к саморефлексии, потерю чувства реальности. (Что фантазмагоричней – холеные и хорошо одетые партийные функционеры, с официально-воодушевленным видом поющие «весь мир голодных и рабов», или они же, бывшие атеисты, истово крестящиеся и управляющие под флагом, воспринимаемый их отцами и дедами как символ предательства?).

Между тем особую значимость индивидуально-личностное измерение власти приобретает в кризисные, переходные эпохи. Интеллектуальная и нравственная недостаточность Ельцина как Президента «отбросила» страну в «третий мир»; быстрое одряхление и душевная черствость политического лидера прямо совпадают с нарастанием кризисных моментов в развитии российского социума. Невольным антиподом в памяти всплывает другой «калека», выведший страну из глубочайшей депрессии и заложивший основы ее будущего преуспевания – американцы справедливо видели в Ф.Рузвельте не только незаурядного политика, но и человека, способного сопереживать соотечественникам, личным примером давать образец

дистанцировать «тайну» власти от доступа чужеродных элементов. Театральный компонент власти (иной раз он выглядит опереточным) – традиционные символы державности, казаки, включенная в официоз православная обрядность и прочее в том

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

тиражированию субкультуре властвующих. Впрочем, здравый смысл не менее точно подсказывает – призывы к возрождению духовности, единству общества, защите Отечества, соблюдению законов обязательно «зависнут», если в пастырях обнаружат педерастов и уголовников, если сам правящий класс раздираем интригами и ожесточенной борьбой, если дети военачальников делают головокружительную карьеру, не подвергая жизнь лишениям и угрозе гибели, если судьи отпускают убийц и наркоторговцев под залог...

Параллель можно тянуть бесконечно, а дело в том, что рано или поздно, но они все равно пересекутся...

Что еще имеет значение для понимания природы современной российской государственной власти?

Поспешность, с которой выходят в свет мемуары политических деятелей, едва отошедших от активной жизни, или сохраняющих высокое властное положение; центрированность этих «исторических» документов на персоне автора и его переживаниях, при поразительной нравственной глухоте к тому состоянию, в котором находятся миллионы соотечественников и основные институты общества, отвечающие за воспроизводство самого общества и государства (третьи по счету воспоминания Ельцина исключительны как попытка самооправдания, выпадающего из социально-исторической реальности).

Чем сильнее и очевиднее становятся катастрофические последствия «курса реформ», тем в большей мере правящие круги будут приближаться к своеобразной «точке возврата». До нее еще остается, тающий, как весенний

служения государству.

Закономерность, отмечаемая как политологами, так и этнографами: со времен закрепления социального расслоения в неравенстве «верхов» и «низов», поведение, вкусы, стиль жизни последних стремится к подражанию и

определенного рубежа при сохранении нынешнего личностного состава и сложившихся кланов, историческое бездействие будет всерьез угрожать потерей не только привилегированного положения, но и самому физическому существованию обладателей власти. В этом контексте можно предвидеть продолжение действий на подавление не мнимой, а действительной оппозиции.

Трудно удивляться в этой связи изменениям, все более отчетливым, в дискурсе власти, вытесняющем на периферию сюжеты гражданского общества, местного самоуправления, федеративного устройства, и центрирующим внимание на укреплении властной вертикали, восстановлении конституционного порядка и законности. Тем более, что подобного рода демонстрации жестокости, обещания навести порядок, бороться с коррупцией и преступностью, идущие от «первого лица» обречены на успех (до поры до времени, разумеется) в массовой психологии, архетипически ориентированный на образы «царя-батюшки» и «добра-молодца».

В результате стихийно складывается своего рода практическая идеология, прикрываемая презентациями, заседаниями, закладыванием камней и разрезанием ленточек, бездействие и самолюбование власти. Ранее, в советские времена, манипулируя статистикой и преследуя инакомыслящих, можно было до поры до времени поддерживать иллюзию стабильности и «научного» управления обществом. Сегодня, не избегая соблазна приручить или подавить СМИ, порой с еще большей жестокостью и наглостью, чем прежде, власть молчит. Или же, соскальзывая к привычно командно-административным

снег, временный ресурс изменения ситуации, не исключаящий, такого идеологического обрамления, как обрыв связей с прежним режимом, публичное дистанцирование от его ошибочных действий и негативных сторон, показательные судебные расправы над наиболее одиозными фигурами. После

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

геополитическом (державность и «евразийство»). Другие способы сакрализации государственности не просматриваются, т.к. апелляция к иному политическому очагу и иным мыслительным традициям перекрыты переделом власти и собственности – требуется же превращение Конституции в реальный инструмент социального управления и контроля. В действительности скорее происходит сакрализация собственной личности и, тем самым, оправдание собственной вседозволенности и неограниченности способов удовлетворения потребностей по стандартам престижа и роскоши. Критика же подобного гедонизма охотно маркируется проявлением «коммунистической уравнительности» и «люмпенской зависти». Подобная сакрализация в перспективе провоцирует принуждение и препятствует развитию коммуникативного кода, совпадающего с ожиданиями общества, превращающего идеологию в мобилизующую силу для самого говорящего.

Игнорирование иной повседневности (за пределами столиц и центров субъектов федерации, крупных промышленных городов, отдельных привилегированных экономических и поселенческих пространств) снова ведет к выпадению из истории. Вражда к прошлому, персонифицированному в «люмпенах», «нищих» и «бездельниках», жестокое обращение с реальностью в стремлении придать ей черты,

методам управления, бюрократические кланы, не находя рационального обоснования своей политики в моделях правового государства, инициируют обсуждение вопроса о русской исключительности в многообразных ее аспектах - морально-этическом (русская душа), религиозном (православная вера),

«разрисовать» по мерке «нового» идеала свидетельствуют о бесчувствии власти к дыханию повседневности, углублению социокультурного раскола, об очередном опасном социально-историческом экспериментировании с «человеческим фактором».

Власть, не умея и не желая вести диалог с кем-либо, не обладающим силой, нащупывает путь создания нового стратегического языка, Большого Текста, который однажды, в связи с чрезвычайным событием (а его можно и организовать!), своим содержанием мог бы парализовать любое сопротивление – сделав его кощунственным, предательским. Круг ценностей, на сакрализацию которых уповают как на спасательный круг, достаточно известен и аналитически раскрыт вдоль и поперек, но вряд ли в него войдут «естественные и неотъемлемые права», разделение властей, священность и неприкосновенность частной собственности.

Политика, основанная исключительно на отвлеченных и универсальных идеологемах, обеспечивающих патриархально-авторитарную иерархию, а не на учете реальной расстановки и соотношении общественно-политических сил, переплетении и противоречиях интересов основных групп населения, объективных задачах трансформации социальных институтов, неизбежно будет провоцировать применение насильственных методов реализации власти.

Доклады и тезисы выступлений ▼
Российский властно-политический
дискурс и культура переговоров:
проблемы стабильности.

Н.Г. Чевтаева

Наша речь являет нам наше бытие, раскрывает нам самим нашу сущность, - так справедливо изрекал в свое время Мартин Хайдеггер. Мысль вроде бы простая, но она таит в себе столько и мудрости, и сложности одновременно. Особенно когда предметом изучения становится огромное, многоаспектное, разноуровневое и далеко неоднозначное информационное поле современного российского политического дискурса.

Надо суметь извлечь из этого массива то, что действительно является главным, отсечь то, что обречено быть сиюминутным, привходящим. Именно благодаря объективному профессиональному анализу современной российской политической риторики можно понять, какие проблемы общественной жизни сегодня находятся на социальной повестке дня, какие методы разрешения этих проблем представляются населению приемлемыми и оправданными. Только такое реальное знание о политических ориентациях общества дает обоснованное представление о том, какие социальные потребности являются ведущими, какие общественные ожидания необходимо учитывать при разработке и реализации социально-политических программ. Речь идет о постижении *подлинного* смысла доминирующих политических умонастроений.

Опросы общественного мнения

независимо от политических предпочтений различных социальных групп и слоев, население в целом тяготеет к одному и тому же набору положительно воспринимаемых политических клише, штампов, стереотипов. В общественном сознании преобладает достаточно унифицированный своего рода *мультиидеологический* настрой. В господствующем политическом дискурсе сложился своеобразный синтез мирно уживающихся вроде бы разнонаправленных политических ориентаций. Конечно, существуют и различные маргинальные группы с доминированием протестных, а то и девиантных настроений, но они находятся на обочине общественной жизни и погоду в атмосфере общепринятого российского политического дискурса не делают. Общая же картина такова, - респонденты, не мудрствуя лукаво, выбирают из предложенного им набора политических заявлений (а это программные установки разных политических партий) нечто усредненное. И в этом мультиидеологическом дайджесте спокойно соседствуют одобрение рыночной экономики и наведение общественного порядка, свобода слова и сильная государственная власть, политический плюрализм и государственное регулирование общественной жизни. Практически невозможно выявить «чисто» демократические, консервативные,

россиян выявляют знаковую ситуацию:

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

либеральные настроения и т.д. Общественное сознание одновременно одобряет и приемлет вроде бы противоречащие друг другу социально-политические технологии, - одобрение рыночных реформ, частной собственности, конкуренции, инициативы сопровождается почти что патерналистскими ожиданиями государственных гарантий, надеждами на всестороннюю государственную опеку и поддержку.

Большинство россиян, с одной стороны, не хотят возврата к тоталитарным временам (свобода слова, печати, плюрализм мнений считаются важными, необходимыми ценностями, которые нельзя отменить) и, в тоже время, в общественном сознании преобладают тенденции к наведению порядка, к сильной государственной власти, способной бороться с криминалом и нарушением законности. Очевидно, что можно с большой долей уверенности предположить (именно на основе анализа политической риторики современного российского общества), что в обществе ослабевает дух конфронтации, истощаются былые запасы радикализма, начинают уходить в прошлое фатальное отчуждение народа от власти. Преобладает здоровый *социальный прагматизм*. Большинство россиян адаптировалось к рыночной экономике, привыкло полагаться на собственные силы, но, вместе с тем, люди не приемлют то, что в современном российском лексиконе обозначено точным и емким, некогда жаргонным, термином - беспредел. Население не хочет возврата к «мутным» беспредельным временам разгула приватизаторов и криминальных авторитетов, построения финансовых пирамид и беспрепятственного утверждения наркомафии, парадов суверенитетов и галопирующей инфляции. Доминирует настроение, что пора навести порядок, нужна *сильная государственная власть*, в обществе

Практика выборов последних лет показывает, что электорат голосует не за ту или иную политическую идею, программу, а за ту политическую силу, которая в состоянии репрезентировать себя как *партия власти*. Наличие власти, способной реально воздействовать на социальные процессы, утверждать властно-политическую волю, наводить порядок – вот к чему склоняется общественное мнение россиян. Сейчас тот лидер имеет шансы достичь наиболее высокого рейтинга популярности, который способен претендовать на роль политического лидера нации, заявить о себе как о символе власти.

В этом смысле весьма показательной оказалась победа на президентских выборах партии «Единство». Еще на слуху недоумения политических оппонентов – Зюганова, Явлинского – возмущавшихся победой вроде бы искусственно созданной, почти что «виртуальной партии», у которой – «еще вчера» - не было ни четкой программы, ни организационной структуры. Позитивная креативность политического хода заключалась в том, что политтехнологи, создатели «Единства» очень чутко уловили настроения электората, его потребность в сильной государственной власти, в наведении порядка, и смогли этот общественный порыв перевести в понятный и простой для электората язык политических формул и конструкций. Сработал профессионализм аналитиков политической риторики, который и заключается в том, чтобы суметь уловить общезначимые тенденции, понять господствующий мультиидеологический набор, ожидания народа и выдвинуть политические лозунги, соответствующие им. Сегодня население выбирает не программы, не стремится разобраться в специфике столь однотипных предвыборных обещаний разных политических структур, население делает свой выбор в пользу партии

должна утвердиться настоящая социальная стабильность.

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

оказывается определяющей.

Итак, население поворачивается в сторону власти. Насколько власть в лице ее государственного аппарата готова к этим ожиданиям, проявляется ли стремление сделать ответный шаг навстречу своему народу? И здесь мы с сожалением отмечаем проявление негативных тенденций в самой власти, которые находят свое отражение и в политическом дискурсе. Бюрократический аппарат стремится навязать обществу свой собственный интерес как якобы всеобщий.

Современные исследования российской бюрократии отмечают ряд типичных для российского чиновничества негативных характеристик.

Это и безразличие к социальному смыслу, назначению своей служебной деятельности. Чиновник, призванный служить интересам населения, воспринимает его как некий отвлекающий от работы фактор. Посетителю можно сказать: «Не мешайте нам работать!» За простым человеком прочно закрепляется роль просителя, ходатая. Сравните эту ситуацию с работой коммерческой структуры, вынужденной работать в условиях жесткой конкуренции. Согласитесь, что там иначе разговаривают с клиентами, там организация для клиента, там будут бороться за клиента и ориентироваться на его запросы.

Это и отношение к служебной иерархии не как к фактору рациональной организации, но как к самостоятельной и даже самодовлеющей ценности, что и проявляется в изначальной ориентации на мнения начальника. Чтобы понравиться начальнику чиновник стремится думать и рассуждать, имитируя логику и речь своего начальника, согласно известному принципу «начальству виднее». В этом плане показательна манера придавать некоторым словам и выражениям смысл,

власти. Ориентация на властные начала, на социальную стабильность

«молодого» содержит оттенок уничижительности, намек на его незрелость, а клише типа «плохой товарищ», «неуживчивый» обозначают человека, не склонного следовать нормам бюрократической этики.

Это и «функциональное» сознание. Оно предполагает отключение гражданских чувств и нравственных принципов при выполнении служебных обязанностей или даже их полную атрофию. В своих действиях такой чинуша руководствуется лишь формальными указаниями и карьерными соображениями. При этом он монополизировать свое право на обладание истиной. Спор он ведет по принципу: если ты думаешь не так, как я, значит ты не прав. В риторике этот принцип получил название «бинарная оппозиция», когда есть моё – правильное суждение и твоё – неправильное суждение. «А почему оно не правильное», – можно задаться вопросом? А потому, что оно противоречит моему. Другой аргументации мы не услышим. Такой спор не предполагает обсуждения различных вариантов решения проблемы, а превращается в состязание воли и выяснения того, кто прав.

Это и процесс «фильтрации информации»: информация, передаваемая сверху вниз, частично сжимается, упрощается, дополняется комментариями. Известно, как обычно замечание, скажем, президента, истолковывается, перетолковывается и из него выжимается возможный и невозможный смысл. Превалирует желание заслужить расположение тех, кто находится у власти. Поэтому наверх поднимается информация, содержащая преимущественно положительные сведения.

Эти негативные характеристики российского чиновничества являются «тромбами», «закупорками» в отношениях власти и народа, не

отличный от общепринятого. Например, характеристика работника как позволяют им вести конструктивный диалог.

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

Доклады и тезисы выступлений ▼

Понимает ли народ то, что говорит власть?

Е.Г. Дьякова, А.Д. Трахтенберг

Одним из важнейших условий эффективного функционирования любой власти является наличие единого дискурсивного пространства между властью и обществом, в том числе – существование механизмов перевода дискурса власти на язык массы. Иными словами, для того, чтобы быть эффективной, власть должна производить тексты, которые хотя бы отчасти понятны массам, а значит – владеть языком масс. Проблемы, с которыми регулярно сталкиваются российские реформаторы, во многом связаны с тем, что язык отечественной просвещенной бюрократии непонятен массам.

В течение 2000 года нам неоднократно приходилось проводить фокус-группы в самых разных регионах России, от самых депрессивных до относительно благополучных. Данные тезисы представляют собой попытку обобщить некоторые результаты наших исследований, и описать тот язык, с помощью которого люди в действительности говорят и думают о современной российской власти.

Во-первых, можно говорить об удивительном однообразии этого языка. В самых разных точках России участники фокус-групп практически в одних и тех же выражениях определяют, что такое порядок и справедливость, в чем выражается долг государства по отношению к его гражданам и кто несет ответственность за сложившееся положение вещей. Так, можно почти со стопроцентной уверенностью

что все дело - в заворовавшихся чиновниках, начиная с самого верха и кончая губернатором / мэром / председателем сельсовета. Лишь в редчайших случаях ответственность за существующие проблемы возлагается и на простых людей, причем обычно в формулировке, эту ответственность максимально минимизирующей (напр., *"малейшая вина все равно лежит где-то и на нас с вами"* (Мы сознательно избегаем указаний на то, где именно проводилась фокус-группы, в ходе которой было зафиксировано то или иное высказывание)).

Во-вторых, бросается в глаза глубочайшее отчуждение участников фокус-групп от властных структур. Для описания действий представителей власти используется особая синтаксическая конструкция, предполагающая употребление в роли сказуемого глагола в третьем лице множественного числа. В качестве подлежащего при этом выступает подразумеваемое, но не произносимое вслух местоимение "они", с помощью которого участники фокус-групп обозначают представителей всех властных структур, так что эти структуры выступают в их сознании как злонамеренная безличная сила, сплоченная принципами круговой поруки (напр., *"Коррупция идет от руководства. Сгруппировались и держатся. А кто для людей - его сжигают"*).

Следует подчеркнуть, что тенденция осмыслять происходящее в категориях «мы – они» не зависит от степени демократизма (или бюрократизма) самой

гарантировать, что в ответ на вопрос модератора: “кто виноват в том, что в вашей области/городе/поселке/селе так плохо живется?”, последует ответ “рыба гниет с головы”, а затем разъяснение,

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

же категориях. При этом «мы» описывались как беззащитные, невинные и детски простодушные труженики, а «они», т.е. представители власти – как нечестные и безнравственные дармоеды, чьи «отношения с народом были основаны на обмане, мошенничестве и оскорблениях («издевательстве»)» (Davies S. Popular opinion of Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent. Cambridge, 1997. P. 134.). Единственное изменение, по сравнению со сталинской эпохой, состоит в том, что в тридцатые-сороковые годы символом разложения власти и отрыва ее от масс являлся автомобиль, в то время как в настоящее время это «коттедж», что свидетельствует о значительном росте уровня жизни населения за последние шестьдесят лет.

Еще один важный момент - традиционализм того идеального образа власти, который имеется у участников фокус-групп. Приведем одну из множества формулировок, которая отличается от всех остальных только своей четкостью: *“Чтобы мы знали - у тебя за спиной есть государство, оно о тебе заботится. Ты ему даешь, оно тебе дает. А мы брошенные, и люди трудиться не хотят. У нас нет поддержки государства, откуда все! Из-за того, что государство бросило, люди стараются выжить и обманывают государство. У нас нет государства!”* Для участников фокус-групп государство выступает в виде высшей инстанции, которая каждому воздает по заслугам и в случае необходимости может защитить от произвола со стороны инстанций низших (чиновников на местах). Эта инстанция все расставляет по своим местам и обеспечивает в обществе баланс интересов. Ее самоустранение приводит к грубому нарушению такого баланса и

власти. Так, С. Дэвис, анализируя общественное мнение в сталинскую эпоху, обнаружила, что, согласно сводкам НКВД, население мыслило в тех

Такая инстанция обязательно должна быть персонифицирована в виде человека, который не имеет личных интересов и не подвластен человеческим страстям (которому, иными словами, уже нет необходимости брать взятки). В традиционной системе эту функцию выполнял царь, время от времени “опалевший своим гневом” зарвавшихся бояр. В современных условиях данную функцию выполняет российский президент. Понятно, что подобная пирамидальная модель власти, где полномочия распространяются сверху вниз, не имеет ничего общего с идеалом представительной демократии (где полномочия, наоборот, распространяются снизу вверх). Очевидно и другое – что такая модель создает все условия для оправдания государственного террора по отношению к тем или иным группам населения. В ряде регионов мы зафиксировали именно ожидания репрессий, которые с приходом нового президента должны обрушиться на местное начальство. Особенно сильно эти ожидания были выражены на Дальнем Востоке, где они принимали форму откровенной ностальгии по сталинским временам (С. Дэвис, вслед за другими исследователями ревизионистской школы, показывает, как оппозиция «мы – они» работала на оправдание и поддержку Большого террора, который воспринимался как направленный «с самого верха» против начальства и в защиту простых людей. Она приводит весьма характерный пример: ленинградские рабочие очень опасались, что власти побоятся расстрелять Зиновьева и Каменева, так как это – хотя и бывшие, но «они». Власти, как известно, не побоялись).

В целом, возникает картина некоего идеального состояния общества, в

разгулу эгоистических страстей, которые никто не в состоянии обуздать (в сущности, коррупция - это и есть проявление эгоизма, который возобладал над общегосударственным интересом).

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

идеала по схеме, существовавшей в брежневские времена (руководители могут заботиться о людях не вполне бескорыстно, а простые люди - трудится не совсем добросовестно). Однако ситуация, когда руководители целиком поглощены своими эгоистическими интересами, а добросовестный труд потерял всякий смысл, поскольку никак не вознаграждается со стороны государства, является в их глазах не просто недопустимой, но и абсурдной, и не оправдывается никакими ссылками на реформы и демократию. Не случайно, у

котором руководители проявляют бескорыстную заботу о простом народе, а простые люди в ответ на эту заботу добросовестно трудятся на общее благо. Участники фокус-групп допускают определенные отклонения от этого

многих участников фокус-групп имеется ощущение, что все привычные им писанные и неписанные нормы перестали действовать (а точнее, стали действовать прямо противоположные им нормы).

Все вместе позволяет нам сделать вывод о необычайной устойчивости традиционного дискурса власти, корнями уходящего еще в допетровскую эпоху. В результате язык, на котором говорит с народом модернизированная российская элита, нуждается в переводе, чтобы стать понятным этому народу.

В.В. Китаев

Доклады и тезисы выступлений ▼ Властный дискурс российского общества: от демократии к сильному государству

А.В. Гайда

А.В. Гайда, В.В. Китаев

Во властном дискурсе российского общества становится явной тенденция отхода от прежней либерально-демократической тональности к мотивам сильной власти, сильного государства. В речи государственных деятелей и влиятельных политиков практически исчезли сюжеты приобщения к ценностям западной цивилизации, повсеместного распространения рыночных отношений, упования на всемогущую самоорганизацию «невидимой руки» рынка, подзабылись и даже сюжеты правового государства. Либерально-демократическая риторика похоже уходит в прошлое, точно так же и предшественница — риторика эпохи

массовым ожиданиям. На парламентских и президентских выборах «партия власти» оказывается практически вне конкуренции. Жесткий стиль крепнущей государственности приходится по душе настроениям и предпочтениям массовой аудитории. Заметно меняется и тональность властного дискурса региональных политических элит, в среде которой также идут процессы осознания смещения смысловых акцентов власти. Электоральные симпатии жителей регионов, властные импульсы центра побуждают региональные элиты к форсированному осознанию изменений в общей тональности властно-политического дискурса.

Можно отметить, что и в массовом

перестройки с поисками консенсуса и демократических идеалов. Сегодня ключевые вопросы « повестки дня» - наведение порядка, построение и укрепление властно-политической вертикали, утверждение законности.

В свою очередь, новые мотивы речи власти оказываются вполне созвучными

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

«закрепления передела власти и собственности», - до прогнозирования реванша государственно-бюрократической машины и пессимистических прогнозов исчезновения демократических перспектив. Таков далеко не весь спектр аналитического восприятия и толкования инноваций в современном российском властно-политическом дискурсе.

На наш взгляд, изменения в дискурсе власти выражают глубинные социальные тенденции. Маятник властно-политического регулирования - и не только в его дискурсивном измерении, но и реально-практическом - качнулся от либерально-демократических интонаций, от мотивов рыночной самоорганизации в сторону властно-авторитарных тональностей. Властно-авторитарная риторика отличается прагматической приземленностью, постоянной демонстрацией технологичности нынешнего курса власти.

Российское общество прошло за последние 10-15 лет ряд этапов своего развития. От тоталитарного, властно-организованного, идеократического общества к рыночной стихии, предельной дезинтегрированности общественной жизни, атрофии властно-политических институтов, разгулу полукриминального капитализма по образу и подобию эпохи «первоначального накопления». Сейчас даже некоторые западные политологи с тревогой отмечают, что в российском общественном мнении многие демократические ценности (не говоря уж о либеральных) по вполне понятным причинам явно дискредитированы. В настоящее время усиление властно-

сознании, и в профессиональной среде политиков и политологов эти изменения не остались незамеченными, они так или иначе позиционируются и интерпретируются. От суждений типа «новой метлы»- приходом во власть новой команды, от высказываний в духе

российском социуме властно-политические институты всегда отличались большим удельным весом в социальной организации, большей значимостью по сравнению с западноевропейским типом общественной организации. Понятно, что речь не идет о возврате к доперестроечным временам. После сложного и трудного времени реформ общество нуждается в социальной стабильности и предсказуемости, что и должна гарантировать работающая власть. Социологи отмечают резкий рост государственно - патерналистских настроений в общественном сознании, особенно по отношению к социально-экономическим вопросам, обеспечению государственных гарантий.

Опросы общественного мнения показывают, что население воспринимает российскую власть как единое целое, но в этом конгломерате наиболее предпочтительными являются фигуры Президента РФ и губернаторов – руководителей субъектов Федерации. Происходит явно выраженная персонификация власти. С именами президента и руководителей своих регионов связывают россияне свои надежды, именно этим лидерам люди более всего доверяют. Представительная власть, органы местного самоуправления обладают значительно меньшим рейтингом популярности и мерой доверия. Повсеместно выборы президента являются общезначимым событием, на них всегда отмечается высокий уровень электоральной активности, а выборы депутатов в какую-нибудь городскую Думу все чаще срываются по причине низкой явки избирателей.

политической сферы, утверждение четкого технологичного функционирования государственно-политических институтов становятся ведущими факторами в преодолении былого паралича властной воли, прежнего «смутного» времени. Эти тенденции вполне соответствуют российским политическим традициям – в

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

которая соответствует нормам здравого смысла, отличается реальной приобщенностью к власти, способностью и возможностью решать вопросы общественной жизни.

Общественное мнение артикулирует назревшие общественные ожидания, которым должны соответствовать и новый властно-политический дискурс и реальные мероприятия по повышению управляемости социальными

Ориентация населения на исполнительную власть, на реальных властно-политических лидеров объясняется самими респондентами тем, что общественным ожиданиям соответствуют реальные мероприятия, конкретные шаги, а не многочисленные политические заявления и программы. Наступила пора политической риторики,

процессами, достижению социальной стабильности. Вопросы значимости властно-политического начала, усиления роли властно-политического регулирования в общественной жизни, проблематика сильной государственности поэтому и находятся сейчас в самом центре властно-политического дискурса российского общества.

Доклады и тезисы выступлений ▼

О некоторых логико-семантических аспектах политической терминологии

П.Е. Суслонов

Современная политическая жизнь имеет свои понятия, прочно вошедшие в ее «плоть и кровь», в массовое сознание участников политического процесса и избирателей. Эти понятия и термины кажутся в политике настолько же органичными, как например, в естественных науках понятия «масса», «время», «скорость» и тому подобное. Однако следует помнить, что слово в политике является реальным инструментом политического воздействия, поскольку не отражает объективные естественные процессы, а имеет свое собственное ценностное наполнение, иррационально воздействующее на человека. Вспомним песенку из известного мультфильма о капитане Врунгеле: «Как вы лодку назовете, так она и поплывет...»

К наиболее интересным с точки зрения

когда депутаты французского парламента, верные идеалам монархии и «старому режиму», занимали правую сторону зала заседания, а представители революционной буржуазии и «третьего сословия» - левую.

Прошедшие двести лет совершенно изменили политическое содержание этих двух наименований. С политической сцены Запада совершенно были вытеснены первоначальные «правые». Современные «правые» - это прямые потомки первоначального буржуазно-либерального «левого» лагеря. Разница между «левыми» и «правыми» западных парламентах выражается главным образом в отношении к социально-экономическим вопросам: «левые» выступают за увеличение доли государственных расходов на социальные нужды, за социальную помощь и поддержку, а «правые» – за

логико-семантического анализа относятся политические термины «правые» и «левые». Сегодняшняя классификация политических сил с точки зрения «правизны и левизны» весьма далека, во-первых, от объективно-исторического происхождения этих понятий, и во-вторых, совершенно игнорирует их глубинное значение.

Разделение на правых и левых в политике восходит к Новому времени,

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

недовольства, и «правые» возвращаются к власти.

Нами не случайно термины «правый» и «левый» применительно к современной западной политической системе, приводятся в кавычках, так как в основе мировоззренческой позиции и тех, и других лежат одни и те же философские представления о человеке и его месте в мире: экономизм, убеждение в первичности материального фактора.

Политический плюрализм, существующий в России последние 10-15 лет, внес еще большую путаницу в понимание и толкование «правого» и «левого». Достаточно вспомнить, что еще в годы перестройки «левыми» именовали себя сторонники перехода к рынку(!) и демократизации, а «правыми» - сторонники сохранения коммунистической(!) ортодоксии. Сегодняшний российский избиратель бывает зачастую сбит с толку названиями «правый» и «левый», в то время как они имеют глубинный смысл, укорененный в языке, воздействующий на культурные архетипы и поэтому заставляющий политиков и избирателей действовать в своей логике, независимо от их субъективных желаний.

Слова «левый» и «правый» несут в себе ценностное значение, укорененное в религиозной и культурной традиции. Например, великий сербский король Неманич, уходя, завещал своему народу суть своего мировоззрения на будущее: «О путях на правой стороне ведает Бог, на левой же – дьяволы». Это христианское понимание символики. Существуют многочисленные библейские примеры

сокращение такой позиции, уменьшение налогов и развитие за этот счет частного предпринимательства. Современная западная политическая система представляет колебание своеобразного «маятника»; рост недовольства слабо защищенных слоев общества помогает «левым» прийти к власти, развал же экономики из-за раздутого «левого» бюджета приводит к новой вспышке

(Евангелие от Матфея 25:34,41) Перед концом истории Христос поставит справа от себя тех, кому уготована дорога в рай, а слева тех, кому надлежит следовать в ад.

Такое же разделение существует и в языковых традициях индоевропейских культур. Например, в латинском языке прилагательное «правый» (dexter) есть синоним «счастливого», «благополучного», «доброе», «честного», «верного», иначе говоря, обозначает все правильное, в то время как «левое» (sinister) является символом противоположного: «несчастливое», «зловещее», «злое», «испорченное», «ошибочное», «роковое». Этот смысл сохранился и в современных европейских языках, имеющих латинскую основу, например, французское слово «sinistre» означает все «мрачное, страшное, ужасное» или англоязычное выражение «all right» - все в порядке, все хорошо. В славянской языковой традиции присутствует такое же разделение. Например, согласно сербской мифологии левая сторона более «слабая, отсталая, несчастливая», а правая – «сильная, развитая, счастливая» (Сербский мифологический словарь, издание «Нолит», Белград, 1970). В русском языке известно выражение «встал с левой ноги», относящееся к злобному и раздражительному человеку, или «левые доходы», «пошел налево», что означает нечестное, несправедливое, незаконное. Существует множество славянских народных обычаев, связанных с правым и левым. Например, путник, оказавшийся

негативного определения «левого» и позитивного определения «правого». Псалом 141:4 предписывает верующим в Судный день обратиться направо, ибо там престол Господа. «Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: «примите благословение Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вам от создания мира»... Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: « идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его»

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

традиции различают путилевой Руки и Правой Руки. В этой жизни путь Правой Руки (Дакшиникара) избирают люди, приверженные порядку и закону, мудрости, знанию и справедливости, признающие господство разума над животными страстями. Путь желевой Руки (Ваманакара) предпочитают выродки и представители низших каст. Это путь Хаоса, анархии, беззакония, потакания демонам и самым низменным нравам.

В античных представлениях каждая душа после смерти оказывается на распутье двух дорог. Левым, широким путем идут злые, низкие, и испорченные, а правым, узким – добрые, благородные и добродетельные.

Вышеприведенный символизм распространяется не только на сферу жизни людей, но и на биосферу и космос. Известно, что логарифмические спирали старейших ракообразных жизнезащитных структур полушарий человеческого мозга являются правонаправленными. Современная биология установила и правонаправленность спиральной структуры генетического материала. Фиксируемые же случаи левонаправленности спиральной структуры генетического материала свидетельствуют лишь об аномалии, болезни или вырождении. В астрономии также известно, что спиральные структуры движения звездных галактик также правонаправлены.

Можно сделать вывод, что символизм левого и правого носит универсальный характер. Поэтому политикам давно пора

на распутье, должен трижды перекреститься, а затем сплюнуть на левую сторону, где обычно скапливается нечистая сила, ведьмы, черти. Принято наливать вино правой рукой (так как левая наводит на опьянение) и запрещено кормить ребенка левой рукой (что приводит к болезни), в дом жениха принято вступать с правой ноги.

В древних метафизических традициях также засвидетельствовано данное противопоставление. Так, в индуистской

«правый, левый», «центр». История свидетельствует, что «правое» изначально означает стремление к сохранению традиции, а «левое» - разрушение традиционных и построение общества на секулярной, прогрессистской основе. Политические силы, стремящиеся отстаивать традиционалистские ценности, но называющие себя «левыми», заведомо обречены на неуспех, потому что они вызывают у избирателя отталкивающий эффект на уровне архетипов. И наоборот, достаточно хитрые политики подлинно «левого» лагеря используют символизм «правого» в собственных целях. Вспомним известные слова И. Сталина: «наше дело правое» (очевидно, что трудно воодушевить народ воевать за «левое дело»). Последняя парламентская избирательная кампания также показала, что символический образ «правого дела» успешно использовали либерально-прогрессистские силы, ведущие мировоззренческую родословную от «левых» Нового времени.

Следует признать, что на сегодняшний день логико-семантический аспект правого и левого в политической сфере дает широкие возможности для политических технологий манипуляции массовым сознанием. На уровне политической теории необходимо предельно прояснить духовный символизм правого и левого. Нам представляется, что политический язык должен избавиться от понятий «левое» и «правое», так как современная политика

осознать логико-семантический характер предполагает принципиально новую
и опасности использования терминов семантику.

Доклады и тезисы выступлений ▼

Дискурс катастрофы 2003 г.

И.П. Малинова

Прогноз серийных техногенных катастроф в 2003 году предвещает, кроме всего прочего, конец эпохи безраздельного господства макроэкономического мышления в формировании социальных программ и властных стратегий. Это позволяет надеяться, что в языке принятия властных решений найдет свое отражение понимание того, что все массовые, статистические процессы в обществе основаны на тончайшей материи индивидуальных человеческих мотиваций.

Нисколько не умаляя значения планируемых антикатастрофных мер промышленно-технического характера, заметим, что только их одних недостаточно! Дело в том, что основной и постоянно самовоспроизводящийся источник этих катастроф (и тех, что уже произошли, и тех, что ожидаются) располагается гораздо глубже, чем состояние техники и промышленности, он - в состоянии умов, т.е. на ментальном уровне. Не будем забывать, что самые масштабные и трагические катастрофы в

нашей стране произошли отнюдь не по причине изношенности оборудования. Чернобыль и "Курск" - не единственные тому примеры.

Есть все основания утверждать, что в нашем менталитете сформировался дефект, который принято называть "самоубийственное поведение". И если своевременно не осознать того, что катастрофы "запрограммированы" не только в состоянии техники и технологий, но и в социальной психологии, то время будет упущено. Все возможные меры экономического и промышленно-технического характера не принесут должного результата без соотнесения их с мотивационным фоном развития социальной ситуации и без методологически обоснованных мер для его нормализации.

Прогнозирование "всплеска катастроф" - явление новое и требует нестандартных подходов. К их числу можно отнести методологию учета логики социальных и индивидуально-поведенческих мотиваций в формировании антикатастрофных стратегий.

Доклады и тезисы выступлений ▼

Учебный дискурс и власть

Л.М. Андрюхина

Манипулятивный характер властных отношений - устойчивая особенность учебного дискурса. Еще в 80-х годах XIX века директор департамента просвещения Н.М.Аничков определял просвещение как «внутреннюю охрану царства» и считал, что нужно управлять обществом через школу.

По существу, только XX век сделал возможным провозглашение гуманизации образования в качестве стратегии развития массовой педагогической практики. Гуманизация учебного дискурса, ведущая к изменениям прежде всего структуры властных отношений в образовании (переход от модели тотального авторитаризма учителя и школы к разделению «власти» на партнерских началах между субъектами образования), может быть названа своего рода дискурсивной революцией в образовании. Сегодня становится очевидной глубинная перестройка в фундаментальных процессах текстообразования, речевых практиках, отношениях дискурса, которые выражаются в таких, казалось бы, привычных процессах как учебно-методическое обеспечение, издательская деятельность в образовании, изменение содержания и форм преподавания, информационные средства обучения и т.д.

Но именно эти будни образования высвечивают глубинную работу истории по разрушению и преодолению педагогического рационализма как манипулятивного дискурса в образовании. Образование и учебный

рациональности и бюрократии. Именно сегодня в контексте развития гуманистических дискурсивных практик в образовании становятся явными многие средства и формы манипулятивного осуществления власти, которые ранее были завуалированы. Отметим некоторые из них.

Это принципы абсолютной эксплицитности учебного дискурса. Он непосредственно вытекает из рационализма с его установкой на абсолютную «прозрачность» как условие абсолютной контролируемости процессов. В образовании требование эксплицитности до сих пор является отличительной чертой российской практики. От учителя (руководителя) как ни в какой другой стране требуется иметь детально расписанные планы и темы уроков, мероприятия, семинаров с обозначением целей, задач и ролей всех участников. И один из неявных посылов такой практики - возможность контроля, цензуры, внешней оценки. Доверие учителю, его профессионализму - это уже феномен гуманитарных практик, не свойственный рационально-манипулятивному дискурсу.

Замкнутость дискурса по отношению к любому метатексту и контексту - другой признак манипулятивного учебного дискурса. Чаще всего он находит выражение в требованиях простоты изложения, исключения неясностей и «философского тумана». Однако за этим стоит примитивизация дискурса, боязнь самостоятельности и творчества, питаемых не разбавленной водицей упрощенного словоупотребления, но растущих из освоения сложных

дискурс еще ждут исследований, равномо́щных веберовскому анализу

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

философии, культуры.

Открытость учебного дискурса культуре, смысло-жизненным ценностям философии и культуры одновременно оказывается и средством противостояния авторитарно-манипулятивным процессам в образовании.

К механизмам манипулятивного образования можно отнести также политизацию и идеологизацию текстовых структур, находящую выражение уже на уровне лексики (словари и определения понятий) и семантики языка, а также неполноту (купюры) дискурса. Только в учебном дискурсе его неполнота достигает максимума. Вместо позиций

смысловых контекстов жизни,

«кто говорит?», «что говорит?», «кому говорит?», «зачем, где и когда говорит?» Остается по существу только одна - «что говорится»).

Безадресность, обезличенность текстов - неотъемлемая сторона манипулятивного дискурса в образовании.

Пристальный анализ проблемы «образование и власть», «учебный дискурс и власть» становится, тем самым, необходимым условием развития гуманитарных и особенно гуманистических практик в образовании, условием преодоления «машин рационально-бюрократического манипулирования» человеком.

Доклады и тезисы выступлений ▼

Дискурс власти и эзотеризм

О.В. Коркунова

В последнее десятилетие власть не только терпима к мистическим учениям, но предоставляет широкие возможности для их распространения через средства массовой информации. У нас выходит несколько специализированных газет, журнал «Урания», передачи по этой тематике идут на ТВ, а поток книжной продукции способен удовлетворить самые разнообразные запросы. В силу этого эзотеризм сегодня стал составной частью массового сознания и массовой культуры. Но одновременно он становится и составной частью элитарной культуры. Наша пресса не раз писала, что специалисты в этой области обслуживали президента США Р. Рейгана, были в ближайшем окружении президента России Б. Ельцина, а «Комсомольская правда» опубликовала интервью с работниками закрытой лаборатории,

Мы не считаем определяющей причиной, тот факт, что в условиях коренной ломки жизни, при ее нестабильности человека всегда тянет в мистику. И вот почему: интерес к эзотеризму сегодня не связан с «бегством от реальности». Он носит ярко выраженный прагматический характер - использовать эти знания в реальной жизни.

Оказалось, что эзотеризм очень легко вписывается в механизмы функционирования массовой культуры, современных технологий «паблик рилейшн». Это можно объяснить следующим. Эзотеризм - знание закрытого типа, которое до последнего времени было доступно только посвященным. Оно требует очень длительной специальной подготовки человека и овладевать им очень сложно. Но в руках тех, кто этого добился, оно дает удивительные результаты, как с точки зрения проникновения в будущее,

использовавшими такие знания для предсказаний. Встал вопрос: чем все это можно объяснить?

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

осваивать их всерьез стремятся немногие. Большинство предпочитает потреблять готовую информацию, не вникая в технологию ее получения. Но она окутана для них тайной мистики, что всегда вызывало у человека 2 чувства: любопытство и страх. В результате и сегодня человек принимает эту информацию на веру и стремится учесть ее из-за страха возможных негативных последствий. Таким образом, сам статус этих знаний позволяет *управлять* поведением людей, использовать их в современных технологиях социального менеджмента.

Но есть и другие причины, в силу которых люди проявляют интерес к эзотерическим знаниям. На наш взгляд, это, во-первых, - изменение менталитета. Современные информационные технологии обеспечили быстрое и резкое расширение сознания человека. Происходит глобализация мышления. Требуется новый образ мира и человека, а также новый тип рациональности. Он не может быть построен на базе одной локальной культуры. Эта трудоемкая задача требует как обобщения достижений цивилизации, так и более глубокого понимания самого человека. При этом на первый план выдвигаются этические проблемы: что могут позволить себе общество и человек сегодня и чем они будут расплачиваться за это в будущем. Подобный масштаб осмысления мира и человека содержится в эзотерических учениях. Более того, освоение космоса и достижения современной науки позволяют верифицировать часть этих знаний. Поэтому эзотеризм - это то, от чего можно отталкиваться при формировании нового менталитета.

С изменением менталитета меняется и система ценностей. И это вторая причина, по которой эзотеризм сегодня вызывает к себе интерес. Мы до сих пор

так и в плане понимания скрытых механизмов поведения людей. Сегодня, когда эти знания стали широко доступны,

человека всесильным. 20 век с его катаклизмами сильно подорвал построенную на этой основе систему ценностей. Он по - новому поставил проблему власти, целей общественного развития, места и роли человека в мире, свободы и ответственности как человека перед обществом, так и общества перед человеком. В новой системе ценностей особую значимость приобретает и сохранение природы, и демократизм, гуманизм власти, и качество жизни, и суверенность, счастье отдельного человека. Эта система ценностей создается как экзистенциально, так и путем теоретических поисков. Эзотерические учения содержат свою систему ценностей. В частности, в эзотеризме очень хорошо показано, что эгоизм и насилие в действиях человека наносят урон не только обществу, но и порождают дисгармонию мира в целом. А счастье и успех человека во многом зависят не только от его действий, но и эмоционального и мыслительного настроя. Эти и многие другие положения совпадают с выводами, к которым приходит современная психология и этика. Кроме того, эзотерическая система ценностей учит человека быть более терпимым, толерантным по отношению к власти.

Еще одной причиной, в силу которой, на наш взгляд, объясняется интерес к эзотерическим учениям, является изменение ритма и темпа жизни человека. Для человека это чревато не только нехваткой времени, но и значительным ростом нервных и психических нагрузок. Отсюда - проблемы здоровья, релаксации, контроля за своим поведением. С этим связано и увлечение достижениями восточной культуры (йога, цигун, медитации и т.п.) и появление на Западе учений типа Хаббарда. Эта проблема, которую решают для себя и «простой человек» и правящая элита. Ее успешное

находились и еще находимся во власти тех идеалов, которые были созданы эпохой Просвещения: разум, образованность, наука и техника делают

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

результативность действий человека, его оценки успеха, счастья в жизни. В этом плане эзотеризм - просто кладезь разнообразных методик и техник решения таких проблем. Всех их отличает уникальная особенность:

решение во многом влияет на уровень конфликтности в обществе, определяет микроклимат и настроение в обществе и микросреде. От нее во многом зависит

применение универсальных правил в сугубо *индивидуальной* форме. Это позволяет человеку проявлять свою индивидуальность, самореализовываться, а также оптимизировать формы поведения.

Доклады и тезисы выступлений ▼

Россия

и

«Новая Атлантида»

К.А. Маркелов

Открытое общество". Кому из политологов не знаком этот термин? На заре становления новой России, формирование открытого общества считалось чуть ли не панацеей для решения всех социальных проблем в России. Предполагалось, что демократическая власть в купе с нарождающимся в России гражданским обществом, сможет реально влиять на государственную внутреннюю и внешнюю политику страны в интересах всего общества. Однако, десять лет реформ принесли не столько позитивные результаты, сколько разочарование для большинства людей. В результате неоправданных ожиданий, такие понятия как: "открытое общество", "демократия", "свобода", "права человека" стали в общественном сознании скорее синонимами выражения "неудавшийся эксперимент". Сегодня с горечью можно констатировать, что идея открытого общества не стала реальной силой, поскольку (согласно учению К. Марксу) не овладела массами. Демократическая риторика так и осталась риторикой,

президентских выборов в РФ, когда усталость от не сформировавшейся демократии и архаичных рыночных отношений стала решающим фактором. Поддержка населением Президента В. Путина сегодня уже выглядит как "бегство от свободы". В общественном сознании формируется ложная, на наш взгляд, дилемма: "или демократия или тепло в квартирах". Для "рядового человека" дилемма не сложная... Капитализм, который в других странах давно перестал быть "диким", в России приобретает формы экономической поляризации общества. Однако, ситуация, когда бедные беднеют, а богатые богатеют, не является нормальным положением вещей и не может быть основой стабильного развития страны.

Государственные структуры, понимающие малую результативность десятилетних реформ, начинают лихорадочные поиски новых рецептов, одним из них является уже продекларированная идея усиления государства и его целостности. В ходе этого процесса многие вопросы, такие как: права человека, формирование

“китайской грамотой”, которая не получила теоретической и практического наполнения.

В контексте такого подхода можно рассматривать и результаты последних

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

было бы назвать постепенным “закрытием” общества.

В чем же причина того, что рыночные механизмы не работают эффективно в экономике, демократические в политике и т.д. Возможно, одной из составляющих пресловутых национальных особенностей является то, что наше общество не достаточно открылось миру. Известные российские политологи и социологи (Ю. Левада и др.) считают, что виной тому по-прежнему остается живущий в нас “комплекс врага”. Мы все еще чувствуем себя лагерем, вокруг которого и внутри которого враги, или, по крайней мере, враждебные элементы. Этот “комплекс врага” мешает нам осознать опасность самоизоляции России и усиливающегося ценностного, экономического и военного разрыва с Западной цивилизацией.

Определенным приобретением можно считать то, что российской общественности за годы реформ стала понятной бессмысленность простого копирования механизмов - двигателей рыночной экономики на Западе. Единственным и благодарным путем выхода из этой ситуации является расширение контактов с внешним миром, так сказать, выход в свет, причем не государства, а общества. Наше общество сегодня как никогда напоминает страуса, прячущего голову в песок.

Выходом из данной ситуации может быть не самоизоляция российского общества, а наоборот, стремление во вне с желанием понять, как мыслят те, кто живет по законам демократии и рынка. Одной из важнейших составляющих является развитие “народной дипломатии”, позволяющей расширять контакты с другими странами не только в рамках государственного сотрудничества. Приезжая, например, в

гражданского общества через систему общественных организаций, судебная реформа и т.п., снимаются с “информационной повестки” дня. Процесс, который мы наблюдаем, можно

ученые всех специальностей имеют возможность общаться с коллегами совершенно свободно, без страха быть непонятыми, без страха вызвать интерес компетентных органов по возвращению в свою страну. Развитая система грантов позволяет проводить мероприятия самых разных форматов в любой стране (научные конференции, обмены, совместные проекты). Любой работающий американец может позволить себе посетить своих друзей, живущих в Париже или Канаде, полетев туда на уик-энд, вопрос визы для поездки по странам Европы уже давно не вопрос. Все это лишь иллюстрации того, что процессы интеграции реальны, и России необходимо принимать в них участие.

Естественно, как в любом обществе переходного периода у нас идет постоянный поиск и выработка ценностей и установок, поскольку не все западные “советы” применимы к российским условиям. Коль скоро мы определились в первом приближении и говорим о поступательном движении демократии и неизбежности рыночных преобразований, надо принимать меры для того, чтобы “вписаться” в мировой рынок. Никто не оспаривает нефтяной заинтересованности России в Азербайджане, никелевой на Кубе и союзнической в Белоруссии. Но если мы хотим стать демократическим государством с рыночной экономикой, необходимо быть элементом демократической и рыночной системы в мире. Это вряд ли будет возможно, опираясь лишь на поддержку лидеров стран - изгоев.

Культурно-профессиональные связи с развитыми странами на сегодняшний момент являются необходимым элементом рыночной экономики, без которого она не сможет функционировать. Несмотря на то, что

Америку поражаешься разнообразию культурных и профессиональных связей США с другими странами. Стали обычным делом поездки студентов на семестр или на год в любую страну Европы. Специалисты всех профилей,

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

профессиональном измерении.

Дискурс российской власти сегодня порой представляет нам дело так, что Россия по очереди ведет переговоры с различными международными организациями, которые, вроде, не имеют никакого отношения друг к другу. Россия ведет переговоры с НАТО по его расширению, переговоры с МВФ по долгам, спорит с Советом Европы по поводу российской политики в Чечне. На самом деле, мы имеем дело с одним цивилизационным образованием – ЗАПАДОМ. Институты НАТО, ЕС, Совет Европы, МВФ – это лишь “отделы” предприятия под названием Трансатлантическая Цивилизация. Эта цивилизация разрастается и выходит за рамки привычного понятия “Запад”. В мировой повестке дня сегодня новый вопрос – глобализация. Российская политическая элита недооценивает это явление или делает вид, что его не существует. На самом деле глобализация будет иметь очень серьезные последствия как для всего мира, так и для России. Свободное движение людей, товаров, услуг и капиталов, общие политические и правовые ценности, становятся основным принципом общественно-политического, экономического и военного развития Европы и Америки. Идет формирование наднациональных связей со странами Азии. США стоят во главе экономической мощи континентов Северной и Южной Америки. В Европе реально идут процессы всесторонней интеграции, и в то же время – укрепление межконтинентальных связей с Америкой в рамках “атлантической солидарности”. К этому необходимо прибавить

десятилетие реформ во многом способствовало укреплению связей России с зарубежными странами, нашей стране так и не удалось войти в сообщество индустриально-развитых стран и стать его частью в культурном и

потенциал Японии, стран Юго-Восточной Азии. Таким образом, идет формирование конгломерата государств на планете, своеобразной “Новой Атлантиды”. Экономическая, военная и интеллектуальная мощь этого “континента” будет огромна.

Вопрос о том, с кем России надо развивать отношения, с “Западом”, или с “Востоком”, можно снимать с повестки дня. Ответ должен быть однозначным: на Востоке с “Востоком”, на Западе с “Западом”. Можно провести аналогию с США. Страна лежит между двух океанов Тихого и Атлантического. В Америке не стоит вопрос, с кем развивать отношения, с соседями на другом конце Тихого или Атлантического океанов. Развивать надо и там, и там. С Европой через Атлантический, а с Азией – через Тихий. США успешно действовали в этом направлении последние пятьдесят лет, формируя политические, экономические, финансовые и военные институты в Европе и с Европой. Параллельно Америка формировала экономические и военные связи с Японией и странами Юго-Восточной Азии. После краха Советского Союза, Россия начала реформы. Однако, десять лет не принесли желаемого результата. Наступает XXI век, и Россия оказывается в кольце новой мощной технократической цивилизации, становится «черной дырой» (З. Бжезинский) в самом ее центре. Это проблема прежде всего для России, и перестанем ли мы быть «черной дырой» или нет, зависит от нас. Ясно одно, парадигма мышления “Россия – Запад” устарела, и на смену ей должна прийти новая – “Россия и Мир”.

Манипулятивная политика: дискурс популизма

Д.В. Нежданов

В современных тенденциях развития социально-политического дискурса России стратегия информационного популизма занимает одно из ведущих положений. Подобная дискурсивная модель благодаря своей эффективности надежно включается в политическую жизнь современной России, становясь важным инструментом власти в объединенных политических и экономических верхах страны.

Одним из основополагающих звеньев такого рода информационной стратегии становятся технологии так называемой “похвалы адресату”, проявляющиеся как в риторико-лингвистической модели современного дискурса, так и в его невербальных аспектах. Информация, сопровождаемая целенаправленным действием, является усовершенствованной технологией заключительного этапа “цикла харизмы”, развивающегося в соответствии с позицией С. Московичи - от эмоции к разуму. В качестве примера подтверждающего такого рода позицию можно отметить снижение популярности такой политической фигуры как В. Жириновский, который воплощал собой харизматического лидера. Его популярность была основана на тесной эмоциональной связи политика с аудиторией электората. Последние полтора года, напротив, показали, что политический выбор современного россиянина в большей степени зависит от уровня видимой полезности программ и действий “новых” политиков для населения. Таким образом, политический цикл харизмы “от деструктивной эмоции к конструктивному

отражает специфику развития политического дискурса в современной России. Однако “конструктивное рэцио” в политике по-прежнему не выходит полностью за пределы эмоционального восприятия власти. Это во многом обусловлено как традициями и архетипическими представлениями россиян о власти, так и тем, что действующая власть, а также конкурирующие с ней элиты по-прежнему используют модернизированные формы популизма. Это позволяет беспрепятственно лоббировать узкокорпоративные интересы, выключая из воздействия на власть большую часть населения России. Сегодня популизм - это политика минимизации потерь, а не максимизации прибыли. Однако такого рода стратегия, не основанная на возможности последовательной реализации поставленных целей, может обернуться развитием деструктивных социальных процессов. Так, закон “О ветеранах”, принятый Федеральным Собранием в 1995г., предусматривавший значительные льготы ветеранам войны и труда, не имея финансовой базы в бюджете, создал волну недоверия к власти, институтам представительной демократии. В результате финансовая беспочвенность популистского законодательства, приведшая к социальной напряженности, стала основой переноса популистской функции нормотворчества на, своего рода, акты - рекомендации Госдумы: постановления, заключения, обращения. Помимо прочего, популизм, как информационная стратегия, эффективно используется оппозицией действующей власти. Предлагаемые оппозицией простые

возникающих социально-экономических и политических проблем, способствуют популяризации политиков, конкурирующих с действующей властью. С точки зрения обывателя программа антиинфляционной политики и сохранения либерального внешнего режима как фактора противодействия монополизму на внутреннем рынке и стимулирования конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей, предложенная командой Б.Ельцина в 1995-1996гг., сложна. Эта популистская программа и стала важным инструментом борьбы за власть коммунистов, левых партий и аграриев.

Необходимо отметить, что современная стратегия популизма претерпела изменения. Если прежняя эмоциональная модель популизма представляла собой деятельность, имеющую целью обеспечение популярности в массах ценой необоснованных обещаний, демагогических лозунгов, то сегодня популизм становится методом социально-управленческого воздействия на общество и реализуется в целях сохранения status quo, стабильности политического положения в стране посредством подчеркнуто уважительного отношения к электорату с использованием лозунгов и действий, поднимающих статус и вес избирателя в его же глазах. В качестве примера подобной популистской политики можно привести слоганы, которые были использованы в ходе избирательной кампании "Блока Жириновского" на выборах в Госдуму в 1999г. ("Великая

страна! Великий народ! Вместе в достойное будущее!"), политические акции движения "Май" по перерасчету пенсий на выборах в Свердловской области в 1999 и 2000г. Сюда также можно включить публичную акцию по выплате значительной компенсации семьям погибших подводников с атомохода "Курск", предоставления иных льгот и социальных гарантий. Это своего рода альтернатива деструктивному популизму, использующему мотив принуждения, запугивания аудитории, что проявлялось в критике существующих государственных институтов, проводимой политики и т.д.

В заключение отметим, популизм как метод социального управления постоянно модернизируется, но так или иначе остается методом манипулятивного воздействия на аудиторию электората. Сегодня сохранение аполитичной позиции избирателя, неспособного к анализу складывающейся политической ситуации, препятствует конструктивному изменению институтов власти в России, становится почвой для деструкции многих социальных институтов и снижения социального контроля над властью придерживающими. "Подкуп" же социального доверия посредством популистской практики не только снижает уровень социальной критичности общественного организма, но и уровень самокритичности каждого отдельного гражданина, препятствуя прогрессивному развитию общества и государства в современной России.

Что могла бы сказать элита?

Е.Е. Тойбич

Современные социальные науки создают новые средства контроля и воздействия на образ жизни и мышления населения. В то же время, появляется расширенная возможность анализа поведения представителей властных структур. Перед современной элитой не стоит задача четкого проговаривания своих интересов и целей. Для этого идеологами разрабатывается и транслируется обширная авторитетная система образов. Происходит выборность реальности – выделяя одни стороны, оттеняя или игнорируя другие, власть контролирует нашу осведомленность и способна формировать наше отношение к фактам. И здесь большую роль играет изначальная унифицированность восприятия и мышления аудитории. Конкретные образы заранее несут оценочную смысловую нагрузку.

Методика создания восприимчивой среды: масса переживает на данный момент процесс упрощения сознания, языка, эмоций; - все сводятся к простым процессам, терминам, образам мышления и поведения. В таких условиях становится легче руководить массой.

Метод воздействия на сознание населения: проводится четкая регионализация по уровню жизни населения, и воздействие проводится в

основном на нижние слои населения или, исходя из конкретных представлений и систем ценностей каждой группы. Четко фиксирующие свои устремления в языковых и образных нормах, представители власти имеют с своим распоряжением все современные средства коммуникации, все военные и мирные наработки для осуществления контроля и руководства. Действительная реальность давно уже снята. Упрощенная, закодированная словами и ограниченная проецируемыми посредством средствами массовой информации образами жизни, мысли, действия, желания, реальность являет собой кукольную общественную систему – нас самих по себе в ней нет. Нами столь искусно манипулируют, что мы не можем выявить этот контроль. Те же его составляющие, которые подвластны нашему пониманию, не теряют своей активности в воздействии на наше мышление при их раскрытии. Так, ни для кого не являлась тайной политизированность и демагогичность спора Киселева с Доренко, предзаданность видения и цель представления проблемы каждым. Но население оставалось перед выбором принятия мнения одного из двух, а методологические наработки ведения передачи жестко прикрепляли основную массу к изначально выбранной программе.

Фразы

К.Н. Любутин

- Маркс и я - это всегда интересно.
- Карл Маркс умер в России.
- Ленин - волюнтарист в политике.
- Философское

мировоззрение по своему дискурсу
тотально иронично.

- По мере социального повзросления
российского общества ... усиливается
философская оснащённость
поэтической сатиры.
- Вл. Соловьев - рыцарь «Истины, Добра
и Красоты», веривший в «Вечную
Женственность», ненавидел
самодержавно- буржуазный мир. И мы
можем только повторить вместе с ним:
Благонамеренный
И грустный анекдот!
Какие мерины
Пасут теперь народ!
- Для поэтов разных политических
ориентаций внутри широкого
демократического течения на первом
плане оказалась проблема «власть и
народ». ... В пародии на Пруtkова «Из
Гейне» Саша Черный пророчески
заявил:
Дух свободы ... К перестройке
Вся страна стремится,
Полицейский в грязной Мойке
Хочет утопиться.

Не топись охранный воин, -
Воля улыбнется!
Полицейский! Будь покоен.
Старый гнет вернется.

- Думаю, появятся новые мощные
сатирики, гений которых ... поможет
очистить общество от
лжедемократической грязи. Мое же
мироощущение по возрасту хорошо
накладывается на сатиру П.В.

Шумахера:

Годов с полсотенки берем
На плечи весело взвалив,
Я не ругаю наше время, -
Я, славу богу, не брюзглив.
Но, оглянувшись на дорогу
И вспомнив, что пережито, -
Я убеждаюсь понемногу,
Что нынче многое не то.
В питье не та совсем манера,
В беседе нету той души,
Стихи, сигары и мадера
Теперь не так уж хороши.
Порода лысой молодежи
Не ставит женщин ни во что,
Все стало вчетверо дороже, -
Нет, против прежнего, - не от!
Погода с каждым годом хуже,
И урожай совсем не тот,
Мы все без денег - к тому же
Мельчать ужасно стал народ...
Да вот и я: бывало Маша
Лишь чуть вошла, сняла пальто,
Я весь в огне... Ну, воля ваша,
Теперь не то, теперь не то!

И.П. Малинова

образование страна будет поддерживать тогда, когда создаст экономическую базу, и когда это удовольствие будет ей по карману. Ленин тоже писал об этом.

- Над Россией тяготеет большевизм. Даже Чубайс чем-то похож на Ленина. Ведь не даром он сказал, что культуру и
- Сегодня как во времена социализма страну тяготит экономический детерминизм.
- XX век - это Маркс, Ницше, Фрейд.
- Программу перестройки Горбачев позаимствовал из Э. Фромма («Революция надежды») и в чем-то у Маркса. Но и Фромм и Маркс писали о неразвитом капитализме, что, конечно, «не имеет никакого отношения к российской действительности».

Н.Г. Чевтаева

- Хозяин ларька и политик иной раз говорят на одном и том же языке.
- Двойной дискурс во власти - для народа и для себя.
- Существуют одни и те же клише, которые используют все политики, но не объясняют смысл, который они в них вкладывают.
- Цель российского политического дискурса - выдать свои интересы за интересы народа. Если что-то сорвется, есть кого обвинять.

В.Ф. Олешко

- Призрак бродит по России - призрак пофигизма.
- Коммуникация на СМИ - это ракета, выводящая новую элиту на орбиту
- Дискурс во многом определяется СМИ.

В.В. Китаев

- Демократическая риторика становится не модной. В моде риторика сильного государства.
- Говорят, лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас. У нас, по-видимому, считается иначе.
- Зияющие пустоты во властном дискурсе. Молчаливое согласие власти и общества.

Б.Б. Багиров

- Дискурс власти и власть дискурса - вопросы эпистемологии.
- Власть как собственность - реальное бытие власти.
- Говорят: задача государства - построить гражданское общество. Это значит с помощью власти уничтожить ее собственность, силу власти.

И.М. Модель

- Нет консолидированного гражданского общества, которое способно ввести дискурс, чтобы был диалог с властью. Диалог власти и гражданского общества разорван.
 - Во властном дискурсе практически не участвуют сами представители власти. Дискурс власти вторичен, третичен. PR и СМИ замещают его. Власть за неимением собственных сил передала им свои полномочия.
 - Канал формирования общественного мнения иррационален. Кто раскроет перед нацией смысл современной политики?
- Монтаж записей: Наталия Арапова,**
- студентка УрГУ

Резюме ▼

Резюме

В рассуждениях о дискурсе

А.Э. Якубовский

Очевидно, что даже сегодняшнее, столь представительное философское собрание, морально не готово просто купаться в потоке чистого дискурса; нам постоянно хочется нащупать за "словами, словами, словами" нечто более реальное — например, структуру общественных отношений. И дело не только в том, что мы почти все поголовно по образованию марксисты (кроме самых молодых коллег), но и в сверхзадаче — по Станиславскому — предложенного проекта. Сам по себе дискурс, если предположить возможность строго

интересовать лишь филологов. Если для обсуждения этой проблемы собрались политологи, пиарщики и философы, то это означает два момента. Во-первых, нас интересует, насколько тесно дискурс (тем более что речь идет о властном дискурсе) связан с соответствующими ментальными парадигмами, определяющими реальное поведение людей, причастных власти, и насколько сами эти парадигмы, в свою очередь, связаны с реальным устройством самой власти, отвечают механизмам ее функционирования в обществе. Во-вторых, это вопрос о том, можно ли посредством дискурса как-то влиять на

парадигмы и отразится ли это хоть как-нибудь на реальных механизмах осуществления власти?

Здесь я употребляю термин "парадигма" не в классическом значении глобального мировоззренческого образования (по Т.Куну), а просто для любого достаточно отчетливого и внутренне связанного ментального образования, выполняющего стилиобразующую роль для мышления и деятельности в какой-либо ситуативной области.

Поэтому, как бы привлекательны и важны ни были наши "рассуждения о дискурсе", реальным центром исследований, по моему глубокому убеждению, может быть только анализ ментальных парадигм. Именно они впрямую включены в субъектность человека и поэтому диктуют, с одной стороны, порядок работы реальных механизмов власти, а с другой — тип и стиль дискурса. Дискурс же был и остается одним из важнейших средств изучения ментальных парадигм через их выявленность в языковой (в широком смысле) практики.

Мне кажется очень важным целый ряд высказанных сегодня в этой аудитории мыслей; их конструктивное обсуждение способно будет серьезно продвинуть вперед исследование реального состояния нашего современного общества. Мне очень понравилась идея о "двух дискурсах" — реальном (приватном) и декларативном (публичном), которые принципиально не совпадают по своему содержанию. Следует, однако, указать, что "два дискурса" мы можем найти в любом обществе и в любую эпоху. Гораздо интереснее рассмотреть конкретные причины сосуществования именно таких двух дискурсов в этом месте и сейчас. Очевидно, было бы упрощением в духе французских просветителей XVIII века видеть корень этого в некой осознанной злонамеренности власть имущих, которые вслух говорят по-новому, а про

искренней массовой аберрации сознания: убежденности в том, что наши мотивы, стремления и способ действий изменяются одновременно с нашими поступками. Не новая парадигма, представленная почти исключительно речевым и знаковым дискурсом, используется для маскировки и сохранения старой парадигмы, а наоборот, через дискурс мы пытаемся приобщиться к новой парадигме, "уговариваем" себя на окончательную смену парадигм. Теоретически понятно, что поскольку все ментальные образования имеют исключительно большую инерцию, то между их появлением в общественном сознании и интериоризацией в индивидуальное сознание должно пройти некоторое время. Поскольку же ментальные образования, строго говоря, относятся даже не к сознанию, а к опыту (в трактовке В.П.Иванова), т.е. непосредственному сворачиванию деятельности в сущностные силы человека, сохраняющей свои орудийные формы, то смену стиля дискурса можно рассматривать как значимый механизм этого процесса. Дискурс здесь выступает как речевой (знаковый вообще) заменитель общественной практики, приводящей к формированию ментальности.

Этот феномен особенно характерен для сферы политики и для переходных эпох. Именно такой ментальный "раскол", парадигмальная "слоистость" сближает фигуры двух таких характерных реформаторов, как Хрущев и Горбачев. В первом случае общественная инерция оказалась больше импульса власти, во втором — наоборот, общественный импульс оказался больше инерции власти; однако оба они — единственные за всю российскую историю руководители, свергнутые со своего поста и не только оставшиеся в живых, но и, говоря по-русски, "оставленные без последствий". Случайно ли такое совпадение — т.е. обусловлено ли оно

себя думают — и делают! — по-старому. Скорее здесь должна идти речь об
ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ

ним есть некая более глубокая закономерность? Какие "разломы" общественного сознания надо спровоцировать, чтобы даже в случае неудачи можно было надеяться на относительно благополучный исход? — над этим вопросом стоит задуматься каждому российскому политику.

Я также целиком согласен с профессором Исаком Моисеевичем Моделем, что поведение современного российского общества определяется по преимуществу бессознательными стремлениями и установками. Это легко заметить, анализируя политический и рекламный дискурс с точки зрения теории рекламы: успешнее всего работают совершенно неконкретные, общевозбуждающие или общеуспокаивающие призывы, а индивидуализация предложения происходит внешним, не-содержательным образом. Программы политических партий пишутся под копирку — благо их никто не читает — а сами партии различаются исключительно по фигурам лидеров. То же и в коммерческой рекламе: методология УТП работает на весьма узком (и целиком импортном) сегменте, в целом же рынок активно использует методологию образа марки — и это несмотря на практическое отсутствие отечественных марок как таковых! Чуть ли не единственный наш хорошо "раскрученный" бренд — торговая марка "Довгань" — строится

каждый раз иными конкретно-историческими причинами — или же под

опять-таки на образе конкретного реального человека, лично выступающего в СМИ с его поддержкой.

С точки зрения исследователя ментальных парадигм эта ситуация сближает современное российское общество с традиционным. Однако это означает, что на деле в нашем обществе происходит отнюдь не раскол и внутренняя дифференциация — о чем мы уже привыкли слышать из весьма многочисленных уст политиков и ученых — а напротив, процессы сближения ранее удаленных социальных групп (по крайней мере, в каких-то весьма существенных отношениях)! Как объяснить этот парадокс? Что же на самом деле происходит с нашей социальной структурой? Фактически сегодня мы можем лишь обозначить эту проблему и предположить, что ее решение, возможно, даст нам ключ к более эффективным и менее затратным средствам влияния на аудиторию, нежели используемые сейчас механизмы, предназначенные для традиционного общества. Образно говоря, вопрос стоит так: можно ли вместо горчичников и чая с малиной для лечения острых респираторных заболеваний изобрести пенициллин? Однако даже для отрицательного ответа на этот вопрос нам придется вместо народной мудрости обратиться к научным методам исследования.

▲ В спорах о дискурсе...

ГАЛЕРЕЯ

ГАЛЕРЕЯ

М.М. Бахтин: типическое и оригинальное

Б.В Емельянов

25

лет назад ушел из жизни Михаил Михайлович Бахтин - один из самых выдающихся мыслителей России XX в. Его гениальность признана во всем мире. В Японии, например, вышло 8-томное собрание сочинений М. Бахтина. (Ничего подобного в России все еще нет!).

Если использовать старое школьное выражение - «типичный представитель», то М.М. Бахтин как раз и был типичным представителем русской философии. Он концентрированно выразил и ее талант и неординарность, и ее мировое значение (звучание), и трагичность ее судьбы.

И если одна сторона педали под названием «М.М. Бахтин», - типичность, то другая - уникальность оригинальность. Такого таланта самовыражения, глубины мысли не было и, вероятно, долго не будет.

С 1924 г. живет в Ленинграде, работает на внештатных должностях в издательствах, в Институте истории искусств. Бедствует, живет на мизерную пенсию, на чужих квартирах.

В Невеле, Витебске, Ленинграде вокруг М. Бахтина собирается кружок друзей-единомышленников. Уже в 20-е годы обнаружились серьезные осложнения со здоровьем (хронический остеомелит), что привело в конечном итоге к ампутации ноги в 1938г.

В 1929 г. выходит первая и долгие годы самая известная книга М.М. Бахтина - «Проблемы творчества Достоевского». В ночь с 24 на 25 декабря 1928 г. начинается скорбный путь М. Бахтина - узника ОГПУ. Его арестовывают как участника «подпольной контрреволюционной организации правой интеллигенции» под

М.М. Бахтин: ТИПИЧНОЕ Вехи жизни М.М. Бахтина просты, типичны для русского интеллигента XX века и известны трагизмом существования в бездушном пространстве сталинской эпохи:

Родился 5(17) ноября 1893 г. в Орле в обедневшей дворянской семье. Окончил Одесскую гимназию, учили в Новороссийском (Одесском), затем в

Петроградском университете, который окончил в 1918 г. Правда, как выяснилось из анкеты в ОГПУ, без получения диплома. Работает учителем в единой трудовой школе в Невеле (1918-1920), в Витебском педагогическом университете (1921-1923).

ГАЛЕРЕЯ

литературы в Мордовском педагогическом институте. В 1969 г. он переезжает на лечение в Москву, где 7 марта 1975 г. умирает. Похоронен М.М. Бахтин на Введенском кладбище в Москве.

М.М.БАХТИН: ОРИГИНАЛЬНОЕ

Мало кому из известных мыслителей повезло остаться в памяти поколений автором признанной всеми идеи, введенного или понятия или термина. У М.Л. Бахтина в проблемном поле его творчества несколько таких идей и понятий.

Его творчество, несомненно, *погранично*: Бахтин - продолжатель классической традиции в философии и яркий представитель постклассической философии XX в. Однозначно он не вписывается ни в одно философское направление, но питает многие.

Бахтин не приемлет «теоретизм», те принципы философского мышления, в которых исключается человек со всеми реалиями его бытия. Он считает:

«Все попытки преодолеть дуализм познания и жизни, мысли и естественной конкретной действительности изнутри теоретического познания совершенно безнадежны».

Мировоззренческий дискурс Бахтина прост: бытие архитектурно организовало сосуществование и

названием «Воскресение» и приговаривают к 5-летнему заключению в концлагерь. Заступничество Е. Пешковой и многих известных общественных деятелей привело к тому, что Соловки Бахтину заменили на ссылку в Кустанай, где он прожил вплоть до 1937 г.

После ссылки живет под Москвой, в 1946 г. в Институте мировой литературы защищает кандидатскую диссертацию о Рабле. Большинством в один голос Совет присудил за нее Бахтину докторскую степень, но ВАК это решение не утвердила.

В 1945 г. М.М. Бахтин переезжает в Саранск и вплоть до ухода на пенсию в 1961 г. возглавляет кафедру всеобщей

Поэтому философия Бахтина изначально диалогична по формуле «быть - значит общаться диалогически». Это своеобразная феноменология «Я» через категории «я-для-себя», «другой-для-меня» и «я-для-другого». Поэтому не только «Я», но и «другой» — онтологические условия осуществления диалога.

В диалоге «Я» и «другого» не может не проявляться чувство *ответственности*, т.е. «Я» приходит в бытие через поступок, и все происходящее в мире есть результат деяний в каждом конкретном случае «участно ответственных». При этом Бахтин употребляет понятие «не-алиби-в-бытии» и считает, что человек не имеет права на алиби, не может уклоняться от ответственности за все, что происходит вокруг, от поступка и, значит, от жизни.

Глубокомысленны и самоценны открытия М. Бахтина в литературоведении, особенно два из них:

- Понятие «смеховой культуры», противостоящей официально-государственным формам ее бытования.
- «Полифония» как «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний» героев и автора художественного произведения. О М.М. Бахтине знают и пишут во всех

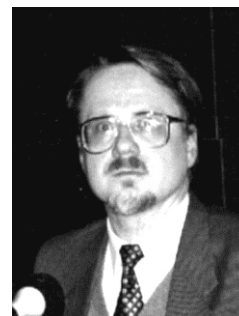
взаимодействие личностей. Поэтому «все в этом мире приобретает значение, смысл и ценность, как человеческое. Все возможное бытие и весь возможный смысл располагаются вокруг человека как центра и единственной ценности». Это своеобразная «философия жизни», «событие бытия», «философия поступка», где *поступок* — любое человеческое проявление как в физическом, так и в идеальном мире в виде мысли и слова, «участное переживание», «вчувствование в другого».

уголках Земли. Он становится мерой в оценке различных школ и течений, о чем говорят многочисленные публикации западных исследователей: «Бахтин и Бубер», «Бахтин и Деррида», «Экзистенциалист ли Бахтин?», «Бахтин, марксизм и постструктурализм» и другие. И потому прав С.С. Аверинцев, что «без чего иного, а без наследия Бахтина ни отечественной, ни всемирной культуры представить себе решительно невозможно».

А.Г. Дугин

А.Г. Дугин: настоящий постмодерн

С.Н. Некрасов

С.Н. Некрасов

Дугин Александр Гельевич – советник Председателя Государственной Думы РФ, председатель секции Экспертно-консультативного совета по проблемам национальной безопасности при Председателе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Центр Геополитических Экспертиз", философ, политолог, главный редактор журнала "Элементы", президент ИРА "Арктогея", академик Академии геополитических проблем, преподаватель философии политики (политологии) в МНЭПУ, основатель современной российской школы геополитики, автор первого в России учебника по геополитике.

Александр Дугин родился в 1962 году в Москве, в обычной семье. Отец - военный, он оставил мать, когда Александру было 3 года. Мать - врач. Отец родился в Москве, а дед - тоже военный, ракетчик, участник войны - из Ярославля. Тогда, в тридцатые годы, была мода на такие имена, как Радий, Электрон и т.д., и от отца Александру досталось странное отчество "Гельевич", сам он, соответственно, Гелий Александрович Дугин, сын Дугина Александра Ивановича и Татьяны Николаевны Дугиной (урожденной Мальцевой).

Мать - Галина Викторовна Дугина – на четверть украинка (в девичестве Ануфриенко), родилась в Архангельске в семье Виктора Афанасьевича Ануфриенко и Евгении Степановны Каргальцевой (из-под Тамбова). Дед был прокурором Севморпути, а бабушка - преподавателем истории. Далее корни уходят к крестьянам, ремесленникам, железнодорожным рабочим, ничем не примечательным, скромным, типичным русским людям, каких миллионы. Отсутствие в роду каких-либо инородческих примесей, быть может, объясняет тот факт, что репрессии практически не коснулись никого из родственников.

В старших классах Александра Дугина неудержимо влекло к философии, литературе, поэзии, мистике. Ни семья, ни образование, ни товарищи, ни учителя не могли даже приблизительно заполнить тот вакуум, который возник. Начались трагические и интенсивные духовные поиски. Все резко переменялось после встречи в 18 лет с группой удивительных людей, которых очень трудно как-то определить. Это были "интеллектуалы-консерваторы". Ключевыми фигурами среди них были Евгений Головин и Гейдар Джемаль. Эти люди полностью сформировали Дугина, им он обязан своими взглядами и своей духовной позицией, всем. Благодаря им Дугин выучил иностранные языки (в этой среде знать менее 5 европейских языков считалось непристойным) и прочитал сотни философских и религиозных произведений. Отныне Дугин посвящал все время изучению философии, истории религий, западной литературы, богословия и т.д.

С началом перестройки Дугин активно включился в патриотическое движение. По мере развития в стране либеральных тенденций пришло понимание того, что, на самом деле, речь идет о противостоянии только двух сил - советской и западной. И все же с 1987 по 1991 Дугиным было затрачено немало усилий, - в статьях, выступлениях, лекциях и т.д., - чтобы сделать патриотическую идеологию чем-то законченным, особым, полноценным.

В 1989 году Дугин попадает ненадолго за границу, во Францию.

Бенуа, Робером Стойкерсом, Клаудио Мутти, Жаном Тириаром и др.). Участвует в конгрессах, конференциях, симпозиумах, читает лекции в Сорбонне. При этом знакомство с Западом заставило резко изменить его представления о нем. Участвовал в патриотических вечерах, митингах, ходил на все демонстрации, на многих выступал. Ездил по стране. Был в Сербии, посетил фронты Боснии и Герцеговины. Программные выступления того времени: «Консервативная Революция» – доклад на семинаре в Институте Философии АН СССР, 20 мая 1991 г.; «Стихии, ракеты и партизаны» – доклад, прочитанный на конференции по проблемам стратегической безопасности России и американской программы СОИ в Конституционной Комиссии Верховного Совета РФ зимой 1992 г.; «Грани Великой Мечты» – доклад, прочитанный в «Институте Мировой Литературы» в ноябре 1993 г. на ежегодном семинаре, посвященном исследованию Русской Идеи.

Работал плечом к плечу с А.Прохановым, В.Алкнисом, Г.Зюгановым, В.Чикиным, Э.Володиным, В.Бондаренко, с другими лидерами патриотического движения. Принимал участие в октябрьских событиях 1993 года в числе защитников Белого Дома. Первым стал публиковать материалы по геополитике, развивать евразийские проекты. В 1991 году А.Дугин вошел в редколлегию газеты «День». Первая публикация состоялась весной 1991 года статей «Угроза мондиализма». В ней А.Дугин рассказал о феномене «мондиализма» и фактически ввел это понятие в современный политический лексикон. Позже, в наследнице «Дня», газете «Завтра» с мая 1998 года два раза в месяц начинает выходить «Евразийское Вторжение» – приложение А.Дугина на целую полосу. Наиболее значимые статьи: «Постлиберальная эра» (№21, 1998 г.), «Ислам против ислама» (№31, 1998 г.), «Модернизация без вестернизации» (№37, 1998 г.), «Мировоззренческий код» (№48, 1998 г.), «Русский маршрут» (№32, 1999 г.), «Парадоксы воли» (№42, 1999 г.), «Евразийская платформа» (№3, 2000 г.).

В 1992 году начал издавать геополитический журнал «Элементы». А также альманах по истории религий «Милый Ангел». «Элементы», от 1-го до последнего номера посвящены разработке методов противостояния Новому Мировому Порядку, мондиализму. Все номера «Элементов» представляют собой структурный анализ и осмысление опыта коллективного унижения России и русского народа. Меняются точки приложения энергии, от номера к номеру, «Элементы» разбирают стратегии консервативной революции, геополитического противостояния, традиционалистской эротики, террора... 9-ый номер посвящен теме одержания постмодернизма. Первые номера «Элементов» были нарочито солидны, ориентированы на «взрослую» патриотическую оппозицию, в целом немолодую. Начиная с 8-го к 9-му номеру, «Элементы» стали ближе, по тематике и оформлению, к модным глянцевым журналам, не теряя при этом в агрессии противостояния. Сфера потенциальных читателей у современных «Элементов» расширяется от номера к номеру.

В Европе вышло несколько книг Дугина - на испанском "Мистерии Евразии", на итальянском "Континент Россия", а также несколько сотен статей на многих языках. В России опубликованы книги: "Пути Абсолюта", "Конспирология",

"Мистерии Евразии", "Метафизика Благой Вести", "Тамплиеры пролетариата", "Абсолютная Родина", "Конец света", "Основы Геополитики", а также переводы Ю.Эволы, Р.Генона, Г.Майринка и т.д.

В 1991-м году выходит первая книга А.Дугина «Пути Абсолюта». Автор даёт ясное изложение основ религиозных доктрин и метафизики на примере Индуизма и описание посвященных, эзотерических учений, связанных с Концом Света и Вторым Пришествием.

В 1993-м выходят две книги А.Дугина: «Гиперборейская теория», - в которой речь идёт о сенсационных открытиях немецкого историка и археолога Германа Вирта и развитие его идей русским последователем, тайных знаках проторунического алфавита, символике годового цикла, мистике человеческих рас; «Конспирология» - исследование тайной логики Истории, роли тайных обществ в социально-политических процессах.

В 1994-м г. «Консервативная Революция». Книга знакомит читателя с парадоксальной и неожиданной идеологией – идеологией Консервативной Революции. Это идейное, политическое, культурное и духовное течение, отрицающее старые классические модели – как капитализм, так и марксизм, как либеральную утопию Запада, так и тоталитарное наследие Востока.

В 1998-м г. в Москве под эгидой Александра Дугина начинает свою работу т.н. «Новый Университет» – уникальное учебное заведение, которое в силу своей неформальности и фундаментальности изучаемых проблем, резко контрастирует с пережитками «советской философии» и «грантовым конформизмом» новых гуманитарных институтов. Там стёрты грани между метафизикой, наукой, искусством, политикой и т.д. Некоторые названия лекций из цикла «Метаморфозы Я»: «Пол и Субъект», «Опыт разрыва. Боль и Число», «Недоступный антропос». В работе «Нового Университета» принимают участие – известный писатель Юрий Мамлеев, Евгений Головин, сетевой деятель Михаил Вербицкий и др.

В 1998-м г. на волнах «Радио 101» вышло 16 радиопередач А.Дугина «Finis Mundi», в каждой из которых повествуется о деятелях традиционалистского, евразийского толка. Автор рекомендует их для медитаций как «инициативские, вполне ритуальные фрагменты, позволяющие восходить по ступеням пробуждения». Тематику для медитаций избрали Рене Генон, Юлиус Эвола, Лотреамон, Мирча Элиаде, барон Унгерн, Ги Дебор, Ницше и др.

Александр Дугин активно транслирует свои идеи в киберпространстве. На базе очень активно посещаемого сайта «Арктогея» (<http://www.arctogaia.com>), Дугин создаёт партию электронного типа «Тамплиеры Пролетариата». Электронная Партия ТП не есть ещё партия в полном смысле этого слова. Это осто́в, проект, план, модель, а не живое существо. Задача ТП состоит в окончательной выработке мировоззренческих принципов, в оттачивании доктринальных формул, в заполнении на базе основного метода некоторых пустующих ячеек, необходимых для составления всеобъемлющего универсально приемлемого учения. Электронная партия ТП есть промежуточная реальность между чисто отвлечённой лабораторией мысли Арктогеи и грядущим политическим масштабным воплощением.

У А.Дугина двое детей: сын Артур (15 лет) и дочь Дарья (8 лет). Жена Наталья – философ. Французский журнал "Актюэль"(N43/44/45, лето 1994) назвал Дугина "наиболее влиятельным мыслителем посткоммунистической эпохи".

Станислав Некрасов: С первых же публикаций Александра Дугина в газете «День» я увидел в нём интеллектуального лидера тогдашней складывающейся оппозиции. Увы, патриотические интеллектуалы в романтический период до 1993 года

период развития органической элиты России. В 2000 году на авансцену истории выходят противники постмодерна и прочих переходных периодов, являющихся, по сути, деградацией и инволюцией. Маятник остановился и пошёл в нашу сторону. И уже президент В.В.Путин на замечание телепровокатора С.Доренко: «Странный наш народ», - ответил: «Правильный у нас народ!». Такому правильному народу нужна правильная интеллектуальная элита, состоящая не из тех, кто за 10 лет геноцида только разучился выговаривать со злобой «этот народ», перешёл к толерантному «наш народ», «наша страна». Новая элита считает, что ошибки истории надо исправлять. И поэтому лучшие силы вчерашних демократов уже призваны в эту новую элиту. Так, на уровне «высокого касания» взаимодействуют Александр Дугин и Глеб Павловский. И на Урале творческая элита также нуждается в радикальном обновлении. И эта наша публикация есть протянутая рука от имени безгласного народа к интеллигенции, не разделяющей судьбу и мысли своего народа. Интеллигенты – станьте интеллектуалами!

Вопросы профессора С.Некрасова к А.Дугину в режиме блиц-опроса. Цель – охват максимального объёма проблематики и получение моментального среза ментальности нашей будущей элиты.

Станислав Некрасов: Почему возник постмодерн?

Александр Дугин: Потому, что кончился модерн, исчерпав, заложенные в нем возможности. Постмодерн – это переходное состояние. Оно больше описывает не сущность явления, но агоническую картину отмирания модерна.

С.Н.: Кто в современной философии, общественном знании и политике для Вас

были не востребованы. С 1993-го по 1999-ый проходил инкубационный

является олицетворением духа пост-модерна?

ГАЛЕРЕЯ

А.Д.: Все, что вокруг нас, постмодерн. Но ярких философов нет. Постмодерн, возможно, не предполагает такой фигуры, как яркая личность. Удачливым в постмодерне является тот, кто тоньше надует и злее посмеётся. Партия «Единство» постмодерн. Березовский постмодерн. Абрамович постмодерн. Не постмодерн – это неумные отсталые люди.

С.Н.: Постмодерн – это всерьёз и надолго?

А.Д.: Всерьёз и надолго, если смотреть со стороны модерн или постмодерн. То, что модерну конец, всерьёз и надолго. Невсерьёз и ненадолго, если оценивать схоластику постмодерна, которую спешно пытаются утвердить пиаровцы от этого стиля. Но свое влияние на последующее (если последующее будет) постмодерн несомненно окажет. Самым пиком постмодерна является клонирование людей и выведение новых человеко-животных особей. За этим будущее. Клоны и есть реальные акторы постмодерна.

С.Н.: Ваше отношение к «новым философам» и «новым правым», а также отношение к термину «новые правые»?

А.Д.: Новые философы – Леви и Глюксман – просто ублюдки. Это немытые безграмотные недолюди. Новые правые (я имею в виду Nouvelle Droite) – очень приятные товарищи, мои друзья (де Бенуа, Стойкерс, Люк Повельс и т.д.) Их не надо путать с «новыми правыми» как new right в англосаксонском контексте, это либералы типа Чубайса.

С.Н.: Как Вы оцениваете «новых левых»?

частности, Джон Зерзан). Новые левые – проигравшая армия в борьбе с новым мировым порядком и либерал-капитализмом.

С.Н.: Как Вы оцениваете франкфуртскую школу (Маркузе, Фромм, Хабермас)?

А.Д.: Это все разные люди. Лучше всех Маркузе. Фромм занятен. Хабермас либеральная свинья.

С.Н.: Каково ваше место в оппозиции рационализм-иррационализм и признаёте ли вы правомерным такое деление в философии? Считаете ли его необходимым для современности?

А.Д.: Рационализм иррационален в своей сути, его строгость соблюдается только в промежуточной методологической сфере. Все исходные предпосылки мышления, а равно как и окончательные выводы рационального процесса безумны и иррациональны. Иррационализм – мистика, религия, интуитивизм – напротив, оперируют с диалектическими, стохастическими синхронистскими методологиями (как в теории хаоса взмах крыльев бабочки в Аргентине влияет на котировки токийской биржи), а в целом картина довольно стройная. В постмодерне нет и не может быть философии. Но трения между рационалом и иррационалом сохраняются. Сегодня побеждает Капитал (=рационал), но это настолько диффузно, что мало рационального в нем просвечивает. Сегодня проигрывает иррационал, но по видимости его освободили от тех табу, которые наложил на него модерн. Это – видимость, тактический ход.

С.Н.: Принадлежит ли деление философских учений и школ на два направления: материалистов и

А.Д.: Новые левые замечательные мыслители. И наследие сегодня безхозно. Самыми прямыми продолжателями их являются активисты Анти-Глобалистского Движения (в

ГАЛЕРЕЯ

марксизме много ценного, но основной вопрос философии сформулирован абсолютно неверно. Важно не идеализм и материализм, но субъективный идеализм (плюс субъективный материализм, консумеризм) против объективного идеализма (плюс объективный материализм). Философия делится на разновидность, признающую примат эго и отвергающую его. Та, что признает, это философия Капитала. Та, что отвергает (на любом основании), это наша философия, философия тамплиеров пролетариата.

С.Н.: *Ваша оценка атеизма, в том числе его современных возможностей.*

А.Д.: Атеизм выступал исторически как а-деизм. А-деизм представлял собой радикально антисакральную, гиперкреационистскую версию отношения к Богу, где он настолько далек (трансцендентен, что его как бы и нет – см. Вольтер, Тюрго, Бэкон). Исторически в атеизме была значительная доля пантеистической тяги к неосакральности, отказ от иссушенной реальности деизма. Советский тип сознания был атеистичен и религиозен одновременно, в этом можно увидеть продолжение линии Бенедикта Спинозы. Я думаю, что чаще всего мы не адекватно понимаем атеизм, и сами атеисты неадекватно понимают самих себя. Атеизм для меня, глубоко верующего человека, старообрядца, не ругательство. Ругательство – западник, либерал, рационалист. Псевдовера или никонианская халтура (не говоря уже о «религиозности» Запада) намного хуже честного и открытого атеизма.

С.Н.: *Признаёте ли Вы, что методом и теорией научного познания является диалектика? Если «да», то какая? Согласны ли вы с итоговым выводом*

идеалистов? Принадлежит ли оно истории философии или имеет значение для наших дней?

А.Д.: Вот это совсем не правильно. В

конец науки. Мы говорим с Вами в эпоху постмодерна. О какой науке может идти речь? Дж.Хорган назвал нынешнюю ситуацию «ironical science». Я сторонник иронической диалектики. Ленин мне нравится, но не своими идеями. Хотя, быть может, в то время провозглашаемая им чепуха тоже выглядела иронично. Действия его и темперамент – восхитительны. Ленин был интересен, как лютый боец с Капиталом и Западом.

С.Н.: *Какова ваша парадигма понимания истории: теологическая, технологическая, историко-материалистическая? В чём вы видите недостатки канонизированных и узаконенных объяснений истории?*

А.Д.: Моя парадигма историко-материалистическая. Узаконенные модели объяснения истории недостаточны, так как осуществлены в эпоху модерна. Они все разом потеряли смысл. И никогда его больше не найдут. Смысл историко-материалистической парадигмы истории в том, что она представляет собой тайную дуэль двух оккультных групп – менестрелей Мурсии и менестрелей Морвана (см. Гресе д'Орсе). Это все очень материально. Увы, менестрели Морвана, кажется, одерживают верх, так как получили неограниченный доступ к криптографическим архивам.

С.Н.: *Считаете ли Вы социологию наукой? Какая традиция в социологии?*

А.Д.: Считаю социологию наукой. Причем революционной. Считаю российских социологов в большинстве своем дегенератами, совершенно не понимающими, что они занимаются революционной дисциплиной, основы

В.И.Ленина: диалектика, логика и теория познания – это одно и то же и не надо трёх слов?

А.Д.: Я считаю, что наука – основополагающая черта модерна. Постмодерн – конец модерна, значит

ГАЛЕРЕЯ

С.Н.: *Представляет ли для Вас научное познание интерес или вы склоняетесь к эзотерическим формам освоения мира?*

А.Д.: Научное познание представляет для меня ровно такой же интерес как и эзотерические формы освоения мира. Рациональное и иррациональное – две стороны человека. И та и другая стороны сегодня в тупике. Пытаясь освоить мир и самого себя, человек зашел в тупик. Так появился постмодерн. Постмодерн – этот тупик. И научное познание и оккультизм ничего никому не дали. Средства коммуникации усовершенствовались, содержательная сторона коммуникации испарилась. Остается только ждать, пока сделают помесь человека с котом, это последнее научное и эзотерическое открытие. Я жду его.

С.Н.: *Согласны ли Вы с позицией «методологического анархизма» Пола Фейерабенда и как оцениваете его работы против метода?*

А.Д.: Мне очень нравится Фейерабенд. Он во всем прав. Пусть каждый выдвигает любые гипотезы, они будут столь же адекватными, как и все остальные. В этом основной закон принципа вероятностного подхода. Маловероятно, но может оказаться, что самой ценной гипотезой, окажется самая бредовая. Ницше говорил, что ложные идеи часто оказываются более полезными, чем истинные. Фейерабенд – молодец.

С.Н.: *Остались ли Вы при своём мнении, что демократия – разгул порнографизма, а патриотизм – закомплексованность? Или это клише,*

метода которой антилиберальны, так как строятся на предпосылке примата социального над индивидуальным. Социологический метод это мягкая версия наступательно социалистической философии.

С.Н.: *Кто для Вас чужой в философии, гуманитарных науках? Дайте классификацию чужих.*

А.Д.: Для меня здесь все свои. Я центрист, радикальный центрист.

С.Н.: *Как Вы оцениваете возможность и факт публикации наших вопросов и ваших ответов в постмодернистском альманахе «Дискурс», издаваемым столь известным на Урале институтом, который позиционировался как интеллектуальный разработчик Уральской республики, как интеллектуальная часть «Преображения Урала», база Гильдии политконсультантов, а в настоящее время известным своими претензиями на руководство интеллектуалами в их яблочном обличии?*

А.Д.: Очень положительно. Особенно радует, что в яблочном обличии. Мне очень нравится рожа Григория Алексеевича Явлинского. Она вдохновляет.

Дугин: Геополитика Урала – судьба нашей интеллигенции ▼

На Урале в последние годы сложился круг сторонников и последователей А.Дугина. С.Некрасов понимает и интерпретирует то, что происходит среди молодых интеллектуалов Урала, как подъём новой волны жреческого сословия, которое будет пульсацией истории вытолкнуто в центр событий, изменений нынешней ситуации в России. Наша область занимала и занимает ключевую позицию в интеллектуальном

сложившееся в начале реформ 90-х гг.?

А.Д.: Я ошибся. «Национал-патриотизм» это разгул порнографизма, а демократия – это разгул закомплексованности. Из нового издания своей книги я исключил соответствующую статью – «Эротизм и империя». А новую пока не написал..

ГАЛЕРЕЯ

процесса. Но в конце 90-х гг. наконец-то появилась группа наших духовных детей, которым и предназначена историческая миссия быть точкой опоры. С помощью рычага Свердловской области перевернуть мир России. Это молодые люди анти-мондиалистской и патриотической направленности, естественники по образованию, симпатичные, здоровые, семейные, - т.е. истинные хозяева земли русской. Эта группа спасает честь нашей молодёжи перед лицом западных сверстников, штурмующих мондиалистские сборища в Давосе, Праге и Ницце. Узок круг наших уральских деятелей. Но из искры возгорится пламя. Дело их победит!

Лидером этой группы является Дмитрий Родин. 1977-го года рождения. Выпускник биологического факультета УрГУ. Координатор Уральского Центра Геополитических Экспертиз, главный редактор сетевого еженедельника «Полярная Звезда» (<http://zvezda.ru/>), председатель Свердловской региональной организации Историко-Религиозной Ассоциации «Арктогея».

Дмитрий Родин беседует с Александром Дугиным. Задача – осуществить глубокое погружение в геополитическую проблематику подлинного постмодерна.

Дмитрий Родин: Александр Гельевич, расскажите какие школы геополитики существуют в мире? Какие центры геополитических исследований есть сейчас в России, какие ученые

психопрограммировании России. В 1991-м году Свердловская область выступила за выход из состава СССР, а в 1993-м проголосовала против Конституции РФ. Область идёт не в ногу со всей страной. Поэтому мы всегда мечтали, чтобы разрушительный потенциал области стал созидательным. Самим нам не довелось стать ускорителями этого

международным отношениям"(CFR - Council on Foreign Relations). Его главные теоретики Збигнев Бжезинский и Генри Киссенджер. Эти же личности вдохновляют международные органы принятия важнейших геополитических решений - "Трёхстороннюю комиссию", Бильдербергский клуб. В CFR геополитика предопределяет позиции по основным стратегическим вопросам большинства американских конгрессменов как республиканской так и демократической партии. В этом универсальность геополитики. Она является общей базой для американского стратегического мышления. Основные ценности формируются исходя из принципов, основ и императивов геополитики, а уже относительно способов их реализации спорят различные школы. Вот, например, проект Френсиса Фукуямы "Конец истории" и проект Самуила Хантингтона "Столкновение цивилизаций". Это две версии предсказания общего западноцентрического развития событий в геополитической сфере. Фукуяма предлагает создание мирового государства "здесь и сейчас", Хантингтон утверждает, что это проект надо отложить, потому, что существует еще много противоречий в мире. Они не противоречат между собой в целях, единодушно считая, что необходимо построить единое мировое западноцентрическое государство, под контролем США и учредить Мировое Правительство. Фукуяма утверждает, что сейчас для этого самая благоприятная обстановка в мире, после крушения Советского Союза и социалистической

занимаются этими проблемами?

Александр Дугин: Исходя из изначального дуализма мировой цивилизации, состоящей из двух противоборствующих систем, геополитика имеет два глобальных центра, где теоретическая деятельность совпадает с практической, с принятием решений, с влиянием на них на глобальном уровне - это США и Россия. В США самой влиятельной структурой в этой области является "Совет по

ГАЛЕРЕЯ

планете является российский. Миры российский и американский по своему геополитическому весу все еще сопоставимы. Стратеги США мыслят за весь Запад, за всю цивилизацию моря, геополитики России вынуждены, в силу своего положения, мыслить за весь остальной континентальный мир, за цивилизацию Суши, за Евразию. Основным центром геополитики в России является "Центр геополитических экспертиз", сектор "Экспертно-консультативного Совета по Проблемам Национальной Безопасности при Председателе Госдумы РФ". Этот Центр (ЦГЭ) ведет работу с парламентскими структурами, а так же с Советом Безопасности, с силовыми структурами, с Администрацией Президента. В этом центре разрабатываются масштабные элементы геополитической стратегии для России. По своим функциям ЦГЭ можно было бы назвать евразийским аналогом "Совета по международным связям", хотя масштаб, увы, конечно, у нас гораздо более скромный. Но это технический вопрос и вопрос времени.

Кроме того, существует ряд других структур, претендующих на то, что бы называться "геополитическими центрами". Однако большинство из них пытаются заниматься геополитикой, отдавая дань моде. Есть соответствующие подразделения в большинстве силовых ведомств с иными названиями, но по сути весьма близкие к геополитическим исследованиям. В целом же в России идет становление

системы, а Хантингтон считает, что мировые цивилизации еще должны пройти сложный процесс создания и распада новых геополитических блоков. Это серьезный спор, но в строгих рамках единой геополитической модели.

Поскольку противостояние ведется между Атлантистским миром и Востоком (Евразией), то вторым крупнейшим центром геополитической мысли на

группы в Китае и Индии. В России есть "Академия Геополитики" генерала Александра Игнатовича Паляя.

Д.Р.: *Разговор о политической ситуации в России хотелось бы начать с цитирования некоторых ваших высказываний на заседании круглого стола политологов в Москве. Итак: «...всё зависит от Владимира Владимировича Путина. Его вызвали и провели через карьерные преграды, которые просто так никем не преодолеваются, некие силы. Мы сейчас не должны даже раздумывать, мы должны вкладываться в Путина. Вкладываться не как во временный или карьерный ориентир. ...мы должны вложиться в Путина творчески, потому что Путин - это функция, функция историческая и геополитическая. Это некий символ, некое значение, знак Евразии в переломный момент». И ещё: «Он человек, который оказался в такой исторической ситуации, в каких появляются действительно лишь великие люди: цезари, императоры.» Такого, высокого стиля в отношении руководителя мы, наверное, не слышали со времён товарища Сталина. И вам, как отцу современной российской геополитики, стоило бы дать некоторые разъяснения в связи с этим.*

А.Д.: Мне представляется, что фигуру Путина и его политическую линию надо рассматривать в очень широком

геополитической школы, геополитики как науки, поэтому есть организации, которые имеют громкие названия, но не соответствуют по содержанию, и наоборот. Адекватной структурой этого профиля является "Центр Геополитических Экспертиз". С центром сотрудничают очень много авторов, школ и отдельных исследовательских структур, разбросанных по России и другим странам. Аналоги или прямые филиалы центра существуют во многих странах СНГ и странах Востока: в Иране, Сирии, Ливии, есть соответствующие

историческом контексте. Для того, что бы понять, кто такой президент Путин и чем он хорош и чем он плох, необходимо иметь представление о месте и значении России во всём комплексе мировых держав и в её истории, а также о сущности того этапа, в котором мы сейчас находимся. То, что предъявляет президенту оппозиция в качестве претензии, я бы сказал, что это всё правильно. Действительно программа Грефа является предельно беспомощной, экономические преобразования в либеральном ключе ослабляют социальный потенциал

ГАЛЕРЕЯ

нашего государства, усугубляют негативные тенденции, которые сложились в период доминанции либералов. И, также отсутствие какого-то заметного улучшения жизни людей или изменения социальной политики – это всё на лицо. Но, критика, о которой идёт речь, ничего не имеет общего с той масштабной дисциплиной, которая называется геополитика. А с геополитической точки зрения мы видим, что России сегодня находится в критическом состоянии: наши границы сжались, наше значение в мировой политики резко упало. Мы фактически стали жертвой некоего геополитического «лохотрона», когда в лице Горбачёва, а позже Ельцина - Запад предложил абсолютно неадекватные шаги России, для того, чтобы, якобы, Россия, избавившись от бремени холодной войны, от бремени изоляции могла интегрироваться на полноценной основе в мировую цивилизацию. Это был подлый обман, т.к. мы всегда были цивилизацией, но несколько другой. И противостояние по идеологическому признаку между советским лагерем и капиталистическим миром имело более глубокую геополитическую подоплёку, которая вскрылась лишь после того, когда рухнули идеологические модели. Восток и Запад не являются разновидностями одной и той же экономико-политической или хозяйственной системы. Это два

геополитическом и историческом статусе. Речь идёт не больше не меньше, как о спасении цивилизации, о спасении великой идеи, за которую люди не то, что не доедали и недопивали, а за которую тратили свои и чужие жизни миллионами, лишь бы эта цивилизационная миссия, эта историческая судьба была реализована на практике. В этом отношении, сейчас необходимо совершенно уникальное отношение к нашему государству, необходим новый курс, необходима смена вех. И мне представляется, что не сама фигура Путина, не Путин как личность, а функция руководителя государства на данном историческом этапе должна, безусловно, состоять в том, чтобы приоритетно решить глобальные цивилизационные исторические задачи, а во вторую очередь, а может быть и в десятую – улучшить положение людей, поскольку история выше, чем человеческий комфорт. Наш народ платил кровью за реализацию определённых идей миллионами жертв с нашей стороны. За религию, за идею люди жертвуют большим, чем отсутствием или наличием тех или иных социальных гарантий. Мы живём в истории. Если на Западе утверждают, что история кончилась, то у нас она не кончилась – мы в ней. И вывести страну из того геополитического кризиса и тупика может только очень сильный человек, который будет

ансамбля различных цивилизаций. Об этом говорили многие выдающиеся учёные, мыслители и философы. И несминаемость противостояния между Западом и Востоком, между атлантистским миром и евразийским – это постулат геополитической дисциплины. Оказавшись, по объективным причинам, без Путина и без прямого заговора против нашего государства, Россия находится сейчас в очень негативной ситуации. И речь идёт не о том, что бы улучшить близлежащее состояние нашего общества, что может решить какие-то частные вопросы, но ничего не изменит в нашем

ГАЛЕРЕЯ

Урал – это точка соприкосновения европейской и азиатской России. И она должна стать зоной интенсивного обмена импульсами с Сибирью, с Востоком и с европейской частью России. Я считаю, что это уникальное место. И из нынешнего деградировавшего социально и убого политически, сепаратистского гнезда местничества и фактической возможности распада России по этой черте, Урал наоборот должен превратиться в организующую евразийскую сеть. Это центр скрепа Евразии. Здесь могла бы быть западно-восточная столица. Екатеринбург сможет выполнять важнейшую функцию именно фундаментального соединения восточной и западной части России – Хартленда. Поскольку это два ландшафта, и граница здесь определённая есть. Но она не должна быть политической. Наша задача, чтобы определённые азиатские тенденции впустить активно на европейскую территорию, и определённые европейские тенденции, в частности, такие понятия, как «популяция», «освоение» впустить в Сибирь. И в этом отношении роль Урала – как скрепы двух частей европейской и азиатской России мне представляется очень важной. Она должна была бы быть именно такой. И действия полномочного представителя президента на Урале, - в Уральском Федеральном Органе – П. Латышева на

пренебрегать целым рядом формальных вещей. Путин, на мой взгляд, полностью адекватен этой исторической роли.

Д.Р.: Как вы видите геополитическую роль Урала?

А.Д.: Я считаю, что Урал – это не горы. Один из принципов геополитики гласит, что Урал это не граница ни чего. Если угодно – это плоское место. И одним из самых важных принципов геополитики – Урал ни что ни от чего не отделяет. А наоборот - он всё соединяет. Если физически – это горы, то геополитически – это равнина. Поэтому,

неизбежность и победу объединяющей евразийской линии. Это показательно. И это тоже хорошо. И даже не важно от кого это исходит. Органично – это от П.Латышева, но если Э.Россель включится в этот процесс, он спасёт свой имидж, если его ещё, конечно, можно спасти.

Д.Р.: Как вы оцениваете нынешнее влияние геополитики в политической картине России? Кто наиболее склоняется к принятию этого инструмента - исполнительная, законодательная власть, силовые органы, общественные движения? Можете ли вы сказать, что вами сделано всё, и теперь очередь за ними?

А.Д.: Влияние геополитики в России постоянно возрастает. Мы сейчас делаем четвёртый тираж учебника «Основы геополитики», он расходятся в мгновение ока. У большинства руководителей государства он стал настольной книгой. Тенденции из методологии «Основ геополитики» становятся прогрессивно всё более и более общепринятой позицией. Хотя до полного триумфа, конечно, ещё далеко.

Конечно, сделано не всё. Я действую в рамках геополитики, и я не просто сделал теоретическую базу. Теперь стоит вопрос о практической стороне геополитике. Политические движения,

мой взгляд уже имеют явные евразийские черты, которые видны в его планах по созданию единого информационного пространства Уральского региона. Многие федеративные реформы, социальные и политические проекты как раз идут именно в евразийском направлении. Самое интересное, что инициативу Э.Россея по созданию другой формы интеграции (презентация в Уфе межрегионального телепроекта "Евразия") показывают, что даже губернаторы или политические деятели, сопряженные с другими геополитическими тенденциями, которые ближе к сепаратизму, и то, они понимают

сейчас не учитывающие геополитические интересы - вообще обречены. Более-менее любая складная и последовательная политическая философия должна сегодня учитывать геополитику – это факт. Что касается Государственной Думы, то её спикер – Г.Н.Селезнёв уделяет геополитике очень серьёзное значение. Законодательная власть очень активно интересуется, учитывает эту дисциплину. Силловые министерства и ведомства – всё больше и больше учитывают. Кремлёвское окружение В.В.Путина, особенно силловые его сектора, которые сейчас набирают всё большее влияние, не отрываются от геополитических моделей. Я считаю, что этот процесс,

ГАЛЕРЕЯ

конечно, далеко не завершён. Сейчас осуществляется переход к реализационной стадии.

Д.Р.: *Возвращаясь к вашему выступлению на круглом столе политологов в Москве. Вы сказали, что главная задача Путина – это кадровый вопрос. Мол, нужны кадры нового поколения, некая новая опричнина. Нужно спать на узком ложе, следовать жёсткой внутренней дисциплине, соблюдать аскетические правила. Я понял это так, что нам нужны новые рахметовы.*

А.Д.: Мы стоим перед необходимостью евразийской революции. Другое дело, что революцию не надо понимать как бунт маргиналов. Это очень ущербное представление о революции. Нам нужна действительно новая руководящая элита, которая должна выбираться из людей аскетически-пассионарного толка. Из людей такого типа, которые бы ставили ценности социального служения, духовности и идеалов выше, чем материальный комфорт. Поскольку именно старая, устоявшаяся элита приводит к разложению и деградации. Для того, чтобы адекватно решать сложнейшие задачи, которые стоят

сейчас перед страной во внешнем и внутреннем контекстах, и для того, чтобы реализовывать волю президента, которая проистекает не из его личности, а из национальной исторической необходимости нужны, конечно, люди нового типа. У того же Рахметова в «Что делать» Чернышевского, вспомните, было несколько странных черт, которые ускользают обычно от внимания критиков этого персонажа. Тот факт, что он спал на гвоздях – это означает, что он занимался йогическими практиками, которые стали модны чуть позже. И там даже есть маленькая сцена, как, придя в гости к Вере Павловне, Рахметов читал книги позднего Ньютона, которые были посвящены алхимии и каббале. Я являюсь разработчиком концепции о том, что революционная элита или люди пассионарные обязательно, помимо социально-политической ориентации, должны иметь некие духовные интересы к глубоким реализационным практикам. Так понятые евразийские рахметовы, которые бы реализовывали евразийскую реструктуризацию нашего государства, направленную на спасение нашей специфической цивилизации, усиление её статуса и создание альтернативы в мире Новому Мировому Порядку такого рода рахметовы нам необходимы.

АНТРОПОЛОГИЯ

Признание – выражение смысла отношения человека к человеку

М.А. Малышев

«Что «ад – это другие» не означает, что «рай – это я». Если другие служат инструментом наших мук, то это потому, что без них наше спасение было бы невозможным. Мы с ними так перемешены, что нуждаемся друг в друге, чтобы навести какой-то порядок этом хаосе».

Морис Мерло-Понти

определенных ситуациях мы ощущаем недостаток в признании, которого, по нашему мнению, по праву заслуживаем. Но полное отсутствие представления о собственной значимости, равно как и абсолютный дефицит признания со стороны наших ближних лишили бы нас возможности думать о завтрашнем дне, превратив нас в жертву смутного безразличия или в заложника парализующей волю идеи абсурда. Следовательно, чтобы наполнить наше существование смыслом, мы должны стремиться заслужить признания других и в свою очередь сознавать свою полезность для них.

Как известно, человек является единственным существом, способным вопрошать о смысле своего существования: для чего он находится в этом мире, и в чем заключается значимость его личности? Слово «смысл» выражает то, ради чего человек живет, что позволяет ему оправдывать свои действия, равно как и усилия, затрачиваемые им на их осуществление. Поэтому, когда мы ведем себя определенным образом, то, тем самым, намеренно или ненамеренно, раскрываем основание того, почему мы поступаем так, а не иначе, и это выражает смысла того, что мы делаем и что собой представляем. Признание смысла сообщает действиям человека значимость, образуя ядро чувства его

Признание – основа смысла жизни

Что случилось бы с нами, если однажды мы утратили бы представления о собственной ценности, лишились бы идеи о том, что мы что-то значим в этой жизни и потеряли бы надежду на то, что наше имя, возможно, оставит какой-то след в памяти потомков после нашего ухода в небытие. Можно предположить, что наше существование лишилось бы важных стимулов или вообще утратило бы всякий смысл, если бы желание отличиться, выделиться, ощутить собственную ценность, заслужить уважение или просто быть полезным другим людям время от времени не появлялась бы в нашем сознании и не проходила бы через наши чувства. Разве можно назвать «жизнью» монотонное существование человека у которого нет никаких желаний, кому никто не кажется

важным, и кто сам считает себя никому не нужным. Разумеется, что в

достоинства. Следовательно, проблема

АНТРОПОЛОГИЯ

смысла жизни и достоинства человека имеют общую предпосылку - *признание*: каждый из нас хотел бы располагать определенными целями, задающими ориентиры нашему существованию, равно как и определенными ценностями, разделяемые другими и оправдывающими смысл нашего бытия. В стремлении обрести себе признание скрывается отвержение человеком равнодушия и апатии, так как именно отличие есть то, что признание предполагает, требует и утверждает. Желание быть кем-то, т.е., быть признанным, если и не исчерпывает собой жизни, то, несомненно, составляет её неотъемлемую часть. Это желание может принять форму чувства хорошо выполненного долга, спасения за гробом, стремления обрести славу или просто сознания удовлетворения собственной неповторимостью, утешения в том, что факт нашего бытия в этом мире не может быть ни стерт, ни отменен никакими последующими событиями. Человек не просто живет (жизненные интересы смертных, вопреки мнению биосоциологов, не сводятся лишь к обеспечению стратегии, направленной на физическое выживание), а сознает себя живущим, что означает сопротивление тенденции к забвению, а следовательно, и утверждение им собственной значимости среди себе подобных. Сознание в качестве своего неотъемлемого компонента включает самосознание, социальная функция которого заключается в том, что его носитель склонен сравнивать себя с

сознавать только на путях сравнения себя с другими. Причем это сравнение не есть простое сознание моего, если так можно выразиться, «пространственно-временного» отличия от других, а сознание моего существенного, коренного от них отличия, которое и образует фундамент моего достоинства как радикально-неповторимой личности.

Жизнь в подлинном смысле этого слова начинается тогда, когда происходит событие, которое имеет для нас какое-либо значение, и которое в свою очередь опирается на признание, сообщаемое нам другими. Потребность в признании является неотъемлемым атрибутом, конституирующим общественную жизнь человека: хотеть быть признанным - значит хотеть быть кем-то, и не просто кем-то, а в большинстве случаев – кем-то лучшим и более значимым, чем раньше. Мы в полной мере начинаем осознавать себя тогда, когда располагаем признанием того, кем мы являемся, что в свою очередь невозможно без оценки нас другими. Признание, как надежда обрести или повысить собственную значимость в будущем, в какой-то мере примиряет человека со временем, -- угрожая ему абсолютным забвением--, и вместе с тем оно демонстрирует, что в каждом из нас скрыты определенные потенции, которые мы должны освободить из плена собственной инерции и равнодушия.

Но из этой «страсти к отличию», которое включает в себе признание, произрастает угроза миру и спокойствию

другими, акцентировать свое отличие от них, чтобы полнее и глубже уяснить себе смысл своей радикально-неповторимой идентичности. «Я существую, следовательно, я отличаюсь от других». Формула самосознания Декарта – «я мыслю, следовательно, я существую» -- в полной мере не выражает требования суверенности субъекта мысли. В своем мышлении я, разумеется, могу быть уверенным в достоверности собственного существования, но то, что я представляю собой на деле, я могу

человека в его отношении к другому человеку: ведь притязание на отличие от другого всегда чревато потенциальной конфликтом и враждой. Это неумеренно-страстное стремление человека к утверждению своего отличия от другого Платон называл «тимосом». Последний проявляется в действиях, направленных на достижение превосходства над другими. Наши душевные силы побуждают нашу волю к установлению диктата над волей других лиц, искушая и подстрекая нашу гордость стать

АНТРОПОЛОГИЯ

господином над ними. С точки зрения Платона, «тимос» стремится не столько к самосохранению, сколько к возвышению над другими, что и порождает борьбу за признание, которая подвергает смертельному риску самих этих носителей «страсти к отличию». В последствии Гегель положил борьбу за признание в основу своего истолкования динамики исторического процесса. И, что примечательно, источник последней, по его мнению, находится не в дикой природе человека, а в сущности духа. Вопрос, следовательно, заключается в том как канализировать энергию «тимоса», которая, будучи организованной и направленной, способна задавать импульс общественному развитию а, будучи неупорядоченной, провоцирует анархию власти, сеет раздор, разжигает конфликты и воспламеняет иррациональные страсти.

Человек, утративший сознание собственной значимости, -- это индивид, чья жизнь лишена смысла. Если бы не

слишком боясь ошибиться, что если бы мы подавили в себе желание быть кем-то во мнении других, если бы мы отреклись от стремления быть принятыми ими во внимание, то, может быть, мы и продолжали бы жить, но суждения и оценки наших ближних утратили бы для нас всякую мотивирующую силу, и мы, скорее всего, превратились бы в безродных одиночек, влачащих жалкое существование без всякой цели и смысла. Отсюда следует, что именно признание делает из человека *общественного человека*. Стремление быть признанным обретается в каждом из нас, если не как иступленная одержимость, то, как естественная предрасположенность, которую можно акцентировать или приглушать, но которую нельзя полностью вытеснить или подавить. Не существует такого человека, который не чувствовал бы себя возвышенным и облагороженным тогда, когда его достижения приобретают статус *общественное признание*. Признать заслуги человека - значит

существовало признания, то исчезли бы стимулы, побуждающие нас к реализации собственных способностей, стремления достичь успеха, снискать известность, заслужить славу или просто быть полезным своему ближнему. Возможно, что тогда исчезла бы алчность, ревность, зависть, злоба, высокомерие и тщеславие; но можно ли, изъяв из жизни человека стремление быть признанным, одновременно сделать её деятельной, творческой, интенсивной и возвышенной? Можно ли создать такую жизнеспособную социальную систему, члены которой были бы лишены стремления выделиться и отличаться? Или напротив, социальную систему, в которой каждый человек мог бы беспрепятственно возвышать ценность своего бытия, не навязывая при этом своей воли другому и не унижаясь перед его притязанием быть в свою очередь признанным? В горизонте ближайшего будущего весьма трудно дать положительный ответ на этот вопрос, однако мы можем утверждать, не

АНТРОПОЛОГИЯ

скромным ни был автор, он не может существовать без своей публики; возможно, что эта «публика» принадлежит к будущему, но она не может не «существовать», по крайней мере в воображении своего автора.

Признание есть то, что задает смысл цели, и осуществление последней оправдывает доверие, возлагаемое на человека, который стремится заслужить внимание других. Признание – это реализация обещания насчет способностей, навыков, умений и талантов его носителя, который готов подтвердить их сегодня, ибо вчера он их уже подтвердил. В этом смысле «признание» – это не приобретение нового знания или неизвестного сведения, а скорее – открытие нового измерения внутри уже существующего знания. Значение этого измерения состоит в «легитимации» однажды случившегося, с целью воскрешать его в памяти и возвышать его смысл. Признание предполагает нисхождение в прошлое

вдохнуть в него новую жизнь.

Стремление быть признанным имеет своей предпосылкой притязание на незаменимое значение субъекта, который утверждает во взаимодействии с другими свое право на легитимацию своих достижений. Каким бы оригинальным ни был субъект, его заслуги должны быть признанными другими, ибо абсолютное отличие его достижений от критериев оценок, которыми руководствуются другие, может поставить его вне всякой коммуникации, а, стало быть, сделать невозможным признание его права на подтверждение своей значимости с их стороны. Когда кто-то делает что-то, что отличает его от других, то он претендует на равенство с ними или пытается превзойти их в каком-либо отношении. Если бы мы были не в состоянии продемонстрировать свои заслуги перед другими, и если бы они, в свою очередь, не могли бы оценивать наши достижения, то нам было бы невозможно рассчитывать на их признание. Каким бы

Разумеется, что признание не может преодолеть необратимости времени, но оно может заставить прошлое «воскреснуть» в настоящем. Причем признание – это не просто мысленное воспроизведение какого-либо деяния в прошлом, а воспроизведение его как *действия значимого*, которое представляет для нас определенную ценность. Только произнеся фразу, которую мы собирались произнести, мы признаем себя в качестве того, кто её высказал; только сделав то, что мы собирались сделать, мы полностью отдаем себе отчет в сделанном. Поэтому правонарушитель, совершивший преступление, часто постигает смысл им содеянного, только осознав факт необратимости своего поступка, который только тогда и предстает перед ним в своей неприкрытой и ужасной наготе.

Заслужить признание – это значит в какой-то форме предвосхитить будущее. Однако как бы мы тщательно его не учитывали, оно так или иначе всегда

человека, выявление и оценку его заслуг и возведение их в ранг общественно-узаконенных. Личность, которой мы выражаем свое признание, - это тот человек, кого мы не только как минимум во второй раз воскрешаем в своей памяти, но и кого мы наделяем определенным значением для нас. Понимание и оценка значения его действий конституирует смысл его признания.

Признание – это субстантивация случившегося вопреки необратимости времени. То, что однажды с нами произошло, мы не можем вновь в точности повторить в силу необратимости момента, безвозвратно ушедшего в прошлое. Но мы были его участниками или свидетелями; и хотя мы не в состоянии вернуть ушедшего, мы можем воскресить его в нашей памяти, т.е., признать факт его бытия. Стало быть, признание можно рассматривать как средство борьбы против необратимости длительности: ведь со временем красота увядает, талант притупляется, а ясность ума меркнет.

АНТРОПОЛОГИЯ

а как чреватое скрытыми возможностями, а, стало быть, и не всегда в достаточной мере предвидимое. Чтобы находиться на высоте признания, его носитель должен быть предусмотрительным: постоянно обогащать свой опыт и укреплять благоприятное мнение других относительно достоинства своей личности. Когда нам приписывают высокие качества, то что-то должно говорить изнутри нашему сознанию: «за работу, не расслабляйся, не останавливайся на достигнутом, ибо в противном случае тебе грозит потеря доверия». Действительно, если по каким-либо причинам обещание не выполняется, то признание ставится под сомнение или отнимается у его носителя. Может быть поэтому в переживании признания, которым нас наделяют другие, наряду с радостью торжества иногда присутствует и некоторая доля смущения, ибо, когда мы не очень уверены в собственных силах и боимся

будет немного отличаться от предвидимого, и это «немногое» и есть то, что обогащает наш опыт. Признание – это точка, находящаяся между прошлым и будущим, подобная полуденному солнцу, удалённому на равное расстояние как от восхода, так и от заката. Подобно солнцу в зените человек, наделяемый общественным признанием, располагается между двумя полюсами - будущим и прошлым: он стремится в будущее, чтобы умножать свои заслуги и опирается на прошлое, чтобы оправдывать свои достижения. Чтобы удержаться на гребне собственной значимости, он должен постоянно подтверждать преемственность между своим прошлым и будущим, между тем, кем он себя воспринимает и тем, чего ждут от него другие. Сделать то, что от тебя ожидают, подтвердить обещанное – именно в этом состоит значение термина «признание», ибо повторение есть подтверждение того, что ожидаемое должно свершиться. Признание принимает в расчет будущее, но не как простое повторение прошлого,

способен пойти дальше уже достигнутого или, по крайней мере, не растерять однажды завоеванное». Кроме того, общественное признание, содействуя повышению собственной значимости человека, как правило, увеличивает его благожелательность по отношению к другому, ибо ободренный собственными достижениями он редко выступает в роли завистника или нетерпимого моралиста - обличителя чужих пороков.

Если бы мы захотели стереть то, кем мы были в прошлом под предлогом того, что наша траектория, а следовательно, и мы сами, могли быть иными, то мы превратились бы в абстрактную возможность, ибо без нашего прошлого мы не можем быть тем, кем сейчас являемся. Но сама возможность абстрагироваться от нашего прошлого означает, что мы также не можем полностью отождествить себя с ним, ибо, наше существование в настоящем всегда устремлено в будущее, в котором мы

опуститься ниже того, чего от нас ожидают другие, то мы заранее предвосхищаем стыд, который и побуждает нас не отступать, а прилагать максимум усилий для того, чтобы удержаться на высоте однажды завоеванного. Когда мы опускаемся ниже этого уровня, то заранее предвидим разочарование, вызванное обманом, связанным с ожиданием от нас адекватных действий. В этом смысле признание - это взыскательный страж границ нашей идентичности, который вселяет в нас уверенность и не позволяет нам отступать от ранее завоеванных рубежей. Чтобы эффективнее осуществлять свое *призвание*, нам необходимо ощущать на своем плече твердую руку поддержки *общественного признания*. Перефразируя Ницше, мы можем сказать, что признание придает становлению незрелой личности прочность и основательность бытия личности умудренной жизненным опытом. Накопленный капитал признания, ободряет нас, придает нам уверенность, и как бы говорит нам: «ты

АНТРОПОЛОГИЯ

должен обрести себе признание. В этом смысле, личность человек не существует до общества, и человеческое в человеке есть продукт межчеловеческих отношений. Стало быть, человеческая реальность может быть только *общественной реальностью*. Необходимость сосуществования с другими предполагает достижение признания, которое можно рассматривать как компенсацию *онтологической несамодостаточности* человека. Как животные мы являемся существами деспециализированными, незавершенными, лишенными инстинктов в качестве средств надежной адаптации к окружающему нас миру, и именно поэтому мы вынуждены преодолевать нашу биологическую недостаточность за счет присвоения культурного наследия, выработанного нашими предшественниками. Ребенок нуждается в других и имеет

преодолеваем свою ограниченность, налагаемую на нас прошлым. Если бы мы полностью замкнулись в том образе, который отпечатался в нас грузом прошлого, то, тем самым, мы подчинили бы ему свое будущее и невольно превратились бы в его заложника. И наоборот, каким бы славным ни было наше прошлое, мы должны думать о том, как подтвердить его в будущем, в том чаянном признании, о котором мы мечтаем в настоящем. Думая о своем прошлом, мы находим определенное удовольствие в том признании, которое мы уже снискали себе; мы признаем свои заслуги как достижения уже реализованные нами. Следовательно, признание – это «печать», поставленная на нашу личность, которая приобретает определенную идентичность и социальную значимость, но идентичность и значимость открытые для трансформации и переоценки в будущем.

Уже с первого дня своего рождения человек вступает в сложную сеть межчеловеческих отношений, а стало быть, в общественный мир, в котором он

родители окружают своего ребенка, признается последним, то он постепенно начинает вырабатывать в себе чувство собственной значимости, сознавать, что выступает субъектом признания со стороны тех, кто является для него самым важным и дорогим в мире. Именно это внимание и забота пробуждают в малыше ответное аффективное чувство по отношению к своим родителям. Но у ребенка пока еще отсутствуют собственные нормы и суждения: доверяя взрослым, он должен принять и присвоить их нормы и критерии оценки. Он склонен воспринимать себя так, как оценивают его взрослые, когда его поведение соответствует или не соответствует их предписаниям. Постепенно он приобретает склонность выполнять нормы и запреты, вменяемые ему в обязанность, ибо видит, что они предписываются ему теми, кому он

предрасположенность к установлению контактов с ними. Биологическая зависимость новорожденного, его потребность в пище и уходе не отменяют необходимости быть ободренным: ребенок смотрит в лицо своей матери, прежде чем начать сосать её грудь, и в ответ на внимание и ласку отвечает улыбкой, которая появляется на шестую неделю после его рождения и которую можно с полным правом рассматривать в качестве первого бессознательного выражения его благодарности за полученное им признание. Этот зародыш признания служит основой чувства идентичности, на фундаменте которого позже возникает самосознание личности. По словам Бахтин, ребенок конструирует свою личность на основе заёма, который взрослые-воспитатели ссужают ему, и на базе этого кредита он постепенно возводит «стены» собственной личности.

Внимание, нежность и ласка, которыми родители окружают своего ребенка, выражают явное намерение проявлять о нем заботу, демонстрировать радость по поводу его присутствия и стимулировать его усилия по овладению навыками, необходимыми для его последующего развития. Когда внимание, которым

АНТРОПОЛОГИЯ

более широких жизненных сферах; он жаждет утверждения своих наклонностей к признанию не только среди своих родителей, но и среди своих сверстников. Желание быть признанным – это начало общественной инициативы, проявляющейся в слове и в действии. Посредством речи и поступков мы включаемся в общественные отношения, и это вхождение означает как бы наше второе рождение, которым мы осознанно подтверждаем свое присутствие в этом мире. С точки зрения Ханны Арендт, тот факт, что «человек способен к действию означает, что от него можно ожидать самое неожиданное, и что он способен осуществлять самое невероятное. И это возможно потому, что каждый человек по своему уникален, а следовательно, с каждым рождением что-то специфически-новое входит в этот мир.

доверяет. Эта способность к подражанию в начале развивается на базе его аффективного отношения к взрослым и является истоком проявления ответного признания. Ребенок не может анализировать свои чувства, не выходя за пределы самого себя. Он одобряет или не одобряет свои действия потому, что пытается встать на место своих родителей, рассматривая свои поступки через призму их видения себя. Отношение к самому себе, а, стало быть, и самосознание не может возникнуть в качестве чего-то непосредственного; ребенок вырабатывает отношение к себе, только установив отношение к другому и только усвоив его суждения и оценки по отношению к себе. Именно в процессе интериоризации суждений и оценок других и конструируется собственное «я» ребенка. Выработка и усвоение отношения к себе происходит обычно в процессе детских игр, в которых ребенок начинает овладевать различными ролями.

Диверсификация и специализация межличностных контактов означают, что ребенок начинает требовать признания своей личности не только в семье, но в

«негодования». Правда, родители делают все возможное для того, чтобы обеспечить примирение ребенка со своим онтологическим статусом, характеризуемым беспомощностью и тотальной зависимостью от чужой воли. И не существует другого способа преодоления этого «экзистенциального недостатка» как пробуждения и развития в ребенке способности к самодетерминации, направленной на ослабление его зависимости от других. Именно в этом и состоит *призвание разума*, благодаря которому человек оказывается способным компенсировать «скандал» начала своей жизни: факт того, что ему было насильственно навязано его собственное существование как личности, переносим при условии, если в дальнейшем он сам может положить себе начало как

По отношению к нему –единственному- можно сказать, что до его появления здесь никого не было» (Arendt H. *La condición humana*. Barcelona, 1993. P. 202.). Иными словами, каждый человек значим по своему, и все его действия, манеры, привычки, жесты, взгляды и притязания находятся в соответствии с этим его значением. Во всех формах его поведения так или иначе проявляется определенная доминанта, которая связывает разнообразные черты его личности в определенное единство, придавая его личности свойственное только ему одному значение. Тем не менее, никто не обладает раз и навсегда зафиксированным значением по той простой причине, что последнее зависит от заслуг, которые каждый из нас должен подтверждать в своих будущих действиях, и от признания, которого мы стремимся добиться от других.

С точки зрения Канта, каждый человек рождается как бы дважды: первый раз это происходит тогда, когда родители «забрасывают его в существование»; а потому не случайно, что новорожденный заявляет о своем прибытии в этот мир криком и плачем, которые не без основания интерпретируются как выражение его «недовольства» и

АНТРОПОЛОГИЯ

как неодушевленную вещь, а приняли бы во внимание как личность, существование которой, несмотря ни на что, заслуживает какого-то признания. При этом он отнюдь не стремится быть обожаемыми или любимыми, а просто хочет быть принятым в расчет в силу самого факта своего существования. Он не может оставаться равнодушными перед дефицитом признания собственной личности, и это побуждает его замыкаться в своем внутреннем мире и страдать от одиночества. Не получать никакого внимания от своих близких означает для него наказание более горькое, чем боль от сознания предстоящего небытия. Даже самые несчастные из несчастных не могут вынести этого дефицита признания, сетуя порой не столько на свой жалкий

существо автономное и суверенное, исходя из сознания собственной свободы. Поэтому, считает Кант, способность жить, руководствуясь собственным разумом, равнозначно второму рождению человека. В отличие от бытия ребенка, неспособного положить начало своему существованию и зависимого от чужой воли, бытие зрелого человека – это самостановление посредством собственного разума как существа автономного, инициативного и в определенной мере самодостаточного.

Исходя из идеи Канта и вслед за Цветаном Тодоровым, мы можем выделить две основополагающие формы признания: *признание существования* и *признания утверждения*. Человек ощущает дефицит признания своего существования тогда, когда ему кажется, что он всеми забыт, игнорируем или отвергнут, когда он жалуется на то, что никто не хочет принимать его в расчет, как будто он и вообще не существует на этом свете. Безразличие других переживается человеком как проявление собственной никчемности, а это, в свою очередь, порождает в нем горечь одиночества. То, чего он хотел бы избежать, часто сводится к тому, чтобы его не игнорировали и не рассматривали

выражает озабоченность, связанную с поисками и обретением человеком своей значимости. Эта озабоченность, в сущности, является универсальной, тогда как пути и формы её осуществления варьируют в зависимости от принадлежности человека к определенной культуре или исторической эпохе. Заронив в нас жизненное напряжение, стремление к самопреодолению с целью реализации наших целей, планов и проектов, признание утверждения как бы напоминает нам, что классовые барьеры, хотя и существуют, являются подвижными; иерархия ценностей может быть преодолена, а дистанция между высшими и низшими сведена к минимуму.

Наши усилия, направленные на

удел, уготованной им злой судьбой, сколько на нестерпимую горечь всеобщего равнодушия. Даже последний нищий, пишет Мигель де Унамуно, хотел бы разделить свои тяготы и страдания с другими, бессознательно стремясь сделать свое несчастное существование признанным. «Есть нечто большее, чем простая уловка с целью заслужить подаяние, к которой прибегают эти нищие, сидящие по обочинам дорог и выставяющие на обозрение прохожих свои язвы и гангренозные культы. Подаяние для них - это, в первую очередь, сочувствие, а не материальное вспомоществование для перенесения жизненных невзгод. Нищий не столько благодарит за милостыню, которую ему подают, отвернув лицо, чтобы не видеть его язв и поскорей пройти мимо, сколько благодарит за выражаемое ему сочувствие, пусть даже при этом ему и ничего не подают, хотя, разумеется, он предпочел бы получить и какую-то материальную поддержку. Посмотрите, с каким удовольствием он повествует о своих несчастиях тому, кто с вниманием готов его выслушать» (Unamuno M. *Del sentimiento trágico de la vida*. Barcelona, 1999. P. 138.).

Признание утверждения, которое базируется на признании существования,

АНТРОПОЛОГИЯ

признании, к которому так или иначе, сознательно или неосознанно, стремится каждый из нас с целью обретения собственной значимости. Как бы ни был человек уверен в своих предшествующих достижениях и успехах, его преследует озабоченность, связанная с желанием подтвердить или увеличить свои заслуги, для чего он, собственно, и ищет признания у своих сородичей и сограждан. Оценка значимого другого утверждает нас в собственной идентичности. Если мы внимательно приглядимся к окружающим нас людям, то вскоре заметим просительный оттенок во взгляде того, кто закончил какое-нибудь дело, завершил какое-либо произведение или просто значительно продвинулся в своей работе: и что?, и

возвышение наших достижений, делают возможным и саму справедливость, сущность которой резюмируется в формуле -- «воздай каждому свое», то бишь, по заслуг. Но как определить, что заслуживает каждый? Очевидно, что он заслуживает того, чего он достиг благодаря своей работе, таланту и прилежанию. Быть справедливым -- значит признавать право каждого употреблять свои усилия и развивать свои таланты, с целью владеть благами и наслаждаться заслугами, согласно своим способностям.

Ценность, которую, по нашему мнению, заслуживает наша личность, и признание, которым нас наделяют другие, образуют диалектическое единство: то, кем мы являемся, мы являемся благодаря своим заслугам, признанным другими. Признание значимости собственного существования является экзистенциальной предпосылкой сосуществования с другими или, говоря в терминах Цветана Тодорова, «кислородом общественного бытия». Можно предположить, что просительный взгляд ребенка, ищущего одобрения в ответном взгляде своей матери, - это отнюдь не преходящий феномен, присущий определенному возрасту, а эмбрион потребности в

другие желания. Чем большую значимость она приобретает над нами, тем сильнее влечет нас к себе; мы постоянно ощущаем в ней нужду, а когда не можем её достичь, то притворяемся равнодушными, на подобие лисицы из известной басни Крылова, которая, как известно, «смирилась» с неудачной попыткой отведать винограда тем, что объявила его... незрелым.

Значение слова «признание» не сводится только к поиску и обретению человеком собственной значимости, легитимизируемой благоприятным о себе мнением других, но и включает в себя печальное и даже суровое обязательство называть вещи своими именами. В самом деле, в своих желаниях, планах и мечтах мы нередко склонны опережать

как?, не правда ли хорошо?, как бы говорит нам его вопрошающий взгляд. «Это слабость не знает исключений, -- иронически констатирует Эмиль Чьоран, - и если бог не был ей подвержен, то только потому, что, завершив свое творение, ему не от кого было, из-за отсутствия зевак, ожидать похвал. Однако и он в конце каждого трудового дня предавался самовосхвалению» (Cioran E. M. La caída en el tiempo. Barcelona, 1988. P. 81.).

Будучи участниками какой-нибудь беседы, мы не можем не заметить, что нашим собеседникам нравится делиться собственными планами и достижениями или просто повествовать о своих текущих делах. Кажется, что только эти темы им никогда не наскучивают. Если же происходит что-то важное в их жизни, то они тут же спешат поделиться своей радостью со своими близкими и друзьями, полагая (иногда это предположение совершенно ошибочно), что и последние также получат какое-то удовлетворение, если разделят с ними радость, связанную с их достижениями. Пока в человеке теплится желание, он будет, пусть и неявно, искать себе признания. Мы изо всех сил порой помогаем себе славы как высшей формы общественного признания, и ее жажда часто вытесняет из наших душ все

АНТРОПОЛОГИЯ

печальный для себя факт, он уже больше не пытается поставить под сомнение реальный мир, которому, в конце концов, вынужден смиренно подчиниться.

Признать реальность – значит быть открытым истине о собственной значимости, которая нередко скрывается за маской искаженных или преувеличенных иллюзий насчет действительной ценности нашей личности. Другими словами, «признание реальности» - это критическая переоценка фиктивных ценностей, которая, хотя и не приносит никаких лавров своему носителю, зато предохраняет его от самообмана. Подобно сомнению в руках скептика, признание реальности предостерегает

настоящее, забегать вперед, строить воздушные замки или создавать амбициозные проекты, которые аккредитируют наши иллюзии и дискредитируют реалии нашего бытия. Когда наши ожидания не подтверждаются, когда действительность отнимает у нас возможность тешить себя сладкими мечтами, то мы вынуждены, как бы это ни было для нас горько, признать реальность. Именно тогда мы говорим, что вместо того, чтобы предаваться беспочвенным упованиям в чудесные проекты или тешить себя несбыточными иллюзиями, лучше понять и признать истину, ориентирующую нас на реальность и только на реальность, какой бы суровой на первый взгляд она нам ни казалась. Кто предается возвышенным и приятным мечтам, игнорируя действительность, тот под напором «упрямых» фактов рано или поздно вынужден принять реальное положение дел, и, пусть и нехотя, допустить, что настоящая мера ценности, отраженная в зеркале общественного признания, не соответствует его преувеличенному представлению о себе. Даже старый Дон Кихот в финале своих «героических приключений» приходит к горестному выводу о том, что его рыцарские похождения - это приключения безумца, и признав этот

которым возвышается и наше собственное притязание на признание, Когда мы запальчиво заявляем, что другой не заслуживает нашего уважения, не удосужившись привести в пользу такого скоропалительного суждения никаких веских аргументов, то мы рискуем оказаться в ситуации злопыхателя или низкого завистника.

Признание реальности, нередко разрушает наше прекрасное упование на значимость наших достижений, предлагая в замен объективную картину без всяких прикрас. Но победа разума над необоснованными притязаниями нередко стоит больших усилий и требует от нас довольно продолжительного времени, чтобы наши

нас от несбыточных надежд и легитимирует суровые реалии жизни: будучи скупым на обещания, оно, тем не менее, имеет твердую опору в действительности. Его девиз – «лучше синица в руке, чем журавль в небе». Человек верящий в то, что признание – это легкое достижение, рискует стать легкой добычей самообмана, особенно тогда, когда время --этот беспощадный судья-- переоценивает его заслуги и истончает его былую славу. В конце концов, признание - это общественная оценка заслуг его носителя, и если последние являются сомнительными, то нет никакого основания ободрять или поощрять дутые достижения лопнувшего как мыльный пузырь «авторитета». Реальное признание достижений должно возобладать над иллюзорными оценками того, кому они ошибочно приписываются или того, кто неосновательно уверен в их обладании. Если реальность является высшим источником ценности, то стало быть, мы не можем и не должны ею пренебрегать. Поскольку адекватное отношение к реальности предполагает её знание и умение отвечать на её вызовы, то мы вправе распространить это требование и на признание реальной значимости других лиц. Преуменьшать или замалчивать реальные заслуги наших ближних и дальних – это значит покушаться на тот фундамент, над

АНТРОПОЛОГИЯ

одновременно, обоснованно подозревать, что объект нашей веры в действительности совсем не похож на нашу веру, а наш возлюбленный на деле недостоин нашей любви.

Если признание предполагает легитимацию личных достижений или социальных атрибутов его носителя, то презрение, напротив, тяготеет к тому, чтобы развенчать его низкие качества или высокий социальный статус, неоправданно занимаемый им в обществе. Презрение морально оправдано тогда, когда оно направлено на то, чтобы вызвать стыд в сознании индивида, неспособного поддержать собственное достоинство и опускающего

чувства смогли «переварить» истину и как-то примирить нас ней. Признание реальности можно сравнить с небольшим по размеру, но добротным зданием, окруженным руинами необоснованных притязаний, обломками разного рода ложных упований или «временками» несбывшихся надежд, зданием, в котором человек ощущает свою значимость и чувствует себя подстрахованным от тревог и опасений, связанных с неуверенностью в реальной ценности собственного существования. Объем разрушенных иллюзий, как следствие объективного признания наших достижений, иногда намного превышает действительную ценность наших заслуг. Выработка критического отношения к собственным достижениям сопровождается отрезвлением ума, открытием все новых свидетельств неподатливости общественного признания в историческом горизонте, свидетельств, которые мы хотели бы склонить уже здесь и сейчас в свою пользу. И тем не менее, законы нашего сердца, как говорил Паскаль, имеют свои «аргументы», которые, увы, не всегда совпадают с доводами нашего разума. Невозможно признать чье-либо достоинство рациональным путем и в то же время утверждать, что оно является иллюзорным, но вполне возможно верить во что-то или любить кого-то и,

лакеи, рабы, трудящиеся — не заслуживают других чувств. Они, конечно, принимаются к сведению, сам факт их существования признается, но только для того, чтобы больше не фиксировать на них внимания, т. е., фактически им отказывают в *признании утверждения*, в во всяком случае в утверждении в социально-значимых сферах или делах, которые резервируются исключительно для привилегированных классов или сословий. Конечно, вышестоящие могут обращаться с нижестоящими с известной учтивостью, и даже испытывать к ним чувство привязанности (какое, например, питает Гринев к своему старому и

до неоправданного унижения, равно как оно оправдано и тогда, когда речь идет о презрении к бессовестной наглости сильного, попирающего волю слабого. Но существует другой тип презрения, который не может быть морально оправданным. Этот последний проявляется, например, в пренебрежении высшего лица по отношению к низшему и выражается в хвастливой демонстрации своего высокого статуса, богатства и достижений. Речь идет о заносчивости и высокомерии человека, имеющего о себе высокое мнение в силу своей принадлежности к привилегированной социальной категории и неспособного выразить формальное уважение или, хотя бы снисхождение по отношению к низестоящим людям. Этот тип презрения направлен на поддержание социальной иерархии, статуса и самоуважения путем унижения других. Презрение, которое демонстрирует сильный мира сего к низестоящим, призван «убедить» и утвердить последних в их же мнении в том, что они – низестоящие. С другой стороны, это презрение приносит удовлетворение от сознания собственного превосходства тому, от кого оно исходит. Таково, например, презрение помещика к крестьянам, барина к слугам, аристократа к простолюдину, сеньора к вассалу, капиталиста к рабочему. С точки зрения вышестоящих эти низестоящие --слуги,

АНТРОПОЛОГИЯ

и тесно связанных с ними выражением почтительности и уважения.

Презрение, направленное «сверху вниз», дополняется презрением, идущим «снизу вверх», и выражающимся в том, что представители низших слоев замечают, что вышестоящие лица не обладают качествами, которые требуют от них соответствующий статус, и которые они нередко стремятся спрятать под маской самонадеянности или надменности. Несмотря на то, что презрение «снизу вверх» открывает низестоящим возможность осознать свое превосходство над вышестоящим в определенном аспекте, тем не менее они

верному дядьке Савельичу из *Капитанской дочки* Пушкина), что отнюдь не исключает с точки зрения вышестоящих, что низестоящие должны «знать» свое место и не высовываться там и тогда, где и когда речь идет о серьезных вопросах. Это презрение путем демонстрации равнодушия отнюдь не исчезает в демократическом обществе, а сохраняется в некоторых его специфических контекстах, особенно там, где речь идет о взаимодействии лиц, принадлежащих к различным иерархическим стратам. В конкуренции за продвижение по статусной лестнице презрение играет значительную роль в поддержании уже обретенного положения или в демонстрации недавно достигнутого успеха, или, наконец, в выражении сомнения в правомерности и обоснованности его достижения конкурентами. Связь между статусом и презрением является настолько тесной, что нередко можно встретить лиц, которые, будучи неспособными интерпретировать тонкие знаки их выражения, источают презрение направо и налево только потому, что считают, будто простая демонстрация последнего способна убедить других в их принадлежности к сонму избранных. Как бы там ни было, а презрение – это эмоциональный комплекс, артикулирующий и обеспечивающий поддержание иерархии, статуса, позиции

разделяют ценностей вышестоящих, а считают сами эти ценности глупыми, дурацкими и подлежащим осмеянию. Презрение к неспособности или бездарности высших чинов обычно выражается в юморе, сатире, в сардоническом смехе, т. е., в установках, которые не ставят под сомнение устои общественной иерархии, а подвергают критике конкретных их носителей. Юмор и смех объединяют низестоящих в их презрении к лицемерным, неумелым, некомпетентным и чванливым господам, принижая и развенчивая их социальную и моральную значимость, низводя их до уровня простого объекта насмешки.

не могут не понимать, что в глазах большинства они занимают низшую позицию, а следовательно, уже в силу этого обречены на презрение, тогда как вышестоящие, в силу своей принадлежности к верхней позиции, могут позволить себе роскошь думать, что нижестоящие им завидуют, втайне восхищаясь их высоким статусом. Если презрение, направленное сверху вниз, имеет «опору» в социальной иерархии, и выражается в реальном богатстве, власти, успехе, то презрение, идущее снизу вверх, имеет слабую социальную и психологическую базу и носит, как правило, реактивный характер. И тем не менее этот тип презрения дает определенную компенсацию носителям низших статусов, которая выражается не в заносчивости, а в насмешке.

Согласно американскому литературоведу Уильяму Яну Миллеру, существуют два отличные друг от друга типа выражения презрения нижестоящих к вышестоящим. Первый выражается в том, что нижестоящие в принципе разделяют и принимают ценности, которые «исповедуют» вышестоящие; они лишь чувствуют себя задетыми неспособностью или бессовестностью последних, что не позволяет им выразить свое адекватное отношение к носителям власти или богатства в форме уважения или почтения. Второй тип презрения является намного более радикальным и состоит в том, что нижестоящие не

АНТРОПОЛОГИЯ

Презрение к ценностям, добродетелям и нормам вышестоящих страт выражается в стратегии, которая стремится представить их не как неуклюжих или неспособных, а скорее как клоунов или дураков. «В этом контексте, -- пишет Миллер, -- ценности и добродетели власть предержащих не имеют смысла, единственно, что принимается в расчет -- это их власть. Насмешка, хохот, ядовитая улыбка, издевка направлены на отрицание всех форм почтительности, которые им предписываются» (Miller W. I. Anatomía del asco. Madrid, 1998. P. 310.). Презрение, выражаемое в юморе и сатире, трансформируется в иронию, которая беспощадно осмеивает, разит наповал и обесценивает потуги объекта на собственную значимость. Если юмор, в сущности, имеет намерение исцелить, и даже иногда включает в себя доля симпатии к субъекту, подвергаемому осмеянию, то ирония язвит и ранит; если юмор милосерден и даже великодушен, то ирония не знает жалости, её цель -- унизить и низвести другого до полного морального и социального нуля. Когда презрение напитывается ядом, то оно превращается в злобное желание любой ценой причинять ущерб своему контрагенту, обрекая его на страдание.

Продолжение - в следующем выпуске»

Человек и его переживания

Рецензия на книгу М.А. Малышева «Человек и мир его переживаний»

Б.В. Емельянов

Не так давно бывший уральский философ, а ныне, волей судеб, профессор-исследователь Автономного университета штата Мехико, выпустил в свет книгу о человеке и его переживаниях (М. А. Малышев. Человек и мир его переживаний. Екатеринбург,

отправной пунктом подхода автора к пониманию философской антропологии. Отправляясь от тезиса её основоположников - Макса Шелера, Гельмута Плеснера и Арнольда Гелена - о том, что человек является существом незавершенным, недостаточным и открытым миру, автор рассматривает деятельность человека в его наиболее

2000, 278 с. Ссылки на это издание – в тексте). Эта книга – результат многолетних размышлений автора – представляет собой собрание очерков, большая часть которых уже была опубликована в русских и мексиканских изданиях. Готовя свою книгу к печати, М. А. Малышев значительно переработал, дополнил и уточнил каждый из опубликованных ранее материалов, а также включил в неё ряд новых статей. В конце произведения вслед за очерком, посвященном творчеству Эмиля Цьорана, даются некоторые переводы в которых автор знакомит отечественного читателя с творчеством этого весьма оригинального, но практически неизвестного в России румынско-французского мыслителя.

Первый очерк, служащий как бы лейтмотивом ко всей книги, посвящен характеристике антропологической направленности современной философской мысли. Будучи существом вопрошающим, человек, чем далее – тем более, ставит себя в центр своих философских размышлений, и поэтому можно смело сказать, что антропология является на сегодняшний день центральным звеном философского мышления. Говоря словами автора, «ничто человеческое не чуждо философии, и сама она в известной мере – это человек, ставший для самого себя проблемой». Именно эта проблематичность для самого себя человека, которая и определяет его онтологический статус в мире, служит

АНТРОПОЛОГИЯ

следствие неконтролируемого суммирования побочных следствий его деятельности, «неожиданно соединяют самое интимное, – например, здоровье ребенка – с самым отдаленным – «озоновой дырой», аварией атомного реактора, «парниковым эффектом» – и заставляют нас думать об онтологической ненадежности нашего бытия». Отсюда следует, что антропологическое мышление приобретает сегодня новые, ранее неизвестные философии черты.

существенных антропологических атрибутов, а саму человеческую историю трактует как преодоление этой онтологической недостаточности, как формирование человеком своей собственной «антропологической субстанции». С такой точки зрения существование человека – это всегда открытая возможность, а не то, что он представляет собой согласно своей природе или своей сущности. «Следовательно, человек не есть нечто наличное, данное, готовое, ставшее; скорее, он представляет собой экзистенциальную программу, а стало быть, он есть то, чем ещё не является, – проект своего предстоящего свершения». Отсюда следует, что человек был, есть и будет постоянной проблемой для самого себя, ибо, стремясь к преодолению собственной незавершенности и недостаточности, он порождает все новые и новые вызовы своему собственному существованию на каждом этапе своего исторического развития.

Наше время – это время угрозы, чреватой различного рода кризисными явлениями, это эпоха «конденсации инноваций», потери знакомого и привычного в традициях прошлого, роста рациональности в отдельных сферах общественного бытия за счет утраты рациональности на всеобщем социальном уровне. Опасности, проистекающие из аварий, которые возникают из неведомого вмешательства человека в природу или в

любви, вины и стыда, страха и гордости, зависти и презрения. Человек в состоянии раскрыть и эмоционально постичь широкую гамму оттенков чувств и эмоций другого лишь постольку, поскольку он обладает опытом их переживаний в своем собственном внутреннем мире. Посредством последних мы окрашиваем окружающий нас мир в разнообразные эмоционально-чувственные тона. В этом смысле мы можем сказать, что аффективные переживания имеют такое же значение

Исходная точка современной философской антропологии - это человек, находящийся в ситуации тотального кризиса, благодаря чему на первый план выходит алармистская функция, связанная с предупреждением действительного и возможного ущерба, производимого негативными последствиями использования его разума.

Второй блок проблем рецензируемой нами книги связан с дескрипцией аффективных переживаний. С точки зрения М. А. Малышева, наша душевная жизнь включает в себя различные компоненты: мысли и желания, чувства и эмоции, страсти и убеждения. Этот психический комплекс, данный в нашем внутреннем опыте, этот способ существования реальности для субъекта, по-немецки именуемого *Erlebnis*, автор обозначает термином «переживание». Подобно тому как физическое тело представляет собой соединение атомов, так и наше «я», как психический феномен, есть совокупность переживаний.

Аффективное переживание – это такой ментальный комплекс, в котором эмоционально-оценочное отношение к миру определяет все остальные ингредиенты психического состояния субъекта. Согласно автору, в аффективных переживаниях находит свое выражение то значение, которое переживаемый объект имеет для субъекта, но не с *фактической*, а с *магической* точки зрения, т. е., так, как объект предстает в сознании субъекта в свете его радости и печали, тоски и

АНТРОПОЛОГИЯ

он не смог бы вынести рутины повседневного существования. Стремление быть «кем-то», претензия на обладание определенной значимостью среди себе подобных лиц составляет фундамент его ценностей. Уже простой взгляд значимого другого сообщает нам признание или, как говорит Сартр, достаточно, чтобы другой смотрел на нас, чтобы мы начали ощущать свою собственную значимость. Может быть мы не столько боимся умереть, сколько

для нашего отношения к окружающим нас людям, какие краски имеют для художника и звуки для музыканта для выражения их отношения к миру.

С точки зрения автора рецензируемой нами книги любое переживание связано с осознанием чувств переживающим их субъектом, так что, если последние не осознаются, то мы не можем говорить о них как о переживаниях. Когда мы начинаем отдавать себе отчет в движениях собственной души, осознавать свои чувства, а заодно и то значение, которое предмет, вызвавший их к осознанию играет в нашей жизни, то именно тогда мы начинаем его переживать. Отсюда следует, что невозможно осуществить тематизацию аффективных переживаний вне погруженности описывающего их автора в свой собственный внутренний мир. Вряд ли, кто-либо из нас смог бы написать нечто интересное о любви, вине, стыде, радости и тоске, если бы он сам не обладал личным опытом переживаний этих чувств. С другой стороны, нельзя и слишком переоценивать собственную индивидуальную интроспекцию в феноменологическом описании переживаний эмоций и чувств. Не только наш личный опыт переживания чувств, но и мировая сокровищница философской и художественной литературы снабжают нас богатыми ресурсами для удовлетворения нашей потребности в познании внутреннего мира человека.

Человек не просто живет, а так или иначе переживает чувство собственной значимости, которое выражается в необходимости быть признанным другими, ибо без идеи собственной значимости, задающей смысл его жизни,

достоинству. Что означает тоска, вызванная утратой ушедшего от нас в «другой мир» значимого человека, как не признание его невозместимой ценности. Невозможно полностью компенсировать душевную боль, вызванную смертью нашего близкого, идеей «бессмертия души» или «бессмертия» его славных дел в грядущих поколениях, но именно признание неповторимой значимости ушедшего от нас человека приносит нам определенное облегчение».

страшимся уйти из жизни существами непризнанными. Как замечает автор, «недостаток в признании другими ощущается нами как принижение ценности собственного существования. Не иметь никакой значимости, как нам кажется, означает большее зло, чем зло небытия» Именно признание собственной значимости человека служит экзистенциальной предпосылкой его сосуществования с другими людьми, конституирует смысл его общественных связей. Именно потребность в признании и выступает компенсацией онтологической недостаточности и незавершенности существования человека. Более того, стремление к признанию и соответственно боязнь его утраты составляют социальную основу многообразных форм аффективных переживаний. «В самом деле, что такое любовь как не признание, как не страстное утверждение единственной и неповторимой значимости возлюбленного для влюбленного. В свою очередь каждый любящий хочет быть любимым; не только раскрыть свои горячие чувства другому, но и получить ответное чувство, быть признанным объектом своей любви. Что такое зависть как не невольное признание заслуг другого и одновременно стремление их развенчать и принизить. Завистник воспринимает достижения другого в значимой для себя сфере как покушение на авторитет и достоинство собственной личности. Что такое вина как не переживание виновным недолжного поступка, признание ущерба, причиненного им своему собственному

АНТРОПОЛОГИЯ

переживания очевидных истин. Если я вижу, что этот стол круглый, то меня уже очень трудно убедить в том, что он квадратный. Конечно, прагматические соображения, связанные с угрозой моим интересам, могут привести меня к замалчиванию или искажению непреложных истин восприятия, но сила их очевидности так или иначе будет упрямо убеждать меня в обратном. Отвержение несправедливости, насилия

С точки зрения М. А. Малышева, всякая «драма», связанная с переживаниями чувств, выступает одновременно и моральной драмой, следовательно, дескрипция чистых актов переживаний в абстракции от моральных суждений, которые их сопровождают, может нарушить их феноменальное единство в нашем сознании. Если эстетические чувства более или менее отдалены от нравственной оценки, то моральные чувства непосредственно включают их в себя. Наша нравственное сознание базируется на чувстве солидарности между людьми, и мы ощущаем, что эта солидарность окажется подорванной, если в наше присутствие и на наших глазах совершится зло или несправедливость, а мы ничего не сделаем для того, чтобы пресечь это зло и не окажем посильного сопротивления носителю несправедливости. Мы не можем оставаться равнодушными тогда, когда видим, как попирают наше достоинство или когда мы выступаем невольными свидетелями унижения, которое причиняют другому. Наша совесть - это своеобразный радар, который автоматически наводится на переживаемое содержание нашего сознания и выносит ему свой нравственный приговор. Когда я вижу, что некто совершает зло, то внутри меня мгновенно возникает необъяснимая к нему антипатия. Эта первичная эмоциональная установка уже содержит в себе определенное убеждение, родственное по категоричности своим переживаний непреложности

утрату сочувствия к чужой боли, но и даже заглушает чувство ненависти к собственным истязателям. Поэтому, если сохраняется ненависть к палачу, то и сохраняется последние остатки совести, предохраняющие личность от окончательной нравственной деградации.

Как заметил однажды Хосе Ортега-и-Гассет, если любое животное, например, тигр не может перестать быть тигром, не

и надругательства часто перевешивает соображения выгоды, диктуемые нашим слишком «прагматичным» рассудком. Мы ничего так не боимся, как оказаться перед судом собственной совести последними негодьями, презренными подлецами или жалкими трусами, а потому стараемся сделать все, что в наших силах, чтобы избежать подобной унижительно-самооценки. Однако, как показывает автор в очерке, посвященном творчеству Шаламова, существуют обстоятельства, в которых эмоциональная и нравственная индифферентность приводит к тому, что инстинкт самосохранения вытесняет любой спонтанный протест, свойственный нашей совести. Эта моральная атрофия вызывает не только

может, так сказать, «растигриться» то человек, каким бы разумный он ни был, живет под постоянной угрозой утраты своей разумной или, что ещё хуже, гуманистической ипостаси. С человеком, как и с любым другим животным, могут произойти разные истории, но с человеком иногда происходит, кроме всего прочего, ещё и то, что он может перестать быть самим собой, иначе говоря, и вся история тому свидетель, он может «расчеловечиться». Дабы эта возможность не превратилась в действительность, необходимо чтобы каждое новое поколение людей, углубляя и переосмысляя свою «антропологическую субстанцию», не утратило бы при этом своего нравственного начала.

ЧЕЛОВЕК В ПОИСКАХ ИСТИНЫ СВОЕГО БЫТИЯ

К.С. Романова

Вопрос о смысле жизни, так или иначе, невольно встает перед каждым человеком. Философия возникает именно там, где возникает вопрос о месте человека и его значении в мире, о его жизни и смерти. Ответы на эти вопросы давались и даются разнообразные, нередко противоположные по смыслу

«Жизненное пространство», выходящее за регулируемые законом рамки социального бытия, является

АНТРОПОЛОГИЯ

— это такая среда, где каждый должен принимать решения относительно самого себя, принципов своей жизни. От понимания своего бытия зависят мотивы поведения личности, направленность ее практической деятельности. Наличие нравственных проповедей в общественном сознании не освобождает человека от эгоизма, циничного отношения к жизни и других пороков.

полем свободной самореализации людей, их самопониманием. Каким содержанием наполняется это пространство, зависит от уровня духовного развития человека, содержания его личных интересов и предпочтений. Самопонимание индивидов оказывает влияние на духовный облик всего народа, на ту роль, которую они играют в историческом развитии, социальном прогрессе человечества.

Внутренняя духовная жизнь человека

ряда общественных деятелей, писателей — Юлии Друниной, В. Кондратьева и др., которые сами были участниками и героями этих событий, а в последствии в своих литературных произведениях искренне воспроизводили эти события, идеализируя, в лучшем смысле этого слова, советского солдата, воспевая его подвиг.

Человек, движимый своими

Аналогичным образом обстоит дело и с частными социальными интересами, которые, вопреки всем абстрактным лозунгам, начинают вырываться из «Ящика Пандоры», если общество снимет с него крышку.

Опыт общественной жизни дает массу, казалось бы, парадоксальных примеров того, что энергия людей может быть направлена на разрушение, а не на созидание, на движение вспять, а не вперед.

Парадоксальным представляется и постепенный возврат человека к переоценке результатов собственных деяний, его самокритика. Особенно это характерно для российского менталитета.

Про Россию на Западе говорят, что это – страна с непредсказуемым прошлым, потому что мы за достаточно короткий исторический период времени меняем ценностные ориентиры.

Самые благие побуждения в своей практической реализации могут приносить зло. Примеров этому можно из нашей действительности привести тьму. Достаточно вспомнить ставшее крылатым знаменитое выражение известного бывшего премьер-министра: «Хотели как лучше, получилось – как всегда!»

Покаяние в содеянном социальном зле полезно лишь для нравственного очищения, а в своей практической реализации приносит очередное зло, разрушение идеалов, переоценку собственной жизни, к гибели личности.

К примеру, переоценка подвига советских солдат в победе над фашизмом в годы Великой Отечественной войны привела к суициду

АНТРОПОЛОГИЯ

знаменателям – фундаментальная духовная проблема каждой эпохи. На этой основе достигается согласованность действий людей, позволяющая успешно решать встающие исторические задачи (отсюда – роль философии и религии в поисках истины бытия, равной смыслу жизни). Но на этой же основе формируются социальные

ближайшими непосредственными интересами, обстоятельствами конкретных жизненных ситуаций, а порой, просто эмоциями и страстями, – это не исключительное, а скорее массовое явление. Для такого индивида общие и нравственные, и социальные принципы – лишь абстракции, которые хороши для теорий, разумных речей, но не для реальной жизни. И вместе с тем, когда такой человек, вроде бы делавший все «правильно» в конкретных жизненных ситуациях, оказывается перед «разбитым корытом» всей своей жизни, он начинает понимать реальную силу абстракций.

В абстрактных принципах самосознания находят выражение всеобщие универсальные связи бытия индивида с окружающим его миром. Через них человек приходит к глубокому самопостижению своей сущности, которая оказывается не лежит на поверхности. Человек постигает эту сущность всю жизнь, и этот познавательный процесс не совпадает непосредственным образом с накоплением знаний о различных эмпирических предметах, с эрудицией.

Адекватное, свободное от иллюзий, самопонимание является предпосылкой самоформирования человека как субъекта, на деле способного к решению определенных практических задач.

Практически участвуя в решении этих задач, индивид возвышает свое личное достоинство, соединяет идеальные представления самосознания с реальностью бытия.

Приведение внутреннего мира индивидов к универсальным общим нравственным и социальным

бесконечности и построить жизнь в соответствии с этим основанием («социальный» человек).

Такая ориентация самосознания, на первый взгляд, выглядит иллюзорной, поскольку человек здесь вступает в борьбу со временем. Все преходяще, в том числе и сам человек, поэтому ориентация на вечность и

противоречия в обществе между различными социально-психологическими группами, включая противоречия между «отцами» и «детьми».

Человек в истории через эволюцию претерпевает качественные изменения, но он сохраняет свое тождество и как естественный человек, и как представитель человеческого рода. Это реальное противоречие бытия человека определяет диалектический характер его самосознания себя как организм (тело) и как личность (носитель социальных качеств и сознания). Причем эта связь проявляется даже на уровне бессознательного. Примером тому может служить любая стрессовая ситуация, психически переживаемая человеком. Она, как правило, приводит к соматическим (телесным) отклонениям от нормы, вызывая те или иные заболевания, и наоборот, тяжелые соматические заболевания приводят к изменению психики человека.

Проблема адекватного самоопределения человека, проблема самосознания органически связана с определением его отношения к собственной жизни и деятельности, возможности их изменения в соответствии с найденной истиной бытия.

Человек, определивший для себя жизненные предпочтения и ориентации, качественно отличается от индивида «плывущего по течению», действующего под влиянием случайных обстоятельств.

Один из видимых парадоксов самосознания состоит в том, что человек, будучи конечным существом («естественный» человек), стремится определить основание своей

представляется, вроде бы, не имеющей реального смысла. А между тем, именно такая ориентация придает самым различным формам деятельности адекватную направленность: лишь та деятельность человека дает истинный результат, которая как бы стремится выразить его вечную сущность.

Цель жизни человека характеризует его социальное лицо (личность). Характер цели, которую индивид полагает основанием смысла своей жизни, определяет его духовное достоинство. Чем большую значимость имеет цель жизни человека, тем выше и социальная ценность его деятельности, а, соответственно, удовлетворенность своим бытием. Состояние удовлетворенности и воспринимается как выражение истинности бытия.

Представления человека об истине своего бытия являются подвижными (меняются, отвергаются и т.д.). Источниками коррекции являются как внутренние противоречия между удовольствием и удовлетворенностью через диалектику естественного и социального в человеке, так и внешние противоречия между личностью и социумом. Примером может служить деятельность ученого (а также учителя, врача и т.д.), занимающегося проблемами фундаментальных наук в нашей стране и ценностное отношение общества в целом, и государства, в частности, к роли этой деятельности. Что, в частности, выражается в ничтожной заработной плате за труд, и тем самым лишает возможности не только заниматься любимым делом, но и ставит на грань физического выживания.

Индивид может примерять внутренние противоречия собственного сознания

АНТРОПОЛОГИЯ

путем признания определенной иерархии ценностей, подчинения «низших» ценностей «высшим». Внешние противоречия между личностью и социумом могут разрешаться через поиски дополнительных источников существования, связанных с дополнительной работой или миграцией

настоящее время поощряется любым путем, в том числе и криминальным, о чем свидетельствуют события нашей общественной жизни, очевидцами и участниками которой мы являемся.

Но этот опыт имеет свои исторические пределы. Современная ситуация с наибольшей очевидностью опровергает

в другую страну, смену вида деятельности. Негативным разрешением этих противоречий может служить «уход» от них в алкоголь, наркоманию, что, в свою очередь, приводит к разрушению физиологической природы человека как целостного единства физического и психического в нем, к гражданской смерти личности.

В определении характера связи личного бытия, «своего мира» человека с бытием социума и лежит ответ на вопрос о смысле жизни или истинности бытия.

Некоторым может казаться естественным упрочение своего бытия за счет других, но тогда индивид преступает универсальную, нравственную норму общего блага: частные интересы приобретают приоритетный характер, вследствие чего, универсальные нормы нравственности воспринимаются как пустые иллюзии. Это подтверждается и практикой. К примеру, накопление капитала в

его. Отречение человечества от всеобщих нравственных и социальных принципов подталкивает человечество к неминуемой катастрофе. Чтобы спасти себя, индивид должен «расширить» свой мир до горизонтов всеобщего универсального мира. Но это не реально, так как субъекты общественной жизни противопоставлены один другому противоположными интересами. Перманентность этих отношений находит свое отражение в пословицах: «Сытый голодного не разумеет», «У одного - щи жидкие, а у другого - жемчуг мелкий».

Эти факторы сказываются и в отношениях между социумами. Отсюда следует: признание всеобщих (общечеловеческих) истин разума и морали, руководство ими в принятии важнейших политических решений и, вообще, глобальное обустройство жизни – это путь к угрозе самоуничтожения. Те, кто понимает это - принимает идеи антиглобализма.

ПЕРСОНА

Шинель

Э.Ю. Соловьев

Э.Ильенкову, А.Зиновьеву

На факультете пропадали
Послевоенные мальчишки,
И пропадали их медали
И их снобистские замашки,

Но в раздевалке, где висели
Послевоенные пальтишки,
Вдруг появились две шинели, —
Шинели Эвальда и Сашки.

Они по опыту отцы нам,
По складу — старшие братишки.
Они свободы образцы нам
Перед лицом муштры и слежки.

Иные шутки зазвенели,
И начались иные книжки.
И в семинарах под шинелью
Созрели крепкие орешки.

Мы были в бурсе лицеисты,
Самоуправные студенты,
Земного бога атеисты
И трудоголики в шарашке.

Внутри марксистской цитадели
До диссидентства диссиденты
С тех пор как вышли из шинели, —
Шинели Эвальда и Сашки.

Март 1999 г.

«В поисках смысла, с заботой о форме и стиле»...

Интервью с Э.Ю. Соловьевым

И.Б. Фан

Самое краткое определение Мераба - человек, который не позволял себе и не умел говорить попусту», - так выразился Э.Ю. Соловьев в своей лекции в УрГУ, посвященной философии М.К. Мамардашвили. На мой взгляд, это может быть отнесено и к самому Э.Ю. Соловьеву. Его отточенная и изысканная философская стилистика,

своеобразный фанатизм в отношении к языку по достоинству оценены в России и за рубежом. Разные поколения читателей сходились в том, что тексты Э.Ю. Соловьева можно опознать (и отличить от многих других) просто по их «крепкой сделанности». Это признавали и интеллигенты 60-х годов, которых увлекли его статьи об экзистенциализме в «Вопросах философии», и читатели 70-

ПЕРСОНА

научной биографией Мартина Лютера, появившейся в серии ЖЗЛ, и философская аудитория 80-х, получившая, благодаря работам Э.Ю. Соловьева, возможность нового прочтения Канта.

Э.Ю. Соловьев - автор более 120 научных работ, опубликованных в России и за рубежом, один из самых цитируемых российских философов, специалист по истории западноевропейской философии. На сегодняшний день - главный научный сотрудник Института философии РАН, член редколлегий «Историко-философского ежегодника» (Москва), альманаха «Человек» (Москва) и международного журнала «Studies in East European Thought» (Фрибург). Участвовал во многих российских и международных конференциях по философии права (Германия, Франция, США). По приглашению Ю. Хабермаса выступал с докладами на философской секции Франкфуртского университета, читал лекции по этике Канта во Фрибургском университете (Швейцария). В Екатеринбург Э.Ю. Соловьев прибыл в качестве одного из участников Ресурсной группы Института философии РАН, осуществляющей программу поддержки кафедры истории философии УрГУ. Речь идёт о помощи в авторской работе преподавателей и аспирантов, о рецензировании монографий и учебников, подготовке совместных исследований, проведении конференций, чтении лекций. График пребывания Эриха Юрьевича в нашем городе был чрезвычайно плотным, и ему не легко было найти время для интервью.

- Эрих Юрьевич, для начала - несколько слов о Вашей уральской молодости и о том, как Вы пришли в философию?

- Я родился в 1934 г. в Н. Тагиле. В 1937 г. мой отец, мастер бандажного цеха Нижне-Тагильского металлургического завода, поляк по национальности, был репрессирован (10

х, знакомившиеся с первой в России

живых. Отчим, Ю.С. Соловьев, геолог, (в 70-е годы - один из лучших уральских специалистов по самоцветам), усыновил меня и был прекрасным отцом. Школьные годы прошли в Свердловске.

В ту тяжкую пору это был удивительный город, в который эвакуация забросила и высокие технологии, и наиболее квалифицированных рабочих, и значительную часть ленинградской, московской и киевской интеллигенции. Отважусь утверждать, например, что в Свердловске проживала тогда самая читающая молодежь планеты (соперничать с ним могли разве что Куйбышев и Ташкент).

Интерес к философии пробудила во мне русская литература и литературная критика, мировоззренческую широту которых доступно разъясняла наша замечательная учительница М.Я. Матвеева. Мысль о том, что философия должна стать моим профессиональным занятием, подсказал (пожалуй, даже внушил мне) молодой преподаватель логики Б.И. Шрагин*, выпускник философского факультета МГУ, близкий приятель Э.В. Ильенкова (в конце 70-х годов - один из ведущих московских диссидентов). В десятом классе, руководствуясь его советами, я прочел почти всю гегелевскую «Историю философии», а в июне 1952 г., закончив школу с «золотой медалью», отослал документы на Моховую, 11.

- Всё выглядит так, как будто философский факультет МГУ через Шрагина прямо-таки затребовал Вас к себе. А как он Вас встретил и принял?

- Первый год учёбы был чрезвычайно трудным. Шёл процесс над «врачами-убийцами», и над Москвой витало предчувствие новой волны репрессий. Однако вскоре после смерти Сталина на факультете начались живые дискуссии. Секрет философов-шестидесятников, которые тогда формировались, заключался в том, что они представляли

лет без права переписки). Уже через год до матери дошли сведения, что его нет в

собой парадоксальное «гибридное» поколение. За студенческой скамьей

ПЕРСОНА

сошлись «отцы» и «дети», которые по физическому возрасту различались всего лишь как старшие и младшие братья. Братья-отцы - это были те, кто прошёл опыт войны и уже имел немало жизненных сомнений в достоинствах советской большевистской системы. Назову имена А.А. Зиновьева, В.И. Коровикова, Э.В. Ильенкова, В.Ж. Келле. Э. Ильенков и В. Коровиков положили начало дискуссии о предмете и миссии марксистской философии. Они настаивали на том, что философия должна быть теорией знания и сознания, а прямое изучение реальной действительности надо предоставить конкретным наукам.

Руководство факультета добилось осуждения дискуссии. Ее инициаторы, заработав ярлык «гносеологов», были отстранены от преподавания. Но, как говорится, «процесс пошёл»: дискуссия обнаружила, что на разных курсах обретается немало нестандартно мыслящих молодых людей, которые теперь узнали друг друга и образовали долготетнее неформальное сообщество.

- Кто из преподавателей МГУ оказал на Вас наибольшее влияние?

- Прежде всего, это, конечно, Э.В. Ильенков, работавший и преподававший под негласным девизом «назад к Марксу». В первомарксизме он видел завершение немецкой классической философии. Для его учеников было аксиомой, что философия - это прежде всего основательное историко-философское знание. Вокруг Ильенкова сплотились такие известные в последствие философы, как Г.С. Батищев, Ю.Н. Давыдов, П.П. Гайденок, К.Н. Любукин. Немецкая классика и Маркс расположились в наших головах, как Ветхий и Новый Завет. Серьезную роль в моей жизни сыграл В.Ф. Асмус, один из старейших

для него занятия логикой, а также проблемами истории диалектики. В.Ф. Асмус был научным руководителем моей курсовой работы по Шеллингу и диплома, посвященного эстетическим идеям молодого Маркса. Возможность заниматься подобной проблематикой открылась лишь в годы хрущёвской «оттепели». Благодаря хлопотам Валентина Фердинандовича, о которых мне долгое время ничего не было известно, я вошел в обновлявшуюся редакцию журнала «Вопросы философии» (поначалу - в должности машинистки). Ответственным секретарём журнала был в ту пору М.И. Сидоров, которого я определял для себя как «человека из породы Твардовских». В новой редакции, которую он собрал, сошлись совсем ещё молодые И.Т. Фролов, М.К. Мамардашвили, И.В. Блауберг, Н.Б. Биккенин, Н.И. Лапин. Такой плотности таланта на один квадратный метр производственной площади я уже не встречал больше нигде и никогда.

- Какую роль в Вашей жизни сыграла встреча с М.К. Мамардашвили?

- Уже первое знакомство с Мерабом (в начале 60-х мы были близкими друзьями) произвело на меня огромное и неоднозначное воздействие. Можно сказать, что он исповедовал в то время структуралистскую версию марксизма и видел в «Капитале» Маркса произведение, которое резко отделяет современную философию от классического, прежде всего немецкого, спекулятивного наследия. Это резко противоречило тому, что я усвоил в школе Ильенкова. Во мне происходила «крутая ломка»: в течение нескольких лет после первого успешного дебюта в 1958 г. я, по сути дела, просто не мог писать. В 1965 г. Мераб уехал в Чехословакию для работы в журнале «Проблемы мира и

профессоров философского факультета. В молодости он определился в качестве неокантианца. В советское время нишей внутри марксистской философии стали

ПЕРСОНА

Мамардашвили. Это был откровенный протест против историцизма, - против культа истории, которая сама в себе разумна, сама знает, куда ей идти, и всегда находит для этого наилучшие средства. При этом история допускает огромные человеческие издержки, но оплачивает их последующими достижениями прогресса, так что любые раны оказываются зализанными. Я представил русскому читателю экзистенциализм как философию, которая ставит под сомнение эту прельстительную ложь. Люди должны все решать “здесь и теперь”, и делают это тем лучше, чем меньше полагаются на гарантированный прогресс.

- В Вашей лекции в УрГУ посвященной памяти М.К. Мамардашвили, Вы определили его философию как экзистенциальную сотериологию. В чём смысл этого определения?

- Сотериология - слово из теологического словаря. Оно имеет в виду теорию и практику душевного спасения. Мне представляется, что поздние работы М.К. Мамардашвили именно об этом. Традиционная экзистенциальная проблема - как человеку остаться самим собой, или обрести самого себя, достигает у Мераба наивысшего напряжения, - превращается в вопрос, как не умереть уже здесь, при жизни. Это заострение основной экзистенциальной проблемы могло произойти лишь в обществе тотальной духовной подвластности. Особый и чрезвычайно горький российский опыт позволил М. Мамардашвили стать мыслителем, оригинальным по западным меркам высокого философствования. Решающую роль в спасении человека от прижизненной смерти играют у Мамардашвили занятия философией и

социализма». А я пережил своего рода “второе рождение” и опубликовал две статьи об экзистенциализме, исключительно понравившиеся

«духовной энтропии», то есть, разупорядочению и варваризации духовной культуры.

- Эрих Юрьевич, какие Ваши статьи, книги, идеи Вы считаете наиболее значимыми?

- Сразу замечу, что моё суждение по этому поводу не вполне совпадает с суждением моих читателей.

Литературная известность пришла ко мне в конце шестидесятых, после публикации статей об экзистенциализме в «Вопросах философии» и выступления на страницах опального «Нового мира». В последний год редакторства А.Т. Твардовского здесь появился мой очерк “Цвет трагедии (о творчестве Э. Хемингуэя)”. В нём я продолжал спор с историцизмом. Либеральная интеллигенция очень хорошо приняла также статью “Личность и ситуация в социально-политическом анализе К. Маркса” («Вопросы философии», 1968). Статья обсуждала нравственные основы демократии и содержала множество рискованных аллюзий. Мне говорили, что в какой-то момент она сделалась настольной для Г.Э. Бурбулиса - выпускника вашего (свердловского) философского факультета.

Вторым литературным успехом была так называемая “тройственная” статья “Классическая и современная буржуазная философия” («Вопросы философии», 1972), где я выступил в качестве соавтора М.К. Мамардашвили и В.С. Швырева. Она предвосхитила современные дискуссии о модерне и постмодерне и на какое-то время стала неофициальным катехизисом для тогдашнего молодого поколения философов и гуманитариев.

Сам я более всего ценю свои работы о Канте: статьи в сборниках «Наука и

серьёзнейшая работа над философским наследием, похожая по напряжённости на работу теолога-экзегетика над священными текстами. На этом основывается “режим сознательной жизни”, обеспечивающий противостояние

ПЕРСОНА

Взаимодополнительность морали и права” (1993). Широкого читательского признания она не получила (возможно, из-за весьма скромного тиража). А жаль! Здесь, в Екатеринбурге есть человек, который хорошо понял и оценил книжицу Соловьёва. Это - С.С. Алексеев. Я сожалею, что не смог встретиться с ним и хотел бы через ваше издание выразить ему признательность за внимательное отношение к моим этическим и философско-правовым усилиям. Это большая честь для меня.

Что касается идей, то, пожалуй, наиболее ценной из них я считаю своё представление о Реформации. В 1983 г., в книге «Философия эпохи ранних буржуазных революций» (под редакцией Т.И. Ойзермана, В.М. Богуславского, Н.В. Мотрошиловой и моей) мы с историком Д.Е. Фурманом сделали попытку разъяснить духовно-историческое значение европейской Реформации, затенявшееся сперва нашей церковно-православной, а затем марксистской литературой. Реформация - не просто событие в истории религии, это грандиозный социокультурный переворот, в ходе которого родилась народная книжная культура (она начинается с Библии, переведённой Лютером на немецкий язык), новая (герменевтическая) рациональность, профессиональная и предпринимательская этика, трезво-профанический взгляд на государство, раннебуржуазное правосознание. В своих последующих публикациях и лекционных курсах (это, собственно, и есть “моя идея” в тесном смысле слова) я пытался показать, что в XVI-XVII веках - ещё до Просвещения, до модерна - Западная Европа нашла цивилизационную форму, в которую затем сумела заковать “дикий

нравственность» (1971). “Философия Канта и современность” (1975), а также последнюю книгу “И. Кант:

больше, чем оформление: это то, что формирует.

- Совершенно верно. Такое понимание формы восходит ещё к Аристотелю. Разъясняя его, Мераб, уроженец Грузии, использовал образ обруча, скрепляющего бочку. Форма - то, что держит: содержание - содержимое. Форма по Мамардашвили - это “держава”. Держава сознания в его отношении к потокам бытия.

Так вот, особенностью новоевропейской культуры со времён Реформации является то, что её держава - это неотчуждаемые права личности (права человека), профессиональная и предпринимательская этика, “вексельная честность”, контрактное деловое товарищество. Наличие этих - и ещё некоторых других - позднехристианских цивилизационных форм не дало рыночным стихиям разрушить Новую Европу, в отличие, скажем, от древней Месопотамии, древней Греции, древнего Рима, которые пали под ударами демонов наживы.

- Какое философское направление Вам наиболее близко?

- В философии я кантианец, вернее, пытаюсь быть кантианцем, насколько это для меня посильно: “кантианство” - высокий философский чин, и не мне самому судить, заслужил ли я его. Философствовать для меня - значит догадываться и открывать, как Кант решил бы ту или иную неизвестную ему проблему. Это не мешает мне не соглашаться с некоторыми решениями, которые Кант нашёл для известных ему проблем.

капитализм". Вряд ли нужно объяснять, насколько интересна эта проблема для сегодняшней России.

- Понятие "форма", как Вы его сейчас употребили, напомнило мне лекции Мамардашвили о Канте. Мераб Константинович специально подчёркивал там, что форма - это

ПЕРСОНА

М.К. Мамардашвили. Благодарю судьбу за то, что со всеми тремя мне довелось быть знакомым лично.

- Эрих Юрьевич, в своих публикациях 60-70-х годов Вы почтительно, порой, восторженно относитесь к Марксу и некоторым его последователям. Когда и как изменилось Ваше отношение к марксизму?

- В середине 70-х годов я был потрясен «Архипелагом ГУЛАГ» и другими сочинениями А.И. Солженицына. Это подпольное чтение окончательно и навсегда выбило меня из марксизма, заставило внутренне отречься не только от Ленина, но и от Маркса, мстительному гуманизму которого я служил сперва увлечённо, а затем ригористически. Чтение Солженицына привело меня также к твёрдому убеждению, что российское общество заслуживает долгого и тяжкого исторического наказания за большевизм, которое не исчерпывается даже потерями, понесёнными нашим народом в отечественную войну. Тяготы и гнусности постсоветского времени угнетают меня, как и многих моих соотечественников, но никакого исторического возмущения российской современностью, никакой необывательской ностальгии по прошлому я не испытываю. Историческое покаяние (я бы предпочёл выражение "раскаяние"), возможно, в том и состоит, чтобы признать нравственную законность нынешнего имперско-национального упадка и не дать себе обезуметь в исторических негодованиях. Долготерпение, которое русский народ веками даровал власти, пора бы отдать новым конституционно-правовым

- Кого из современных философов Вы бы поставили в первый ряд выдающихся мыслителей?

- Самым значительным философом XX века считаю К. Ясперса; в последней четверти столетия выше всего ставлю Ю. Хабермаса, Р. Рорти и

- Я никогда не выступал в качестве диссидента. Но некоторые мои статьи были, несомненно, созвучны поднимающемуся правозащитному движению. Такова прежде всего статья, опубликованная в 1975 г. в сборнике «Философия И. Канта и современность». После неё и в 80-х, и далее в 90-х годах я регулярно занимаюсь философией права. Сквозная тема моих исследований – значение правового идеала в эпохи модернизации и демократических преобразований. Спецкурс, который я только что прочел на философском факультете УрГУ, был посвящён истокам, генезису и смыслу прав человека.

- Эрих Юрьевич, Вы не раз принимали участие в дискуссиях о пути развития России, известна Ваша позиция на этот счёт. Можете ли Вы выделить какую-либо политическую партию, деятельность которой, на Ваш взгляд, отвечает потребности общества в развитии гражданского сознания россиян и соответствует Вашим убеждениям?

- Ни одна из политических партий, существующих в современной России, ни одна из её властных структур не вызывает у меня уважения и доверия. Мой предельно скромный оптимизм ныне, как и прежде, связан с российским правозащитным движением. Успехи последнего ещё могут, я думаю, стать весьма ощутимыми. Но для этого необходимо выполнить ряд условий. Во-первых, решительно отказаться от каких-либо притязаний на власть и терпеливо осваивать культуру массового

основаниям нынешней политической системы и усилиям самоуправления. В этом мне видится суть современного христианского покаяния (или, по крайней мере, его категорический минимум).

- Ваши мысли нередко перекликаются с идеями советских диссидентов. Были ли Вы среди них?

ПЕРСОНА

экологического движения). Третье – решительная и постоянная поддержка независимой судебной власти, регулярная помощь гражданам в формировании и отстаивании их правомерных судебных исков, изнурительная, но настоятельно необходимая для России практика и культура сутяжничества.

- Сегодня налицо повсеместная политическая апатия и господство над умами усталого и самого примитивного экономического материализма. Какой идеал мог бы вывести людей из этого пассивного состояния?

- Идеал гражданской низовой активности XXI века я вижу во всероссийской правозащитной стачке, сколь бы незначительным не выглядел её повод по социально-экономическим или политическим критериям.

- Какова, по Вашему мнению, роль философии в нынешней России?

- Самыми важными для современной философии считаю способности, которыми сам, увы, не обладаю, а именно - семантико-логическую культуру и снобистски беспощадную логическую иронию. Россия захлестнута мутным потоком псевдофилософствования (астрология, уфология, парапсихология, антропософия, теософия, историософия, этнософия и т.д.). Россия вконец сдуреет, если квалифицированная часть научного и философского сообщества не преградит этот поток прочным критико-аналитическим щитом. “Задача

ненасильственного сопротивления, как она очерчена, например, гандизмом в Индии. Второе – это работа по правовому просвещению народа. Это развитие контактов с неполитическими, сколь угодно мелкими, институтами формирующегося гражданского общества (начиная с обществ защиты потребителей, кончая сельскими кооперативами и ячейками

философа не в том, чтобы как можно больше знать, а в том, чтобы как можно меньше обманываться”, - сказал когда-то Ортега-и-Гассет (кстати, в книге, посвящённой Канту). Прекрасно сказал!

- Как должен работать философ в нынешних условиях свободы слова и печати?

- Свобода слова и печати предрасполагает к графомании. Современный философ должен очень много размышлять, достаточно много писать для себя (“в стол”, совершенно не заботясь об архиве, который попадёт в руки потомков). Но что он может позволить себе крайне редко – так это публиковаться. В условиях свободы печати надо терпеливо годить с опубликованием, беспощадно выбраковывая все недоделки и изнуряя себя заботой о форме и стиле, - о хорошем аргументе. Ни одна фраза в философском тексте не должна быть холостой!

Мне бы очень хотелось, чтобы идеалом для молодого философа, вступившего в XXI век, был маленький ренессансный шедевр. – Чтобы перед его умственным взором витал какой-нибудь Бенвенуто Челлини, - скульптор-ювелир. Я полагаю, что имею некоторое право на формирование такого наказа. Видит Бог, я никогда не тешил себя иллюзией, будто творю нечто вечное (работаю “на нетленку”), но в меру моих сил я всегда стремился к тому, чтобы то, что вышло из-под моего пера и завтра запахнет типографской краской, отвечало критериям старой ремесленной

добросовестности.

* Поистине – мир тесен! Сегодня сын Б.Шрагина – Илья, - известен как герой США, который 11 сентября 2001 г., будучи в одном из зданий Всемирного Торгового центра в Нью-Йорке, за 21 минуту до второй террористической атаки успел вывести свой отдел с 68 этажа разрушающейся башни (удар второго самолета пришелся на 72-й этаж).

ПОЛИКЛИНИКА

Терапевты духа: религиозная политика самодержавия на Урале в 18-19 вв.

П.Б. Пивник

Деятельность Русской Православной Церкви на Урале началась сразу после присоединения отдельных его частей к Русскому государству. Постепенно, вслед за «пионерами – открывателями» Урала в лице купцов-промышленников, ушкуйников, стрелецких отрядов, шли низшие чины духовенства, неся с собой привычную для русского человека христианскую цивилизацию. Уже с XIII в. на Урале строились церкви, основывались монастыри, шла христианизация нерусского населения края.

В XVIII в. в связи с бурным экономическим развитием, промышленным освоением Урала и, главное, оформлением и дальнейшим укреплением абсолютизма христианизация приобретает политическую окраску и становится неотъемлемой частью внутренней политики самодержавия. Православие призвано было сплотить русский народ, объединить его вокруг монархии, окруженной ореолом Божественности. Государственная идеология провозглашала не русский народ православным, а весь православный народ – русским.

В разных районах Урала христианизация проходила по-разному.

Успешно процесс христианизации шел в местах расселения язычников. Законодательство предусматривало материальное вознаграждение добровольно крестившимся язычникам (новокрещенам) в виде рубахи, медного

крестика, хлеба и т.д. Широко использовалась система предоставления льгот и привилегий для принявших крещение «инородцев». До 20-х гг. XVIII в. с новокрещенцов снимались недоимки по ясашным (ясак - натуральный налог с народов Урала и Сибири, главным образом в виде пушнины) платежам. По указу Сената от 1 сентября 1720 г. крестившимся было велено давать льготы на 3 года на все государственные сборы. По истечении 3-х летнего льготного срока новокрещенные снова должны были вносить ясак, но при этом освобождались от других сборов и подводной (подвода – телега с лошастью, предоставляемая жителями для проезда государственным служащим) повинности. В 1747 г. срок льготы уменьшился до 1 года, но уже к 1751 г. вернулись к прежнему порядку (закон действовал до 1763 г.) До 1766 г. новокрещенные имели также право на некоторые судебные льготы. Так, по указу от 31 мая 1760 г. разрешалось вызывать новокрещенных в судебные места только после «сношения с определенным к защите их чиновником», рассматривать свои «внутренние дела» с помощью выборных людей «из их же сословия, знающими русский язык», и «никому никаким образом те между новокрещенными разборы не вступаться, кроме новокрещенских дел командира и его подчиненных...».

В указе подчеркивалось: «никому никаких обид и притеснений и озлоблений отнюдь не чинить, но всякую милость и благодать показывать».

Правительством высказывалось

пожелание, чтобы дела, связанные с новокрещенными (в случае, если они не виновны), решались без волокиты. Воевод и губернаторов центральные власти предупреждали, что если они будут поступать «несправедливо и продолжительно», то будут платить штраф.

Отправляющимся заниматься миссионерской деятельностью священникам предписывалось склонять к православию исключительно мирным путем (посредством уговоров, сохраняя выдержку и спокойствие). В законодательстве подчеркивалось стремление самодержавия урегулировать возникающие на религиозной почве конфликты мирным путем (силу разрешалось применять только после второй неудачной попытки крестить аборигенов).

Однако, в ходе христианизации язычников Урала применялись и насильственные способы. Эксцессы возникали на почве непонимания правительством культуры местных народов, а также - вследствие устойчивого проведения им политики абсолютизма.

Принудительные меры исходили (в большинстве случаев) от малообразованных чиновников на местах, которыми обращение в христианство понималось как приказание креститься. Способом принудительного крещения стало и разорение некрестившихся инородцев вследствие переложения на них подати за новокрещенных.

Новокрещенных, кстати, селили отдельно от их соплеменников, пребывающих по-прежнему в язычестве. Принявшим христианство предъявлялись также требования и к личной жизни. Отныне, чтобы жить в браке, представители коренных народов должны были получить благословение Церкви. Заключение браков между православными и иноверцами не разрешалось. Все это делалось в целях предотвращения влияния языческой

утверждения их в истинной вере.

К середине XVIII в. основная масса удмуртов, марийцев, мордвы была обращена в христианство. Крещена была и значительная часть хантов и манси.

Но из ненцев в XVIII в. в православие обратились лишь единицы. В отношении кочевых народов правительство всегда действовало с еще большей осторожностью, т.к. в случае их недовольства они могли откочевать в труднодоступные места, выйдя тем самым не только из духовного, но и из фискального поля зрения центра. В 1789 г. постановлением Сената деятельность миссионеров на Северном Урале, как и во всей России, вообще была свернута. Причиной послужили волнения среди европейских ненцев, вызванные разнесшимся в их среде слухом о желании правительства насильно их крестить. Только в 1820-х годах церковь возобновляет православную проповедь среди язычников.

«Желая умножить способы к распространению и утверждению христианства», Синод в 1828 г. предложил учредить в Тобольской епархии особых миссионеров. Для первого опыта проповеди в Бийский округ Томской губернии был отправлен архимандрит Макарий. Деятельность его имела «необширные, но добрые успехи» (дело в том, что Макарий делал ставку больше на основательность обращений). Другой миссионерский опыт был в Березовском округе Тобольской губернии. Но, после крещения 17 хантов и ненцев на иеромонаха Макария стали поступать жалобы на принудительное крещение. Синод вынужден был отозвать этого Макария и, учитывая трудности, возникающие при крещении кочующих хантов и ненцев, постановил особой миссии у них не учреждать, а только иметь приходского священника, «который назидательною жизнью и обращением старался бы привлечь к себе инородцев». Для «остяцких детей» предлагалось создать училище, в

Божьему и русскому языку, чтобы в будущем служить переводчиками для миссионеров и «помощниками в деле миссии».

Гораздо большими трудностями и разнообразием методов отличалось решение религиозного вопроса в отношении мусульман. Большая их часть проживала в Башкирии и была представлена коренным народом этого края. Башкиры исповедовали ислам суннитского толка.

Самодержавие в XVIII в. продолжало политическую линию, закрепленную еще в Соборном Уложении 1649 г., на борьбу с распространением ислама. Так, в указе от 12 сентября 1728 г. говорится: «...А ежели явятся такие магометане или другие иноверцы, которые тайно или явно кого из Российских народов в свою веру превратят и обрежут, таких брать и розыскивать и по розыску чинить указ по Уложению 22 главы 24 статьи, а именно: казнить смертью, сжечь без всякого милосердия». В законодательстве говорится о преследовании мусульман, проповедующих свою религию. Призывов к организации гонений на людей, исповедующих ислам (как и вообще другую неправославную религию) нет. Конфликты с исламом объясняются тем, что эта религия так же как и православие, является мировой религией. Элемент проповеди, расширения круга верующих занимал здесь не менее важное место, что в христианстве. А в этом случае власть российских монархов, опиравшихся на православную идеологию, усилиться не могла.

В 1704 г. властями была предпринята попытка напрямую вмешаться в религиозную жизнь башкир. Башкирам было приказано строить мечети по образцу православных церквей, а религиозные обряды приблизить к православным. При совершении обряда наряду с муллой должен был присутствовать и православный священник. Особой податью было

недовольство башкирского населения, которое вылилось в восстание 1704-1711 гг. Это событие заставило правительство пересмотреть свою политику по вопросу христианизации башкир.

Заставить башкирскую знать креститься экономическими мерами (угрозой лишить поместий, как это практиковалось в отношении татарских мурз) было нельзя, т.к. в Башкирии существовало волостное землевладение, предполагавшее только общинное владение и распоряжение землей. Поэтому, самодержавие начинает использовать экономические рычаги в целях крестить пришлое небашкирское население региона. Расчет был на тесные экономические и культурные связи, существовавшие между припущенниками (пришедшие из других мест в Башкирию крестьяне (в т.ч. татары-мусульмане) и допущенные башкирами к земле на определенных условиях.) и башкирами, благодаря чему можно было добиться ослабления ислама в крае.

Параллельно с этими мероприятиями в крае предпринимались попытки организовать школы для детей новокрещенцев в целях подготовки миссионерских кадров. Такие школы широкого распространения не получили и цель их создания достигнута не была.

Попытки христианизации населения Башкирии путем экономического давления (законы 1713, 1714 гг, а также указы, предоставляющие вознаграждение для рядовых сходцев) на пришлый элемент также оказались безуспешными.

В конце 20-30-х гг. издаются указы, подтверждающие запрет на проповедь ислама, которая, несмотря на все предыдущие распоряжения, продолжалась.

Вехой в истории разрешения религиозного вопроса на Урале (да и во всей России) стало создание в г.Казани «Новокрещенской конторы» (11 сентября 1740 г.). Отделение «Конторы

обложено все мусульманское духовенство. Эти распоряжения вызвали ПОЛИКЛИНИКА	новокрещенских дел» на Урале располагалось в г.Уфе. Задачей Конторы
была христианизация языческого и мусульманского населения Урала. Если при Петре I процедура крещения была связана со сложной обрядностью и изучением православной веры, то с 1740 г. начинается этап массового крещения нерусских народов, не требующий усвоения религиозных догм.	
Самодержавие старалось разрешить всяческие конфликты, возникающие на религиозной почве во время христианизации и для этого 12 ноября 1751 г. была создана «Комиссия об иноверцах для разбирательства духовных дел».	
В среде башкирского населения христианизация успеха опять не возымела (как и среди татар). Причины заключались в отдаленности края от основных центров христианизации и в невозможности использования экономических методов воздействия на башкир. Восстание Батырши 1755 г. заставило российское правительство еще раз пересмотреть религиозную политику в отношении мусульманского населения страны. Так, если раньше по указу от 28 сентября 1743 г. всех мусульман, живущих в одной деревне с новокрещенцами, велено было переселять к единоверцам, то, уже по закону от 23 августа 1756 г. постановили, что если новокрещенных больше 0,1 населения всей деревни – переселяются иноверцы, если их меньше или равно 0,1, то выселяют новокрещенцов. В последнем случае мусульманам разрешалось строить мечети при условии, что на одну мечеть будет приходиться не менее 200-300 душ.	проповедники, которые, как и их предшественники, злоупотребляли своими полномочиями. Потребовалась Крестьянская война 1773-75 гг., чтобы произошли качественные изменения в религиозной политике самодержавия. Активное участие в крестьянской войне 1773-75 гг. мусульманских народов России показало значимость исламского фактора для Российской империи. В 1788 г. правительство Екатерины II легализует деятельность мусульманской общины страны – в г. Уфе открывается Духовное Собрание магометан России, во главе которого был поставлен муфтий Джанмухаммет Гусейнов. Этой мерой самодержавие стремилось сделать подконтрольным себе мусульманское духовенство, поставив его себе на службу. Духовное Собрание являлось государственным учреждением, а его руководство – чиновниками, получавшими большое жалованье за свою работу (Гусейнову было назначено жалование 1500 руб. в год; заседающим с ним 2-3 муллам – по 120 руб. в год).
В 1763 г. была ликвидирована «новокрещенская контора». Вместо нее вопросами крещения стали заниматься	Поводом для создания этого ведомства стала русско-турецкая война, в ходе которой возникла опасность поддержки башкирами (и всем мусульманским населением) своих единоверцев-турок. Создание государственной мусульманской организации стало новым этапом в религиозной политике самодержавия, вывело его на качественно новый уровень взаимоотношения с мусульманскими народами. От запретов на распространение ислама была предпринята попытка использования его для укрепления абсолютизма в России.

Кадетский рецепт гражданского общества

Н.А. Масалова

Предметом нашего анализа является концепция гражданского общества в идеологии кадетской партии. Особенность такого подхода и актуальность подобного исследования в том, что рассматривается либеральный способ объяснения действий власти в условиях, когда государственная власть традиционно склонна к авторитаризму или, другими словами, в условиях «мнимого конституционализма».

Прежде чем рассматривать особенности российской концепции гражданского общества, необходимо обозначить позицию политической науки в отношении содержания классической концепции гражданского общества и ее развития.

Итак, каким образом можно описать основные принципы концепции гражданского общества?

1. Исходным моментом концепции гражданского общества является «стремление определить общество исходя из человека». В политической теории и практике это стремление, на наш взгляд, определило две проблемы. Во-первых, исходя из установки на приоритет личности, необходимо определить, что такое гражданское общество. Во-вторых, что касается сферы политического, то именно личность наряду с государством становится носителем суверенитета, а гражданское общество тем понятием, с помощью которого определяется

гражданского общества (хотя, безусловно, «общая воля» не сводима механически к воле всех). Наиболее логично и законченно этот тезис выражен в утилитаризме И. Бентама. Его формула «наибольшее счастье наибольшего количества людей» стала определяющим мотивом деятельности государства в концепции либерализма. Таким образом определялся статус государства в классическом либеральном учении. По словам Дьюи, И. Бентам создал также либеральный способ оценки действий власти – «обычаи, институты, законы, социальные устройства должны оцениваться исходя из тех последствий, которые они имеют для составляющих общество индивидов».

2. Проблема взаимоотношения гражданского общества и государства.

Этот вопрос становится центральным в случае, если речь идет не о правовой деятельности государства, а о политической практике государства. Поэтому, на наш взгляд, теоретическое исследование этого вопроса либеральными теоретиками представляет собой своеобразный ответ и запрос общества на то, какие действия государственной власти будут считаться правомерными. Естественно, в таком рассуждении есть некоторое логическое несоответствие – мнение ученого или даже целой научной школы нельзя отождествлять с волей общества, но этого и не происходит.

«общая воля». Эта «общая воля» не должна быть противоположна воле личности как главного элемента

ПОЛИКЛИНИКА

государства и общества на этот «запрос» есть уже выражение намерения, говорящее о том, чья воля – государства, общества, политической элиты, класса и т.д., – будет трактоваться как политически значимая при решении задач государственного характера, и к какому методу коллективного разума или произвола склоняется общество или государство.

Если вспомнить, что концепция гражданского общества – это система аргументов, подчиненная определенной политической цели, то можно сказать, что в начале XX в. из концепции гражданского общества появилась еще одна определяющая задача – не только защита от произвола государства, но и обеспечение единства государства и общества с целью избежать непереносимого обострения социального конфликта в самом гражданском обществе.

В центре концепции гражданского общества в связи с ее модернизацией оказался вопрос о новой модели взаимоотношения гражданского общества и государства. Теперь государство стало рассматриваться не только как институт, функции и деятельность которого ограничены общественным договором. Государство теперь более свободно в реализации своей воли, если его действия соответствуют представлениям общества о естественности и цивилизованности.

Классическая либеральная концепция исходит из идеи негативной свободы и механизм реализации этой свободы был вполне теоретически разработан в теории разделения властей Дж. Локка, в теориях Б. Констана и И. Бенгтама с их идеей конституционного закрепления гражданской свободы.

В начале XX в. утверждающаяся идея

Любая политическая теоретическая позиция, высказанная публично – это своеобразный канал воздействия на власть, то есть это запрос власти к обществу тоже. Любая реакция

общества и государства. Это стало приоритетной теоретической проблемой либерализма, в том числе и российского. Либерализм же как общественно-политическое движение в России столкнулся с необходимостью модернизации страны, особо следует отметить, что речь идет о модернизации самодержавной монархии. Таким образом, на наш взгляд, политическая задача российских либералов в сфере публичной политики оказалась уже, чем та, которую ставил перед собой либерализм в сфере политической науки.

Именно это, возможно, является причиной историографической традиции в исторической и политической науке, согласно которой либерализм, в том числе и концепция гражданского общества, разработанная кадетскими либералами, оказался невостребованным российским обществом, как сила, неспособная справиться с задачей модернизации страны.

Проблемы проведения реформ в государстве также являются частью концепции гражданского общества, так как подобные концепции всегда рассматривают вопрос об общественном развитии и роли гражданского общества и государства в этом процессе.

Понятно, что одной воли гражданского общества недостаточно для смены политического режима или для кардинального реформирования государства. Что касается процесса смены власти, то его очень трудно объяснить с точки зрения идеалов гражданского общества. Т. Гоббс, например, полагал, что ситуация, которая влечет за собой смену правителя волей народа возможна, только если монарх нарушает общественный договор и, кроме того, это не является незаконным, так как

позитивной свободы требовала другого механизма реализации, другой трактовки общественного договора. Причем изменения требовал как правовой, так и политический аспект концепции взаимоотношений гражданского

ПОЛИКЛИНИКА

Революция находится за пределами системы ценностей и средств гражданского общества. Отсюда возникает вопрос: каким же образом возможно проявление воли гражданского общества? Это тем более важно, что сама концепция исходит из принципа суверенитета народа.

С точки зрения теории либерализма, государство может оказывать на гражданское общество такое воздействие, которое делает отношения между гражданами более цивилизованными и само управление соответственно тоже. Все это в пределах общественного договора. Постепенно в политической и правовой науке утверждается идея правового государства. В этом государстве право есть главный механизм урегулирования отношений между обществом и государством. Идея естественных прав личности надежно защищала и защищает до сих пор интересы граждан от произвола государства.

Однако данное объяснение не исчерпывает проблему проявления воли гражданского общества. Ведь общую волю и интересы граждан нельзя свести только к потребности защиты естественных прав. В политической науке не существует универсального ответа на вопрос о выявлении воли гражданского общества. Вернее говоря, ответов много. Таким ответом можно считать и теорию заинтересованности групп и предпринятую любым автором попытку построить концепцию гражданского общества, так как в ее рамках ставится вопрос о том, что такое гражданское общество, как оно функционирует, и в чем его роль в сфере публичной политики.

Представители кадетского либерализма также рассматривали эту

означает возврат в естественное состояние.

Исходя из этого, гражданское состояние как бы не распространяется на ситуации, в которых происходит прямое проявление суверенитета народа.

проблему значения действий гражданского общества, наверное, можно считать способом объяснения действий авторитарного государства или методом критики этих действий с точки зрения либерализма начала XX в.

Действия и теории российских либералов, а особенно деятелей кадетской партии, традиционно считаются западными, то есть нероссийскими, заимствованными. Исследование этих действий и теорий, на наш взгляд, можно считать важным, так как они являются одним из факторов национального развития Российского государства.

В современной российской политической науке ученые уже не ограничиваются простой констатацией этого факта и его оценкой. Например, А.Н. Медушевский, исследуя конституционный процесс нового времени, повлиял на модель механизма власти, зафиксированную в Конституциях Германии, России начала XX в. и ставит задачу выявить специфику мнимого конституционализма как явления мировой политической культуры переходного периода.

Таким образом, в соответствии с позицией современной политической науки, исследование концепции гражданского общества кадетского либерализма вполне возможно по следующим направлениям:

1. Определение личности в теориях кадетских либералов и соответствующая этому трактовка государственного и общественного устройства. В рамках этой сюжетной линии можно поставить следующую задачу – проанализировать подход представителей кадетского либерализма к проблеме статуса государства в обществе, и попытаться выделить их основной способ оценки

проблему, в большей степени, на наш взгляд, П.Н. Милюков и П.И. Новгородцев.

В очередной раз нельзя не вспомнить о том, что кадетские либералы жили и работали в условиях авторитарного режима и их взгляд на

ПОЛИКЛИНИКА

рассматривал этот вопрос в рамках проблемы соотношения нравственности и права в действиях государства. Рассмотрение этой проблемы позволит понять каково отношение теоретиков кадетского либерализма к процессу реформирования государства.

1. Проблема выявления воли и

действий власти.

2. Проблема вмешательства государства в сферу гражданского общества и ее эволюция в теориях представителей нового либерализма. Российский новый либерализм

интересов гражданского общества и определение его роли в политическом процессе. Исследование данного вопроса, на наш взгляд, даст возможность выявления того, каким, по мнению кадетских либералов, должен быть ожидаемый и состоятельный способ действия государственной власти.

Продолжение – в следующем выпуске ►►

Томография радикализма

О.Ф. Русакова

Политический радикализм (от лат. radicalis - коренной) в самом общем плане можно определить как идеологическую, духовно-психологическую и практическую ориентацию социальных субъектов на коренное и решительное преобразование общественной жизни.

Как идеология политический радикализм выступает в форме определенной системы взглядов (идеалы, императивы, принципы, теории, концепции, программные установки и положения), характеризуемых резко критическим отношением к действительности вплоть до ее полного неприятия (нигилизм) и ориентации на принципиально иной тип и способ общественного жизнеустройства.

В духовно-психологическом плане политический радикализм представляет собой ментальность (образ мысли,

и чувств на идейной доминанте, что проявляется в форме фанатизма, догматизма; нетерпеливость, желание ускорить ход времени, преодолеть одним махом преграды на пути к вожаемой цели.

Психологический спектр политического радикализма очень широк – от социального скептицизма и пессимизма до бурного преобразовательного активизма, готовности к штурму существующих социальных институтов и сложившегося миропорядка. Поэтому в рядах радикалов оказываются как апокалиптики – крайние алармисты, устрещающие концом света и адскими карами за всевозможные грехи общества, так и пассионарии – социальные оптимисты, «штурманы неба», воодушевленные идеей светлого будущего, напрягающие всю свою волю и энергию на осуществление грандиозных планов.

мировосприятие, мироощущение) особого рода, для которой характерны: инверсионность (резкий переход от одних настроений и чувствований к другим, часто совершенно противоположным); импульсивность; высокое духовное напряжение, связанное с концентрацией всех мыслей

ПОЛИКЛИНИКА

оппозиционно - конфронтационной практике и радикал-реформистской практике властвующей элиты.

В своей политической практике радикал-оппозиционеры используют широкий спектр методов политического давления на власть - от популистских риторических приемов до актов гражданского неповиновения, прямых действий, восстаний, партизанской войны, экспроприаций и т.п.

Властвующие радикал-реформисты практикуют «революции сверху», аппаратные, классовые и этнические чистки, секуляризации и т.п., мобилизуя административно-бюрократические ресурсы для проведения радикальных реформ и масштабных кампаний в их поддержку.

Нередко оппозиционный и властвующий радикализм перерастает в политический экстремизм. На сегодняшний день в политологической литературе понятия «политический радикализм» и «политический экстремизм» содержательно не дифференцированы.

Нам представляется, что *политический экстремизм – это фаза высшего эмоционально-практического накала политического радикализма, его перехода в зону «беспредела» в гуманитарном и правовом смысле.*

Политический экстремизм характеризуется следующими основными чертами:

- правовой нигилизм и антиконституционализм;
- действие по принципу «цель оправдывает средства»;
- применение крайних методов физического и духовного политического насилия (террор,

В практическом плане политический радикализм проявляется в разных формах и способах политического поведения в зависимости от того, обладают ли его субъекты реальными рычагами политической власти. В этой связи можно говорить о двух типах радикально-политических практик:

- неспособность к толерантности или ее сознательное игнорирование.

Экстремизм в организационном плане представляет собой ультрарадикальные военизированные формирования, построенные по принципу жесткого централизма и вождизма.

Политический экстремизм в масштабах страны может иметь как прогосударственный, так и сепаратистско-националистический характер.

Прогосударственный экстремизм активно эксплуатирует идеи патриотизма, национализма и сильного государства. Он связан с созданием организаций, мобилизуемых государством на широкомасштабные репрессивные действия против неугодных граждан, общественно-политических организаций, социальных слоев, этнических и религиозных групп. Представителями такого рода экстремистских формирований являются черносотенцы в России, чернорубашечники в Италии, штурмовики в Германии, хунвэйбины в Китае, полпотовцы в Камбодже, «контрас» на Кубе.

Сепаратистско-националистический экстремизм опирается на идеи национального самоопределения, конфессионального единства, этноцентризма. Объектами его ненависти являются центральные органы власти, политический истеблишмент и представители государственнообразующей нации.

Сепаратистско-националистический экстремизм часто является причиной затяжных и разрушительных политико-этнических конфликтов (Северная

вооруженные действия, репрессии, ликвидация демократических институтов, геноцид и т.п.);

- фанатизм, одержимость в стремлении навязать обществу свои принципы и «правила игры»;
- опора на предрассудки, мифологические и эзотерические представления;

ПОЛИКЛИНИКА

свести к следующим моментам:

- превращение экстремистских группировок во влиятельные структуры политической жизни;
- многообразие форм деятельности;
- использование новейших технических достижений, средств массового поражения (компоненты химического, бактериологического оружия, радиоактивные материалы и др.);
- стремление добиться общественного резонанса посредством применения современных информационных технологий;
- ресурсная взаимосвязанность экстремистских сообществ в международном масштабе.

Радикальные практики различаются между собой по масштабности планируемых и проводимых преобразований. С учетом этого можно говорить о *тотальном радикализме* и *селективном радикализме*.

Тотальный радикализм нацелен на решительную трансформацию всей общественной системы – от экономической и политической сфер до социокультурного жизнеустройства.

Тотальный радикализм выступает определенным ответом общественных сил на цивилизационные и глобальные вызовы. Его время приходится на исторически-ответственные моменты, когда общество оказывается в глубоком системном кризисе, а общественная мысль бьется над решением судьбоносного вопроса о выборе пути дальнейшего цивилизационного развития. При этом периоды идеологического вызревания и практического осуществления идей тотального радикализма могут быть

Ирландия, Югославия, Карабах, Приднестровье, Абхазия, Чечня и др.).

В международном плане политический экстремизм выступает под знаменами экспансионизма – завоевание мирового господства, мировая революция, «новый мировой порядок».

Современный экстремизм имеет свои особенности, которые кратко можно

серия неудачных попыток ее практической реализации (1905-1907 гг. и весна-лето 1917 г.). Последняя, более или менее удавшаяся попытка воплощения на практике уже существенно откорректированной модели конституционно-демократического пути российской модернизации была предпринята в начале 90-х гг. XX в.

Селективный радикализм ориентируется на проведение качественных структурных преобразований в какой-то одной конкретной области общественной жизни, которые не приводят к нарушению гомеостатического социального равновесия. Примерами селективного радикализма могут быть радикальные по методологической и организационно-практической новизне реформы в сфере образования, в деятельности социальных служб (существует термин «радикальная социальная служба», обозначающий попытки достичь фундаментальной переориентации практики социальной сферы).

Другими примерами селективного радикализма являются альтернативные течения в общественных движениях: «радикальный феминизм», «экологический радикализм» и др., в искусстве («радикальный театр» и др.), в рекламном деле («радикальная реклама», «черный PR») и т.д.

В целом тотальный и селективный радикализм являются определенным барометром самочувствия общества, показателем его социального и духовного неблагополучия. Политический радикализм широко распространен в неустойчивых и

значительно растянуты во времени и приходится на деятельность различных поколений радикалов. Например, радикальная идея модернизации России на базе республиканского конституционно-демократического строя, возникшая еще в недрах декабризма в начале XIX в., разрабатывалась на протяжении целого столетия и только в начале следующего века последовала

ПОЛИКЛИНИКА

правого континуума, спектр которого обозначается триадой «левый фланг – центр – правый фланг», радикализм располагается на его крайних полюсах. Соответственно принято выделять левый и правый радикализм.

Деление политических группировок на левые и правые возникла со времен Французской революции (1789-1794), когда за депутатами Генеральных штатов, поддерживавших короля и сидевших справа от него, закрепилось понятие «правые», а за его противниками, сидевшими слева – «левые».

С тех пор основными критериями деления политических сил на левые и правые стало их отношение к проблеме социального равенства и к выбору вектора социального развития. Считается, что левые являются защитниками обездоленных слоев общества, сторонниками социального и политического равенства, выравнивания уровней жизни населения. Для левых вектор социального развития устремлен в сторону утверждения социального государства, обеспечивающего достойную жизнь всем гражданам, а не только избранному меньшинству.

К правым силам относят противников равенства, защитников иерархической организации общества и привилегированных групп, сторонников идеи естественного деления общества на аристократию и массы, высшие и низшие сословия, классы, народы. Для правых вектор социального развития направлен в сторону усиления общественной дифференциации.

Центристами называют обычно тех,

конфликтных обществах, выступает зеркалом психологического дискомфорта и девиационного настроения определенных слоев населения. В стабильном обществе радикализм находится на периферии политической жизни, не имеет большого влияния на мировосприятие и поведение граждан.

На политической карте общественной жизни, представленной в виде лево-

политической системы проявляется в постоянном действии внутри нее центробежной и центростремительной сил. Нередко те группировки, которые располагаются дальше других от центра, переходят на центристские позиции, а те, что были в центре, перемещаются на периферию.

В то же время история конфигурации политических сил демонстрирует существование устойчивого набора черт, характеризующих ту или иную форму проявления умеренно левой и умеренно правой политической ориентации. Умеренно левая политическая ориентация в настоящее время ассоциируется с социал-демократизмом, социал-реформизмом, народным капитализмом и др. К умеренно правой политической ориентации обычно относят либерал-демократизм, либерал-консерватизм, христианский демократизм и др.

С точки зрения умеренного, «спокойного» политического мировосприятия любой радикализм – это проявление воспаленного, «больного» сознания. Симптомами «болезни» являются следующие черты радикалистской ментальности:

- манихейское деление общества на непримиримые враждебные силы, на «своих» и «чужих»;
- упорный поиск врагов и виновников социальных невзгод;
- идеализация собственных лидеров и вождей;
- «борьбизм», настрой на сокрушительный отпор врагам;
- идейная одержимость и максимализм;
- готовность к жертвоприношениям (на

кто пытается достичь некоторого политического согласия между левыми и правыми, предлагая компромиссные политические программы и стратегии. Однако в рядах самих центристов выделяют левый центр и правый центр. В зависимости от того, в какую сторону политического спектра больше всего склоняется подвижный маятник центристского компромисса.

Подвижность и динамика партийно

ПОЛИКЛИНИКА

временных союзов левых и правых радикалов, а также для появления синтетических «лево-правых» форм радикализма, например, национал-большевизма.

В то же время лево-радикальный и право-радикальный типы сознания имеют свои видовые особенности. Леворадикальное сознание своеобразно соединяет в себе черты псевдодемократизма и тоталитаризма. Его неизменной мифологемой является «народовластие» или народоправство. Левый радикал, воодушевленный идеей социального равенства, готов пожертвовать национальными интересами и государственной целостностью. Этим он принципиально отличается от правого радикала, для которого государственная целостность и порядок, опирающиеся на сильную национальную идею, выступают главными политическими ценностями.

Если для левого радикала вопросы демократии стоят выше национального вопроса, то для правого радикала национальный вопрос превыше всего. Левые радикалы – интернационалисты по духу, правые же одержимы национальной идеей. В этом смысле российские демократы, поддержавшие линию Б.Н. Ельцина на разрушение советской системы в конце 80-х - начале 90-х годов, по типу своего сознания были близки к левым радикалам, поскольку оправдывали разрушение целостности страны необходимостью проведения широких демократических преобразований.

Идейным ядром праворадикального

жертвенный алтарь кладутся как свои, так и чужие головы) во имя светлого будущего;

- поиск панацеи, универсального средства решения сложных социальных проблем;
- тоталитарный стиль мышления.

Общие, родовые черты радикалистского сознания служат духовно-психологической базой для

гарант национальной мощи и государственной целостности.

Во второй половине XX в. у левого и правого радикализма стали выкристаллизовываться свои базовые *дискурсивно-идеологические комплексы*, представляющие собой динамичный и пестрый по характеру набор парадигмальных идей, теоретических конструкторов, концепций, идеологем, понятий, логических образов, риторических фигур и метафор.

Процесс складывания *дискурсивно-идеологического комплекса современного левого радикализма* приходится на период 50-60-х гг. XX в., когда в странах Запада возникает движение «новых левых», а в «третьем мире» нарастает волна антиимпериалистической борьбы, знаменем которой стала победоносная Кубинская революция. В этот период наступает первый крупный кризис внутри международного коммунистического движения, связанный с разоблачениями преступлений сталинизма, с волнениями в Венгрии (1956) и разрывом отношений между компартиями Китая и СССР.

В состав дискурсивно-идеологического комплекса левых радикалов вошли теоретические построения представителей Франкфуртской школы (Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер, Ю. Хабермас и др.), философии экзистенциализма (Ж.-П. Сартр, А. Камю); социологическая концепция «инертного общества» Ч.Р. Миллса; психоаналитические разработки Э. Фромма; концепция капиталистического отчуждения К. Маркса; идея

сознания является триада «нация – государство – вера». Нация – это избранный народ, который, чтобы сохранить свой генотип и творческий потенциал, должен бороться за свою этническую чистоту, независимость и самостоятельность против «враждебных» сил. Государство – это новый порядок, устанавливающий справедливое неравенство в пользу избранного народа. Вера – это духовная опора нации, ее интегративное ядро,

ПОЛИКЛИНИКА

они разрушают миф о стабильности и бесконфликтности индустриального общества, о его гуманистическом и демократическом характере; деконструируют дискурсы «общества всеобщего благоденствия», «научно-технического прогресса», «парламентской демократии»; дезавуируют авторитарно-манипулятивный и репрессивный характер управленческих структур, партийно-политических институтов и СМИ; стимулируют поиск альтернативных моделей демократии, новых теорий гуманистической социальной революции.

Возникшие в конце XX в. структурно-содержательные изменения в дискурсивно-идеологическом комплексе левого радикализма, напрямую связаны с новой геополитической ситуацией в мире – распадом СССР и Восточного блока, исчезновением биполярного мира, стремлением западных держав и прежде всего США установить новый мировой порядок. Глобалистические тенденции, имеющие своей оборотной стороной наступление нового этапа дискриминации стран, не принадлежащих к «золотому миллиарду» постиндустриального мира, вызывают сегодня к жизни новую волну леворадикального протеста. Признаками ее приближения являются массовые выступления антиглобалистов против западного гегемонизма и тоталитаризма.

Антиглобализм «новейших левых» находит свое идейное обоснование в

партизанской войны Мао Цзедуна, Че Гевары, Р. Дебре; идеи анархизма (М. Бакунин, П. Кропоткин, Ж. Сорель и др.); концепции контркультуры (Ч. Рейч, Т. Роззак); теория перманентной революции Л. Троцкого; структуралистская концепция власти М. Фуко и др.

При всей своей идейной разнородности и системной несвязанности компоненты дискурсивно-идеологического комплекса левого радикализма имеют общеродовые черты:

омассовления человека, концепция «симулякров», демонстрирующие искусственный, иллюзорный характер способов бытия постиндустриальной цивилизации. Выявление репрессивного характера современной лексики и социально-политических практик является продолжением традиции радикальной критики общества «новыми левыми» 60-х гг., актуализацией духовной потребности радикального прорыва из виртуальной реальности к миру подлинной и свободной жизни. Последняя интенция новейшего леворадикального сознания, возможно, приведет к своеобразному ренессансу марксистской критики буржуазного общества, а именно той ее части, где рассматривается вопрос о путях преодоления отчуждения.

Эволюция политического радикализма во второй половине XX в. свидетельствует о существовании некой цикличности в доминировании то левого, то правого радикализма. Так, например, если в 60-70-х гг. в общественном сознании явно преобладали леворадикальные идеи, то в 80-е и особенно в 90-е гг. наблюдается усиление праворадикальной идеологии. Современный праворадикальный протест обращен главным образом против модернизационных процессов, которые приводят к ослаблению национально-этнических, конфессиональных, идеологических связей и государственной целостности.

Дискурсивно-идеологический

различных концепциях плюрализма мира и прежде всего – в теоретических конструкциях постмодернизма. Постмодернистская парадигма в настоящее время выступает структурнообразующим стержнем дискурсивно-идеологического комплекса современного леворадикального сознания. В его нынешнем арсенале – постмодернистские теории Ж.-П. Лиотара, Ж. Бодрийяра, Ф. Джеймсона и др.

Постмодернистские исследования информационных технологий

ПОЛИКЛИНИКА

- комиссия и другие международные организации, выступающие с позиции глобализма (журнал «Элементы», А.Дугин, неоевразийцы);
- школа исторического ревизионизма (А. Буц, Ф. Леухтер, П. Видал-Нагуэта, Д. Ирвинг, Э. Зандель и др.), делающая попытки отрицать преступления, совершенные нацистским режимом в годы Второй Мировой войны. Основная организация исторических ревизионистов – Институт исторического обзора (США, Калифорния);
 - концепция «третьего пути» как теория национальной революции, провозглашаемая идеологами праворадикальных организаций «интернациональный третий путь» (Германия), «радикальные действия» (Испания) и др.;

комплекс современного правового радикализма образован из нескольких основных составляющих:

- идея «консервативной революции» (Э.Ю. Юнг, А. Меллер, Э. Юнгер, А. Пфаль-Траубер и др.);
- концепция тотального государства, тотальной войны и тотального врага К. Шмитта;
- концепция сионистского и мондиалистского заговора или проекта «мирового правительства», вдохновителями которого считаются Римский клуб, Трехсторонняя

- идеи великодержавного реваншизма («Третий Рейх», «Третий Рим» и т.д.);
- фундаменталистские идеи мировой христианизации, исламизации, иудаизации и т.п.
- идея джихада, вызывающая к общности крови, к этническому апартеиду; этнопопулизм, выступающий за очищение страны от этнически чуждых элементов – эмигрантов из «бедных» стран, «цветных», некоренных жителей, не принадлежащих к титульной нации; типичный дискурс этнопопулизма: «французская Франция», «Германия для германцев», «Бельгия для бельгийцев» и т.п.

Такова общая томография метастаз радикализма в дискурсивно-идеологическом измерении.

Диагноз нашего времени и перспективы лечения российского общества умеренными дозами социального государства.

Л.Б. Гапоненко

Переход от индустриального к постиндустриальному обществу постсоветскими государствами, с рухнувшей финансовой системой при продолжавшем находиться в обращении

сопровождается изменениями в социальной сфере. Надвигающееся постиндустриальное общество несёт груз острых социальных проблем, неравенства и нищеты, что актуально для развитых стран, а также находящихся в переходном периоде постсоциалистических стран и стран третьего мира. Российское общество, выделившееся из СССР в искусственных границах Российской Федерации с результате беловежских соглашений 1991 года с самого начала находилось в крайне неустойчивом состоянии - при открытых границах с другими

ПОЛИКЛИНИКА

единиц, федерация стала фактически превращаться в конфедерацию. Криминализация пронизала все звенья хозяйства и госаппарата, в теневую экономику уводятся по официальным данным 25 % ВВП; в то время как урезаются статьи бюджета на социальные нужды и инвестиции в производство. За десять лет промышленное производство сократилось в два раза, а в наукоёмких отраслях, определяющих технический прогресс и место страны в мире, - в десятки раз. В социальных отношениях во всё возрастающей степени стала проявляться социальная поляризация. Становится ясно, что без социальной поддержки государства население обречено на длительную и мучительную агонию. Россия переживает подлинную демографическую катастрофу. Зафиксировав диагноз, постараемся выписать необходимые средства для выздоровления социального организма.

Курс социально-экономической политики либертарианского толка не имеет ничего общего с современным либерализмом, который в теории и на практике исходит из государственного регулирования экономики. Особенно государственное регулирование с элементами планирования необходимо в условиях всеохватывающего кризиса, в котором находится Россия. Мы опять приходим к осмыслению идей, которые были всесторонне изучены российскими

советском рубле, при развале старой системы управления, стержнем которой был партийно-хозяйственный аппарат, скрепляемый партийными органами КПСС. Первоначальная неустойчивость сохранялась с известными колебаниями на протяжении десятилетия, причём состояние хаоса и произвола возрастало, поскольку фактически власть принадлежала олигархическим группам, которые боролись за влияние на элиту. В государственном устройстве получили преобладание центробежные силы, усилились сепаратистские тенденции, возросла замкнутость административных

главным звеном которой стали требования развития в стране правового государства, практического приложения к российской действительности достижений европейского социал-демократического движения. " Современный либерализм стремится продолжать принцип равенства в сторону уравнивания социальных условий жизни, но это открывает для государства такую сферу деятельности, которая по своим размерам и возможным последствиям резко отличается от политической практики ещё недавнего прошлого. (Новгородцев П. Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 340) Теоретики нового либерализма разрабатывали учение о правовом государстве, акцентировали вопрос о расширении границ государственных функций и их социальной направленности, поэтому его часто называли социальным либерализмом. Новый либерализм выдвинул принцип социализации государства, которая понималась не как расширение сферы политической власти (распространение принципа политического суверенитета на экономическую сферу), а как более высокая степень верховенства закона и соответственно как расширение сферы гарантируемых прав личности. Значительное влияние на такую интерпретацию права и функций государства оказала идея Вл. Соловьёва о " праве человека на

мыслителями в XIX веке.

В России в условиях политической реакции середины 90-х годов XIX века на стыке с демократическим движением, на пересечении с критикой "революционного" социализма появляется теория "нового либерализма". Неолиберальные теоретики выдвинули новое позитивное понимание свободы, означающее обязанность государства обеспечивать социально ориентированную политику, сглаживать социальное неравенство. Это придало либеральному направлению новую характеристику, оно почти сразу оформилось в социальную программу,

ПОЛИКЛИНИКА

принципом справедливости. Каждое лицо имеет право требовать от государства минимума социальных благ: получение образования, вспомоществования в случае старости, болезни, массовой безработицы. А государство, имеющимися в его арсенале средствами обязано гарантировать реализацию этого права - не только на уровне общества в целом, но и на уровне конкретной личности с учётом особенностей её индивидуального бытия. Абстрактное по форме право должно быть конкретным в своём осуществлении в системе правовых отношений. Главным из прав, на которые может притязать личность, "новые" либералы признавали право на достойное человеческое существование. Обеспечение этого условия рассматривалось как неотъемлемая функция государства, а не разовая благотворительная акция. Право на достойное существование выводилось из самооценности, которой обладает всякая личность, независимо от её заслуг.

Мысли, высказанные почти сто лет назад, являются более чем актуальными. Россия идёт по пути развития демократии, добилась определённых успехов в утверждении принципов политического либерализма (гласность, функционирующий парламент, основанный на народном представительстве конституционный суд, президентская власть), но

достойное существование" ("возможное благополучие") и его мысль о том, что общество, где личность становится орудием политических целей, противоречит идеалу человеческой общественности.

Главной идеей в интерпретации прав человека была идея обоснованности притязаний каждого человека по отношению к государству и соответствующих обязанностей государства по отношению к своим гражданам. Право на достойное существование выводимо из ценности личности, требование ответственности выборных органов обосновывается

граждан, нуждающихся в социальной поддержке, заметно выросло. В этих условиях значительно возрастает этическая составляющая теории социального государства. В рамках такого подхода социальное государство представляет собой государство, заботящееся об устранении или хотя бы смягчении социальных лишений и установлении в обществе социальной справедливости. Однако сложившаяся модель социальной политики в силу её крайней неэффективности едва ли может быть устойчивой в течение длительного времени. В случае продолжения экономической стагнации в России в течение последующих нескольких лет, скорее всего произойдет адаптация социальной политики и социального законодательства к более жёстким бюджетным ограничениям. Такая адаптация может происходить в рамках постепенного перехода к модели "субсидиарного государства". В ней усиливаются адресность социальных выплат и расширяются формальные соплатежи населения по ряду услуг здравоохранения и образования. Таким образом, социальная система России находится в точке неустойчивого равновесия, дальнейшая её реформа зависит от общего состояния российской экономики и перспектив экономического роста.

В России соблюдение социально-

осуществляемые социально-экономические преобразования не являются по содержанию и характеру социально ориентированными.

Одним из важнейших условий стабилизации российского государства и общества является активизация социально-регулятивных функций государства, творческое использование при этом своего собственного и зарубежного опыта. Решение этой задачи может стать центральным направлением утверждения в России социальной государственности и её благотворного влияния на ситуацию в стране в целом.

Вместе с тем, количество

ПОЛИКЛИНИКА

партнёрству. Современная ситуация в России такова, что преобразования, не основанные на принципах равенства, справедливости и нравственности трудно находят отклик у широких слоёв населения.

Опыт западноевропейских стран свидетельствует, что деятельность по социальной защите населения в значительной степени предохраняется от бюрократизма, становится более экономной и приносит максимальный эффект в том случае, если она не является прерогативой центра, а

экономических прав человека приобретает особое значение, так как фиксируется более высокая доля людей наёмного труда, нежели это бывает в индустриально развитых странах. Социальная защита и социальная помощь населению превратилась в центральную проблему социальной политики. Опора российской социальной политики на ценности социально-экономических прав может стать эффективной потому, что она делает более реальной перспективу относительно плавного перехода от государственного и частного социального патернализма к ответственному, демократическому социальному

распространяется на местную, личную инициативу и участие.

Исследование теории и практики социального государства в мировом масштабе позволяет говорить о том, что либерально-консервативная и социалистическая тенденции в современных капиталистических странах активно взаимодействуют. Тем самым мы получаем возможность в достаточно широких масштабах наблюдать межсистемную интеграцию или конвергенцию.

Вейский цикл Ю. Латыниной: рыночный либерализм с рецидивами варварства

Л.Г. Фишман

фантастические произведения известной писательницы, экономиста и публициста Ю.Латыниной могут послужить ярким примером идеологизированной фантастики. Идеологизированность эта имеет либеральный характер, а к злобе дня она привязана никак не менее чем у

моральными коллизиями. Читатель же без труда найдет в произведениях Латыниной массу ассоциаций с современной Россией.

Действие большинства книг Ю.Латыниной происходит в так называемой Вейской империи, находящейся на одной из далеких планет, куда попадают в результате

консервативно-патриотических авторов Никитина, Михайлова, Козенкова и др. (Например, в «Колдунах и министрах», как утверждают сведущие люди, крах ГКО расписан просто по дням). Отчетливо выраженная либеральная ангажированность автора приводит к тому, на фоне указанных выше писателей Ю.Латынина выглядит примерно так же, как белая ворона в присутствии своих черных собратьев.

Данная статья посвящена циклу книг о Вейской империи. В этом цикле иносказательно повествуется о судьбе традиционного общества, неожиданно для себя втянутого в водоворот либерально-рыночных реформ со всеми их экономическими, политическими и

ПОЛИКЛИНИКА

По сути дела, в произведениях вейского цикла, особенно таких, как «Сто полей», «Колдуны и министры», Латынина осуществляет ревизию традиционалистских идеалов Средневековья, в каком бы обличье они не представляли – в обличье ли ценностей имперских чиновников, в виде ли привычек рыцарей-феодалов сопредельного империи варварского королевства Варнарайн. Казалось бы, эти идеалы уже давно не актуальны. Однако, они более живучи, чем представляется на первый взгляд. Более того, со времен начала модерна, эти идеалы то и дело поднимаются на щит его оппонентами – заходит ли речь о противопоставлении благородного рыцаря и корыстного торговца у Зомбарта, или же современный обличитель нравов с тоской вспоминает об утраченной регламентированности поведения аристократии, для которой, например, честь была выше жизни и т.д.

Латынина довольно-таки снисходительно и не без симпатии относится к своим героям-рыцарям аломам вроде Марбода Кукушонка или Киссура Белого Кречета из варварской провинции Варнарайн. На личностном уровне варвары-рыцари могут вызывать симпатию, однако Латынина никогда не упускает случая показать, что

странной катастрофы несколько землян (очень похожих на американцев) во главе с капитаном грузового космического корабля и предпринимателем Клайдом Ванвейлейном. Империя очень сильно напоминает древний Китай; в этом сказались научные интересы автора. Вейская империя – обширное централизованное и автаркичное государство, жители которого мыслят себя единственным цивилизованным народом, а всех прочих – варварами. С варварами, правда, приходится считаться, поскольку время от времени они вторгаются и даже завоевывают империю, но потом успешно ассимилируются. В общем, вылитая Поднебесная.

стремится управлять всем посредством чиновников. Чиновники могут быть и, как правило, являются продажными. Однако и честные чиновники вроде советника Арфарры, пекущиеся исключительно о благе государства, считают предпринимательство одним из видов преступлений. Показателен диалог между Арфаррой и Ванвейлейном, в котором эта точка зрения выражается наиболее рельефно.

- О боже мой, - сказал Ванвейлен. - А что же отнимает тот, кто, имея избыток денег, ставит на эти деньги новый цех и производит ткани, которые бы иначе не были произведены?

- Он отнимает добродетель у общества, - ответил Арфарра. - Цехи производят количество тканей, предусмотренное законом. А то, что производит этот частный предприниматель - он производит сверх необходимого, для разврата и роскоши.

- Но ведь в империи есть частные предприниматели, -- сказал Ванвейлен.

- В империи, - сказал Арфарра, - есть и убийцы, и воры, и больные... Если вы возьмете статистические данные, то вы узнаете, сколько в таком-то году в такой-то провинции умерло людей от чахотки... Это, однако, не означает, что чахотка - нормальное состояние человеческого организма...

естественный для них образ жизни сейчас называется бандитским. Латынина смотрит на них глазами других своих героев – землян, которые, в поисках своего корабля путешествуют по Варнарайну и империи и оказываются втянутыми в водоворот местной политики. И, конечно, землянам трудно оценить по достоинству страну, в которой традиционно не любят предпринимателей, не соблюдают права человека, и образцом правителя в которой является древний государь Иршахчан, отменивший в свое время «твое и мое».

Отрицательное отношение к частной инициативе является в империи официальной политикой государства, которое покровительствует цехам и

ПОЛИКЛИНИКА

- справедливость, соперничали в корыстолюбии и лжи. И это не могло кончиться ничем другим, как бунтами и вторжениями.

Вместе с тем, антикапитализм Арфарры совсем не мешает ему выступать в роли одного из воплощений «крота истории» во время своей деятельности в качестве королевского советника в варварской Ламассе. Чтобы укрепить государственную вертикаль, он поощряет городское самоуправление и борется с привилегиями аломских сеньоров.

Отметим также, что ревизия идеалов Средневековья у Латыниной сопровождается также и критикой идеи «служилого государства» (Элементы которого некоторые из наших современных политологов, вроде А.Панарина, хотели бы видеть в будущей России), подобного Вейской империи. При ближайшем рассмотрении такое государство оказывается насквозь бюрократизированным и коррумпированным, несмотря на все усилия по восстановлению древней справедливости, изредка предпринимаемыми честными чиновниками вроде Арфарры. Этот строй обречен: в нем все прогрессивные веяния, которые, по идее, должны были

- Но ведь государственный цех неэффективен! - сказал Ванвейлен. - Государство не заинтересовано в прибыли!

Разумеется, - ответил Арфарра. - Государство заинтересовано в человеке, а не в прибыли. Люди в государственных цехах работают восемь часов, и чиновникам нет нужды увеличивать этот срок. А в черных цехах, - Арфарра выпрямился, - в черных цехах при конце прошлой династии работали по восемнадцать часов в сутки, а получали меньше, чем в цехах государственных. Богачи брали на откуп целые провинции и растирали людей, как в молотилке, землевладельцы получали право творить суд и творили расправы, а люди, нанятые, чтобы защищать

полей») «страдает как от чрезмерного, так и от недостаточного развития капитализма». Можно сочувствовать антикапиталисту Арфарре, но либеральный разум подсказывает, что единственно пригодным лекарством станет только снятие ограничений с частных предпринимателей и демонтаж громоздкого чиновничьего аппарата.

Далее, у Ю.Латыниной открытым текстом поднимается проблематика становления гражданского общества, которая естественным образом следует из ее либерально-рыночных убеждений. В «Колдунах и министрах» мы обнаруживаем Вейскую империю в состоянии гражданской войны, а ее столицу – осажденной мятежником Ханалаем. (Рассказ о причинах гражданской войны тоже очень интересен, но мы его здесь опускаем). Тут очень характерным является описание того, как вождь мятежников Ханалай и вернувшийся из опалы (и кое-чему там научившийся) Арфарра, управляющий столицей в отсутствие государя, разрешают проблему с деньгами. Первый, следуя пожеланиям черни, добывает деньги реквизициями, второй – распродает зажиточным людям государственные земли, оказывает содействие цехам ремесленников и их

бы улучшить состояние народа, приобретают извращенный характер. Наука формируется как совокупность полумагических приемов, монополизированных храмом Шакуника; частная инициатива отдается иногда на откуп стоящим над законами «олигархам» вроде Даттама, заставляющим свою страну переживать все ужасы эпохи первоначального накопления капитала. И, на фоне деяний Даттама, приведенные выше рассуждения Арфарры совсем не кажутся неправильными.

В целом, однако, из описания Латыниной эпохи первоначального накопления в провинции Варнарайн напрашивается, в точном соответствии с классиками, вывод о том, что Вейская империя (как она описана в книге «Сто

комитетам, учреждает городской Совет и т.д. – в общем, поощряет гражданскую самоорганизацию. После всего этого следует авторское резюме:

И трудно было сказать, чем кончится борьба между Ханалаем и столицей, однако ясно было, что если она окончится победой столицы, то это будет совсем не тот Небесный Город, что прежде и населен он будет не лавочниками, а гражданами.

В заключительной же книге цикла, «Инсайдере», мы обнаруживаем описание слома естественного процесса становления гражданского общества на Вее. Втянутая в экономическую и политическую орбиту Земной Галактической федерации, Вейская

ПОЛИКЛИНИКА

империя оказывается примерно в том же положении, что и современная Россия, разве что контраст между прошлым и настоящим состоянием империи является еще более разительным. Из центра ойкумены империя превращается в галактическое захолустье, которое оптом и в розницу распродают зарубежным предпринимателям продажные чиновники. Появляется своя мафия, идет торговля наркотиками и т.д. На этом фоне растет популярность сект, призывающих к возрождению идеалов Иршахчана, а землян считающих бесами. Также растет бюджетная задолженность.

И вот тут-то цикл завершается не совсем либеральным пассажем, ибо, что бы там ни происходило в Вейской империи, в России «Инсайдер»... закрывает тот краткий промежуток времени, когда не только профессиональные политики, но и писатели по политико-экономическим вопросам опрометчиво полагали, что именно Америка станет нашим главным стратегическим партнером...»(А.Марченко. Китайский маскарад на русской сцене // Новый мир № 12, 2000).

Два высокопоставленных чиновника

получают сектанты, требующие национализации промышленности. Парламент разгоняют, вспыхивает политический кризис, террористы Киссура захватывают космодром и демонстрируют всему миру запрещенные боеголовки. Галактическая федерация присылает войска, но они в своем большинстве переходят на сторону террористов. Причина проста: в течение 10 лет контактов между Землей и Веей десантные дивизии федерации оказались на 80 процентов укомплектованными вейскими варварами - аломами. Аломы в воинской службе видят единственно достойное времяпровождение, а вот цивилизованные земляне служить не хотят, тем более что солдатам платят в 4 раза меньше официального пособия по безработице. Вот и нечем землянам, кроме атомного оружия, подавить недовольство. Да и опасно это – авторитет упадет, тактическая армия потеряется, а тут еще и давний противник Земли диктаторская планета Гера грозит вмешаться. Приходится пойти на условия Киссура и Шаваша – принять Вею в Федерацию, что означает полномасштабное развертывание на

взяточник Шаваш и вояка Киссур, любимец государя, с восточной хитростью проворачивают комбинацию, благодаря которой на Вее тайно начинает строиться военный космодром Федерального содружества. Затем на космодром тайно провозятся похищенные с одной из галактических баз образцы официально сокращенного вооружения. Проводятся парламентские выборы, на которых большинство

планете социальных программ, резкий рост инвестиций и т.д.

Такой, знаете ли, либерально-азиатский «хэппи энд»: умеющие воевать варвары принуждают цивилизованные народы принять их в свое сообщество. Вероятно, для нашего национального самосознания было бы очень лестно войти в «цивилизованное сообщество» именно таким образом. Но, увы, такое получается пока только в фантастике.

НА ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА

Свобода: трудный путь познания

И.М. Модель, Б.С. Модель

«Наша страна живет и в будущем и в прошлом сразу. Она еще только учится свободе».

Эдвард Радзинский

Формирование в России основ гражданского общества – процесс столь масштабный и многотрудный, что было бы непросительной наивностью уже сейчас ожидать того, что наряду с наглядно фиксируемыми его результатами (демократическая Конституция, рыночная экономика, свобода в деятельности СМИ и т.п.) столь же легко удастся обнаружить признаки «огражданвания» общественного сознания, появления принципиально иной по сравнению с недавним прошлым системы гражданских ценностей. Вообще изменения в ценностной структуре населения – дело чрезвычайно сложное, поскольку означает ничто иное, как формирование системы новых жизненных приоритетов.

«Драма» формирования российского гражданского общества состоит не только в эклектичности мировоззренческой позиции правящей российской элиты, но и в том, что этот процесс по своей глубине воздействия на массовое сознание не может не встретить сопротивления (и активного, и пассивного) со стороны сложившейся за

россиян. Говоря шире, речь идет о процессе «притирки» двух цивилизационных систем: с одной стороны, цивилизации коммунистического типа, которую прежде всего отличает представление о полной зависимости личности от государства, с другой – демократической, одной из базовых ценностей которой является свобода. В связи с этим особую важность приобретает исследовательский аспект поставленной выше проблемы. Мы его связываем с особенностями, спецификой ценностного мира личности – первоэлемента гражданского общества.

Общепринятым считается утверждение о том, что необходимой предпосылкой демократии является существование свободного и независимого индивида. «Демократия существует до тех пор, пока в стране поддерживается произвольный баланс, то есть в конечном счете хаос мнений... Человеческое общество – система статистическая, и, чем выше уровень внутренней свободы граждан, тем, очевидно, больше разброс их мнений», – совершенно справедливо утверждает известный писатель и публицист Александр Воронель(1).

Однако это не единственное и не достаточное условие, поскольку, как пишет Г.Вайнштейн, «далеко не каждая независимая личность, освобожденная

налагаемых авторитарной системой, руководствуется принципами и идеалами демократии, испытывает приверженность к ее ценностям. Свойственное российской ментальности понимание свободы весьма специфично. Оно несет на себе отпечаток правового нигилизма и ... пронизано тягой к анархии»(2).

Специфичность понимания свободы россиянами отмечает и К.А.Абульханова, анализирующая некоторые исторические и современные особенности российского сознания и характера. Она обращает внимание на то, что в прошлом идентичность личности с обществом проявлялась в смирении как противостоянии несвободе внешней при сохранении свободы внутренней. «Свобода для российского сознания, – пишет К.А.Абульханова, – осталась идеалом, который не подвергся социальной или житейской рефлексии ни тогда, когда свобода эта в эпоху революции обернулась братоубийством, ни тогда, когда пример благополучного по жизненным меркам западного общества практически доказал, что свобода (в самом ее жизненно важном выражении именно для Запада – свобода предпринимательства) ни с каким равенством и братством не совместима. Свобода осталась идеалом, потому что слишком мало было пространства и для социальной, и для философской мысли, столь велика была сила несвободы, насилия... Поэтому свобода превратилась в утопию, вера в которую была тем сильнее, чем сильнее была несвобода»(3).

Полагаем, что проблема отражения свободы в сознании россиян, представляя значительный интерес для исследователей, должна стать предметом научной рефлексии и в силу ее актуальности. Мы убеждены, что нельзя проходить мимо и не обращать внимания на тот факт, который характеризует ситуацию в России сегодня: с одной стороны, рост политической и общественной

меньшинства граждан, далеких от осознания демократического плюрализма и идейной терпимости. Отсюда и понимание свободы значительной частью российского населения как некой вольницы, вседозволенности.

«В центре всех концепций демократии – от древнегреческой до современной англо-американской – лежит фундаментальное противоречие: демократия стремится расширить свободу и закрыть дорогу тирании, поддерживая выбор народа. В то же время свобода индивида требует свободного общества, которое в свою очередь невозможно без широко одобряемых социальных целей и ценностей, включая сущностные представления о справедливости и благе. Таким образом, неизбежно возникает напряжение между популистским демосом и эффективно управляемой республикой, волей и желанием отдельных индивидов и прерогативами сообщества. Такое напряжение естественно и закономерно, более того, оно лежит в основе процесса развития демократии»(4).

Коль скоро мы стремимся к демократии и формируем гражданское общество, нам надлежит установить, в какой мере общественное сознание адекватно тем базовым принципам, которые составляют основу гражданского общества в общепринятом его понимании. Под гражданским обществом мы понимаем независимую от государства, политики и экономики сферу непосредственных жизнедеятельных интересов граждан, в которой формируются и реализуются гражданские, неполитические права и интересы широких масс. Гражданское общество базируется на свободах и правах индивида, гарантируемых и защищаемых государством, оно представляет собой процесс, оформляющийся в некую тенденцию, направленную в сторону углубления и

пассивности населения, с другой – активность радикально настроенного

НА ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА

гражданского общества отмечает и Ю.Г.Ершов, когда соглашается с идеей, что «гражданское общество есть нечто более высокое, чем просто человеческое общество, коль скоро оно состоит из людей, чье правосознание поднимается до необходимости признать и воплотить в жизнь естественные и неотъемлемые права человека и гражданина. Степень воплощения в жизнь прав человека, – пишет он, – может служить критерием соответствия данной государственно-правовой системы потребностям гражданского общества и определения ее в качестве демократической и правовой»(6). Речь идет о соединении свободной, самостоятельной личности, гражданина и сильного государства, поскольку только мощное, ответственное государство может гарантировать всю полноту прав и свобод личности, с одной стороны, а с другой – только активные, свободные граждане могут создать по-настоящему сильную власть, отстоять при необходимости свои права и свободы(7).

Как же понимается свобода в нашем обществе? Прежде чем перейти к анализу конкретного материала, заметим, что еще Л.Фейербах в свое время писал: «Ни один вопрос не является таким головоломным и не поддается в такой мере решительному утверждению или отрицанию, как вопрос о свободе воли»(8). По утверждению В.Ф.Эрна, «проблема свободы – это, бесспорно, одна из самых трудных и сложных проблем. Когда ее берутся решать практически – льются потоки крови. Когда в нее углубляются теоретически – заходят в такие дебри умозрений, что становится трудным связать исходные пункты рассуждения с результатами»(9). Не претендуя на право обладающих «ключом» к разрешению этого вопроса, предпримем все же некоторую попытку рассмотрения свободы как базовой ценности гражданского общества, взглянув на нее

расширения демократии(5).

Ту же взаимосвязь демократии и

лидеров гражданских общественных объединений (руководителей некоммерческих организаций, фондов, союзов НКО и др.), мы отдавали себе отчет в том, что для россиян соотношение свободы и воли имеет определенную специфику как в силу исторически сложившихся обстоятельств, так и в силу особого географического положения России. Как пишет И.К.Пантин, «каждый народ сам выбирает и определяет свои свободы, форму демократии в зависимости от ситуации и прошлого опыта...Мы, россияне, имели бурную, богатую событиями историю, сформировавшую наш характер, наше отношение к свободе...И если не учитывать этого прошлого, относясь к нему, разумеется, критически осмысленно, то реформы, «самые, самые», обречены на неудачу... Свобода, – продолжает И.К.Пантин, – которая потребовалась для уничтожения капитализма и всех его порождений, стала целиком отрицающей...»(10). Это одна из особенностей, в немалой степени повлиявшая на российское отношение к свободе как ценности.

На российском понимании свободы сказались и географическое положение России между Европой и Азией. Так, если для азиатской традиции идеи личной свободы вообще не типичны, то Европа их возвела в ранг высшей и абсолютной ценности. Характерный для европейцев подход к свободе, вытекающий из норм протестантской морали, практически не отделяет свободу от ответственности, закрепленной и в этике, и в законах. Россия же и здесь проявила свою самобытность, соединив отнюдь не лучшие стороны азиатского и европейского подходов: освободившись от ига, гнета, избавившись от привычки к смирению, россияне добивались не свободы, а воли, то есть возможности творить все, что ни вздумается.

Поэтому, готовя инструментарий для

сквозь призму социологического подхода. Продумывая вопросы для интервью, которое мы намеревались брать у	исследования (интервьюирования руководителей некоммерческих общественных объединений,
НА ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА	
рассматриваемых нами как наиболее «продвинутая» часть гражданского общества), мы учитывали национально-культурную специфику наших респондентов(11).	названа протестантской. Как пишет А.Зубов, «протестантские ценности – понятие условное; предложил его немецкий философ и социолог Макс Вебер, объясняя феномен первоначального накопления капитала. Вебер исходил из того, что к земному труду, к которому он приставлен в силу рождения или обстоятельств или, что бывает реже, в силу личного выбора, следует относиться не как к тягостному бремени, а как к призванию от Бога»(13).
И еще одно обстоятельство оказало влияние на формулировку вопросов для интервью: мы познакомились со значительным количеством публикаций и, прочитав статью Андрея Зубова в осеннем номере «Pro et contra», не удержались от соблазна попытаться сравнить результаты наших исследований 1998-1999 гг. с данными всероссийского опроса Института социологического анализа (декабрь 1996 и апрель 1997гг.)(12). Отсюда и возникли формулировки вопроса интервью относительно понимания свободы, с которыми мы обращались к лидерам гражданских общественных объединений, – практически идентичные формулировкам ИСА, ибо в значительной степени отвечали тем требованиям, которые мы ставили перед собой, приступая к работе над инструментарием для исследования. (Оговоримся, что религиозные ориентации потенциальных респондентов, в отличие от сотрудников ИСА, нас не интересовали).	По Веберу, для подавляющего большинства людей первоначальное накопление капитала было нравственным...Бережливость дополнялась скромностью. Формулировка эта звучит так: «Свобода – это великий дар Божий, человек волен распоряжаться ею по своему усмотрению, но никогда не должен забывать, что он в ответе за свои поступки перед совестью и людьми».
Заметим, что авторы этих вопросов – коллектив ученых Института социологического анализа в лице Татьяны Крутковец, Дениса Драгунского, Андрея Зубова, Алексея Кара-Мурзы и Игоря Клямкина – выясняли приверженность респондентов группе ценностей той или иной религиозной конфессии (как они утверждают, протестантской, православной) или вообще гедонистической, не связанной с религиозными убеждениями или ценностями.	Вторая формулировка выглядит следующим образом: «Свобода – это дар Божий, но она и тяжелое бремя, так что человеку лучше переложить это бремя на того, кто знает, как распорядиться им». Такая позиция характеризует стремление к уходу, бегству от жизни, полной тягот, лжи и обмана. Эту, по сути эскапистскую позицию, авторы вопросов условно называли православной (очень верно, с нашей точки зрения).
Итак, интервьюируемым предлагалось сделать выбор из трех суждений по поводу воли, свободы и ответственности. Первая формулировка, как	Наконец, третья формулировка – «Свобода дана человеку от природы, и он волен распоряжаться ею по своему усмотрению, отвечая за свои поступки только перед собой» – гедонистическая, звучит несколько цинично: жизнь человеку дается только один раз, и надо от нее взять все, что возможно, использовать ее максимально для получения удовольствий, наслаждений и проч. Итак, воспользовавшись столь удачными, по нашему мнению, формулировками, мы провели опрос

предполагалось, будет выбрана теми, кто во главу угла ставит нравственное отношение к жизни, обладая активной жизненной позицией. Она условно

НА ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА

полученные результаты с материалами всероссийского опроса ИСА – См. таблицу 1.

Сравнительный анализ обнаружил достаточно высокий уровень готовности отвечать на поставленные вопросы. Так, по данным Института социологического анализа, затруднились с выбором ответа всего 5 человек (0.3%), по материалам нашего опроса, затруднения с выбором варианта ответа возникли у 26 человек (7.5% выборочной совокупности).

лидеров общественных объединений некоммерческого сектора города Екатеринбурга и Свердловской области, что позволило нам сопоставить

Анализ материалов, приведенных в таблице 1, свидетельствует о том, что наибольшее количество положительных ответов однозначно собрал первый вариант ответа, фиксирующий продуманное, ответственное отношение к жизни и свободе. Далее, нельзя не отметить и того, что уровень ответственности «за свои поступки перед своей совестью и людьми» у лидеров гражданских общественных объединений (а это на две трети интеллигенция)

Таблица 1. Отношение к свободе воли и ответственности, % к числу опрошенных ▼

Варианты ответа	Мнение населения России (по результатам опроса ИСА)	Мнение лидеров гражданских общественных объединений (по результатам опроса Института философии и права УрО РАН)		
		Лидеры в целом	В том числе:	
			Гуманитарная инт-ция	Техническая инт.
1. Свобода – это великий дар Божий, человек волен распоряжаться ею по своему усмотрению, но он никогда не должен забывать, что он в ответе за свои поступки перед своей совестью и людьми	60.8	77,7	76.8	79.2
2. Свобода – это дар Божий, но она и тяжкое бремя, так что человеку лучше переложить это бремя на того, кто знает, как распорядиться им	7.0	2.3	2..6	1.0
3. Свобода дана человеку от природы, и он волен распоряжаться ею по своему усмотрению, отвечая за свои поступки только перед собой	31.9	12.5	15.6	11.6
4. Затрудняюсь ответить	0.3	7.5	8.9	4.2

значительно выше, чем у населения России в целом (по данным опроса ИСА) – и разница эта составляет 17%!

Материалы опросов позволяют сделать вывод и о том, что равнодушны к земной жизни и не ценят право на свободу («готовы переложить это бремя на того, кто знает, как распорядиться им»), по терминологии А.Зубова, исповедуют православные идеалы – лишь отдельные граждане нашей страны (7.0%), а если говорить о гражданских лидерах, то и вовсе единицы – 2.3%, то есть такая установка непопулярна. И

каждому третьему жителю России. Это, хотя и несколько настораживает, но можно понять: реакция на многолетнюю «несвободу», «давление», «зжатость»... Думается, что это явление временное, что оно в перспективе уступит место взвешенному, ответственному пониманию свободы, как это произошло уже с наиболее «продвинутой» частью населения – лидерами гражданских общественных объединений, среди которых в 2,5 раза меньше респондентов, разделяющих взгляд на свободу как на возможность

еще: анархическое, если можно так выразиться, циничное отношение к свободе и воле («человек волен распоряжаться ею по своему усмотрению, отвечая за свои поступки только перед собой») свойственно

НА ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА

распоряжаться своей жизнью и волей (в том числе и политической), сознавая при этом ответственность перед собственной совестью и людьми (по терминологии А.Зубова, ориентируются на протестантские ценности).

Обращает на себя внимание слабая взаимосвязь возраста респондентов и их отношения к свободе. По материалам наших исследований, такой показатель зависимости, как X^2 , равен 0.28 при коэффициенте значимости $p = 0,023$. Исследователи ИСА тоже говорят о том, что эти показатели изменяются незначительно, тем не менее, по их данным, доля сторонников «протестантских» установок несколько возрастает среди людей старших возрастных категорий (где-то до двух

реализации принципа «что хочу – то и ворочу!»)

Общий же вывод, на наш взгляд, сводится к следующему: подавляющее большинство опрошенных ценит право на свободу, респонденты желают сами

третей) и снижается до 50.0% у самой младшей (от 18 до 24 лет). Материалы наших опросов такую тенденцию не подтвердили: у самой младшей категории гражданских лидеров этот показатель составил лишь 22.0% (столько же и в группе 41-50 лет), у остальных – от 14.0 до 18.0%. Сказать что-либо о влиянии возраста на выбор так называемой «православной» позиции не представляется возможным в силу чрезвычайно слабой ее популярности у опрошенных. А вот «циничной» позиции придерживается от 51.2% молодежи (до 25 лет) до 23.3 и 25.5% руководителей организаций некоммерческого сектора в возрасте 25-30 и 31-40 лет, соответственно – см. таблицу 2.

Таблица 2. Влияние возраста на отношение к свободе, % к числу ответивших ▼

ВАРИАНТЫ ОТВЕТА	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ						Итого:
	Показатели	До 25 лет	225-30 лет	331-40 лет	441-50 лет	Старше 50 лет	
Свобода – это великий дар Божий, человек волен распоряжаться по своему усмотрению, но он никогда не должен забывать, что он в ответе за свои поступки перед своей совестью и людьми	Аабс.	59	339	448	660	662	268
	%%	22,0	114.6	117.9	222.4	223.1	100.0
Свобода – это дар Божий, но она и тяжкое бремя, так что человеку лучше переложить это бремя на того, кто знает, как распорядиться им	ААбс.	1	11	33	11	22	8
	%%	12,5	112.5	337.5	112.5	225.0	100.0
Свобода дана человеку от природы, и он волен распоряжаться ею по своему усмотрению, отвечая за свои поступки только перед собой	ААбс.	22	66	44	55	66	43
	%%	12,5	14.0	9.3	11.6	13.9	100.0
Затруднились ответить	ААбс.	3	33	66	99	55	26
	%%	11.5	111.5	223.1	334.6	119.3	100,0
ИТОГО:	ААбс.	85	449	661	775	775	345

	%%	24,6	114.2	117.8	221.7	221.7	100,0
--	----	------	-------	-------	-------	-------	-------

НА ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА

Как расценить последнее из сделанных нами наблюдений? По всей вероятности, в общем и целом – позитивно: «свободный человек родился и начал действовать»(14). Однако упоение свободой может повлечь за собой действия не только положительной направленности...«Формально свобода, – читаем у Н.Лосского, – обеспечивает деятелю возможность поведения, осуществляющего как положительные, так и отрицательные с объективной точки зрения ценности»(15).

А вот Аббаньяно пишет по-другому: «Проблема свободы возникает перед человеком лишь тогда, когда он серьезно относится к возможностям своей экзистенции и принимает решения относительно них...Быть свободным для него означает осознать и реализовать себя в изначальной возможности своего отношения к бытию, то есть укрепить и укоренить себя в этой возможности»(16). Да, действительно. Свобода всегда связана с возможностями – «возможностью выбора», «возможностью беспрепятственного передвижения», «возможностью реализации каких-то интересов, целей» и так далее. Более того, свобода всегда в плену возможностей.

Видимо, свободу нельзя рассматривать как исключительную самоценность, выражаясь словами М.Бакунина, в виде «предела человеческих мечтаний». Свобода – и цель, и средство для осуществления других целей. В нашем понимании, свобода – это в первую очередь личная ответственность за себя, за свою семью, за свою малую и большую Родину. И мы отдаем себе отчет в том, что такая свобода личности и гражданская ответственность могут иметь место лишь

судьбу своей страны, своего государства.

Вероятно, уже сегодня можно говорить о формировании общественного сознания либерального типа, поскольку в среде россиян широко распространены идеи свободы, равенства, справедливости, солидарности. «В России в настоящее время либерализм представлен различными формами: экономической (свобода предпринимательства, внутренней и внешней торговли), политической (конституция и политическая система, основанные на идеях либеральной демократии; либеральные партии, играющие ведущую роль в политической жизни страны), философской (свободное распространение религиозных, философских идей и систем, в том числе классического и нового либерализма)»(17).

И.И.Петров, вскрывая исторические корни российского либерализма, ссылается на В.В.Леонтовича и отмечает, что экономический либерализм (в сфере предпринимательства) имеет давнюю традицию, ибо возник еще в эпоху Екатерины П(18). Философское наследие русского либерализма представлено работами П.Новгородцева, Б.Чичерина, политическая теория нашла отражение в трудах П.Струве. Конституционно-демократическая партия народной свободы немало добилась и в Государственной Думе, и в деятельности Временного правительства. Таким образом, возникшие в настоящее время либеральные партии имеют как исторические, так и философские предпосылки и, несмотря на многолетнее влияние советской идеологии и марксизма на сознание граждан, еще в 1990 году авторы советско-

в условиях сильной государственности. По мере возникновения и укрепления институтов гражданского общества будет расти и укрепляться в сознании населения понимание того, что выбрать свободу – значит вместе с согражданами разделить свою ответственность за

американского исследовательского проекта делали вывод о «наличии среди советских граждан широкой поддержки демократических ценностей»(19). Уже тогда по таким важным показателям, как защита прав человека, свободы, альтернативность выборов и др.,

НА ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА

либерально-демократическая ориентация россиян соответствовала международным стандартам.

Экономические свободы в демократическом государстве обеспечиваются свободой политической, мы имеем в виду и политические гарантии свободного предпринимательства, и свободу выбора, и свободу организации политических объединений. «Демократия, – утверждает французский политолог Ален Турэн, – не просто лишь состязательный политический рынок: она подразумевает способность каждого индивида действовать в качестве гражданина, то есть связать непосредственно отстаивание своих идей и интересов с законами или политическими решениями, обеспечивающими основные рамки для общественной жизни»(20).

Итак, мы убеждаемся в том, что Россия уже сегодня располагает элементами, признаками, роднящими ее с демократическими государствами либерального толка. Причем это «родство» проявляется весьма специфично. Если большинство населения все еще остается в рамках безразличного отношения к базовой ценности гражданского общества, то его молодая часть, а также лидеры некоммерческих общественных организаций весьма остро ощущают тяготу к оценке свободы, присущей скорее протестантскому, нежели православному сознанию.

Однако попытка перенесения готовых норм, принципов и институтов Запада на нашу почву, помимо позитивного эффекта, оборачивается в настоящее время своей негативной стороной. В

чрезвычайно опасном для общественной нравственности распространению ряда нехарактерных для нашей страны тоталитарных сект. Но все эти негативные следствия попытки освоить понятие свободы в его собственно человеческом измерении не есть, по нашему убеждению, магистральное направление современной отечественной истории.

Наряду с проанализированным нами процессом восприятия возможностей и предназначения свободы в России все более отчетливо просматривается линия укрепления и «осовременивания» системы законодательства, приведения его в соответствие с максимами гражданского этоса. На защиту и реализацию возможностей свободы встает все большее число российской интеллигенции, в том числе и в лице более чем 245 тыс. некоммерческих общественных движений и организаций, составляющих фундамент формирующегося в России гражданского общества.

В свое время академик А.Д.Сахаров очень точно выразил еще одну человеческую потребность в одной из важнейших сфер проявления свободы – свободы интеллектуальной: «Человеческому обществу необходима интеллектуальная свобода – свобода получения и распространения информации, свобода непредвзятого и бесстрашного обсуждения, свобода от давления авторитетов и предрассудков... Но свобода мысли в современном обществе находится под тройной угрозой: со стороны рассчитанного опиума массовой культуры, со стороны трусливой и эгоистичной мещанской идеологии, со стороны окостенелого

самом деле, свобода предпринимательства, торговли и т.п. использовались и используются до сих пор как легальные средства обмана государства и граждан, как основание для массовых нарушений управленческой и налоговой дисциплины и несвоевременной выплаты зарплаты, а свобода вероисповедания привела к

НА ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА

населения. Свободному человеку сильное государство, обеспечивающее торжество закона при всех обстоятельствах, нужно, как воздух. Ведь только свобода в состоянии сформировать сильную, самодостаточную личность – основу нормального, развитого гражданского общества, способного при необходимости ограничить всевластие государства. Таким образом, краеугольным камнем, первоосновой созидания гражданского общества является формирование свободной личности, свободного гражданина свободной страны, когда реализуется замечательная мысль Дж.Оруэлла: «Свобода – это возможность сказать, что дважды два – четыре. Если дозволено это, все остальное отсюда следует»(22). А ведь это «редкое счастье говорить, что думаешь», по словам Тацита. И Россия в состоянии решить такую задачу.

Примечания ▼

- 1 Воронель А. В плену свободы – Москва – Иерусалим, 1998. С.170.
- 2 Вайнштейн Г. Формирование гражданского общества в России: надежды и реальность // ИМЭМО РАН. 1998. №5. С.32.
- 3 Абульханова К.А. Российская проблема свободы, одиночества и смирения // Психологический журнал. 1999. Том 20. №5. С.5.
- 4 Berlin I. Two Concepts of Liberty // Tour Essays on Liberty/ N.Y., Oxford University Press. 1969. P.118-172.
- 5 Алексеева Т.А. Демократия как идея и процесс // Вопросы философии. 1996. №6.же. С.23.
- 6 Ершов Ю.Г. О единстве гражданского общества и правового государства // Материалы XI Уральских соц. Чтений «Уральский регион как социум». – Челябинск. 1988. С.13.
- 7 См.: Владиславлев А. С верой в Отечество. Об идеологии нашей организации // ЛГ. №31-32 (5753). 11 – 17 августа 1999г. С.3.
- 8 Фейербах Л. Избр. филос. произв. в 2-х Т. М., 1995. Т.1. С.442.
- 9 Эрн В.Ф. Борьба за логос. Социализм и проблема Свободы. М., 1991. С.157.
- 10 Пантин И.К. Драма противостояния. Демократия / либерализм в старой и новой России // ПОЛИС. 1994. №3. С.76-77.
- 11 Лонгитюдное социологическое исследование осуществлено авторами в г.Екатеринбурге и Свердловской области в 1996 и 1999 гг. На первой стадии было опрошено 132 лидера организаций некоммерческого сектора, на втором – 347. Ошибка выборки = 4,5% при $p < 0.95$.
- 12 Опрос 1996 года подготовлен И.Клямкиным, Т.Крутковец. Его результаты частично опубликованы в «Русских идеях». Опрос 1997 года подготовлен Д.Драгунским, А.Зубовым, А.Кара-Мурзой, И.Клямкиным, Т.Крутковец. Оба опроса проведены по всероссийской репрезентативной выборке (было опрошено 1600 респондентов от 18 лет и старше) – См. подробнее: А.Зубов. Современное русское общество и civil society: границы наложения // Pro et contra. Т.2. №4. С.22–37.
- 13 Зубов А. Между нами, протестантами, говоря // Известия. 14.04.2000. С.1, 10.
- 14 Владиславлев А. С верой в Отечество // ЛГ №31-32. 11-17 авг.1999г. С.3.

догматизма бюрократической олигархии и ее излюбленного орудия – идеологической цензуры. Поэтому свобода мысли нуждается в защите всех мыслящих и честных людей»(21).

И таким защитником гражданских свобод должен стать не только закон, но и все заинтересованные в демократическом будущем слои

Этих возможностей не могут не видеть и специалисты по истории СССР и России на Западе. «Свобода никогда не была монополией Европы, – считает новый президент Французской академии Элен Каррер д Анкос. – Я всегда напоминаю, что еще в ХП веке на севере России существовали свободные государства – республики – такие демократичные, каких на Западе не существовало...В России люди всегда были больше солидарны друг с другом, чем в Западной Европе, где всегда царствовал индивидуализм. Я убеждена, что в России можно построить правовое государство, опираясь на собственные традиции свободы. Они отличаются от западных, но не противоречат им. Просто в демократическом российском обществе люди смогут надеяться на большую поддержку сограждан»(23).

15	Лосский Н.О. Избранное. М., 1991. С.581.
16	Аббаньяно Н. Экзистенция как свобода // Вопрос. филос. 1992. №8. С.152.
17	Петров И.И. Новый либерализм для России: уроки западных дискуссий // ОНС. 1996. №5. С.74.
18	См.: Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762 – 1914. М., 1995.
19	От тоталитарных стереотипов к демократической культуре. М., 1991. С.65.
20	Турэн А. Что означает демократия сегодня? // Международный журнал социальных наук. 1991. №1. С.19.
21	Сахаров А. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе // Новое время. 1990. №3. С.40.
22	Оруэлл Дж. 1984. Пер с англ. В.Голышева // Новый мир, 1989, №2. С.163.
23	Гусейнов Э. Лучшее у России опять впереди // Известия. 12 янв. 2000г. С.9.

ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ

ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ

**По неприятелю – полный огонь?
Взгляд на историю журналистики позволяет
лучше оценить объективность современных
российских СМИ**

Д.С. Стровский

Читаю прессу... Не покидает ощущение, что находишься на поле боя, когда картина происходящего измеряется по принципу: свои и чужие. Третьего, похоже, не дано.

Многие нынешние журналисты забыли, что главная задача СМИ — информировать общество о происходящем, а не подменять собой суды и прокуратуру. Впору усомниться: да разве возможна беспристрастность пера, когда рынок современных СМИ поделен между собственниками? Вряд ли. Вместе с тем, объективность сообщения — и это уже журналистская аксиома — предполагает предоставление самых различных точек зрения «по поводу». В одном номере газеты или журнала. Более того, в одном материале (дабы внести максимальную ясность в суть спора, конфликта и т.д.). Чтобы уже на основании этого делать выводы о происходящем.

Так, во всяком случае, поступают многие зарубежные СМИ, предлагающие набор мнений по одному и тому же

рассуждения — отдельно. И никто в этом случае не упрекнет редакцию в том, что она пренебрегла различными взглядами, убоявшись объективности. Как раз наоборот: и объективность информации представлена, и собственное «лицо» сохранено.

Почему же у нас все по-другому, когда в газетах и журналах зачастую присутствуют только две позиции: своя и неправильная? Почему за объективность подается то, что априори таковой быть не может?

Боюсь, что точных и однозначных ответов на эти вопросы быть не может. Очевидно, что в данном случае дело не в конкретном газетчике — редакторе ли, репортере. Проблема, на наш взгляд, упирается в особенности национальной журналистской культуры, которая формировалась не за один день и имеет определенные очертания по части того, о чем и как писать. На эту культуру повлияли не только многолетние традиции в сфере СМИ, но и исторические особенности развития нашей страны, мировоззренческие

факту или событию и собственный комментарий в отношении происходящего. Для комментария отводится отдельное место — на одной из внутренних страниц. Предполагается, что, перелистав первые полосы газеты, читатель уже ознакомился с сутью происходящего, поразмыслил над ним, а вот теперь анализирует позицию редакции по данному вопросу. Словом, факты — отдельно, журналистские

ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ

между отдельными людьми и общественными группами, но не является главной причиной нетерпимости в обществе. Нетерпимость сформировалась много раньше, и мы сегодня повсеместно лишь пожинаем плоды привычного мышления, накладывающего отпечаток на различные сферы деятельности, в том числе и журналистику. Отсутствие или, во всяком случае, повсеместный недостаток толерантности, по нашему мнению, кроется в авторитарном характере социальных отношений, традиционно присущих нашему обществу.

На практике авторитарность проявила себя в установлении права на истину со стороны одной политической власти. Властный монополизм в отсутствии политического плюрализма всегда был присущ России. Но он испокон веку бытовал не только в системе государственного правления. В стране во все времена проявляли себя жесткая подчиненность большинства меньшинству, нетерпимость к чужому мнению, пренебрежение к закону и праву личности. Все это формировала общую для всех и каждого одномерность восприятия окружающего мира.

Отсутствие толерантности на различных ступенях социальной лестницы неизбежно приводило к социальным взрывам, бунтам, переворотам, революциям и многим другим конфликтам. Это с достаточной регулярностью приводило к смене «сущностей» политико-экономического развития страны, а зачастую и к

ориентеры ее общества, уровень взаимодействия этого общества и власти и многие другие особенности социально-политической эволюции, складывавшиеся долгое время.

Безапелляционный тон и отсутствие этики, присущие многим нашим изданиям, — следствие не одних лишь катаклизмов, которые происходят в нашей повседневной жизни. Сама жизнь хотя и провоцирует конфликтность

век // Власть. 1997. № 11. С. 46-49.), которые весьма точно определяют особенности повседневного сознания и поведения широких слоев российского населения. Мобилизационный характер развития нашего государства, сформированный историческим путем, в известной степени, обусловил убежденность общества в том, что разовыми, но достаточно жесткими усилиями можно добиться оптимального результата в переустройстве окружающего мира.

Постоянное проявление в ходе исторической эволюции общества политико-экономических «рывков» выработало у широких слоев населения пренебрежение к легитимности власти. На этом, кстати, успешно сработали большевики, разорвав в октябре 1917 г. эволюцию общественных отношений. Но саму эволюцию непрерывной назвать весьма затруднительно. Приведем высказывание отечественного философа — Н.А.Бердяева, который, сравнивая реформы Петра I и результаты пролетарской революции 1917 г., заметил следующее: «Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывность органического развития, ... тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации» (Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1995. С. 12.). А мы в свое время столько писали об уникальности большевистского подхода...

Жесткость, нередко бескомпромиссная позиция общества к решению социально-

отрицанию многообразного духовного наследия прошлого. Ослаблялось интегрирующее начало российского общества, его способность в нужный момент предохранять себя от «фактора разрушительности».

Политолог А.С.Панарин применительно к России ввел даже такие термины, как «мобилизационная идеология» и «мобилизационная стратегия» (Панарин А.С. Российская политическая культура: прогнозы на XXI

ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ

отношение к прежнему политическому опыту, привычному бытию, морали, духовной жизни. Вместе с тем, большевики, пренебрегая наследием прошлого, по сути, повторили многовековую политическую «традицию отрицания». Пусть и в иных формах, с иной степенью жестокости. Но повторили!

Все это не могло не отразиться на содержательном уровне журналистики советского времени. Как выразитель интересов широких слоев общества, она, так или иначе, впитала в себя проявления его культуры, менталитета и настроений. Одновременно с этим, отражая мнение партии по самым различным вопросам, СМИ проводили идейно-политическую линию правящей власти. И вот что примечательно: в своих устремлениях отказаться от «старого мира» интересы власти и широких слоев общества полностью совпали. Позиция журналистики оказалась предопределенной.

«Старый мир» в сознании обеих сторон ассоциировался с дореволюционной культурой, индивидуальным мышлением и трудом — со всем тем, что мешало формированию классового сознания. Партийная журналистика активно утверждала в общественном сознании отрицание всего того, что мешает новым социально-политическим приоритетам. Отсюда и тема неприятия любого инакомыслия, как антипода унифицированному общественному мышлению и поведению, выглядела

политических вопросов особенно активно проявили себя в советскую эпоху. Они во многом стимулировались усилиями правящей элиты. Впервые в мировой практике партия, пришедшая к власти, распространила свое влияние на все без исключения политические, экономические и социальные институты. Общечеловеческие нормы оказались строго подчиненными классовому подходу, в массовое сознание внедрялось пренебрежительное

решительный бой религиозному «дурману». Только в Москве выходило около десятка изданий, направленных на различные слои населения, где эта тема стала главной (массовая иллюстрированная газета «Безбожник», массовые журналы «Безбожник» и «Безбожник у станка», научно-методический журнал «Антирелигиозник» и другие). Наряду с этим материалы на отмеченную тему были распространены во всех СМИ, что свидетельствует об ее значимости для формирования единого общественного сознания. Пресса писала о недопустимости участия населения в религиозных обрядах, обманных намерениях представителей духовенства, необходимости повсеместного закрытия храмов, сеющих антиреволюционные настроения и т.д. Одновременно с этим со страниц различных СМИ звучал призыв покончить с «антинародной» и «антипролетарской» деятельностью церкви, противопоставляющей себя народу.

Вот как ставили вопрос, например, «Известия» в 1922 г.: «Мы и они! Дело ясно. Здесь два лагеря: лагерь народа, лагерь революции, и лагерь врагов народа, лагерь контрреволюции, в котором рясофорные и митроносные агитаторы играют первую скрипку... Пора взяться за режиссеров и за главных вдохновителей контрреволюционного похода. Они теперь ясны. И рука революционного закона не должна дрогнуть, нанося последний удар — в интересах спасения миллионов голодающих, в интересах спасения

заметной на страницах печати с самого начала существования советской власти.

Ярким подтверждением этого стал период 1920-1940 гг. Именно в это время под воздействием сложившейся политической реальности особенно проявилась категоричность журналистики, ее односторонность в оценках той или иной ситуации.

Уже в первой половине 1920-х гг. в стране возникла разветвленная сеть периодических изданий, как газет, так и журналов, со страниц которых был дан

ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ

церкви. То, что упомянутый выше революционный удар, будет разящим и исход судебного процесса предопределен, свидетельствует восприятие газетой людей, оказавшихся на скамье подсудимых: «Обвиняемые путаются, неуклюже изворачиваются, запутывают и себя, и других, ссылаются на случайности, на «роковые обстоятельства», всячески унижаются, они жалки в своей перепутанности перед ответственностью за ими же содеянное» (Ашевский А. И «святейший», и «правительствующий»... // Там же. С. 1).

Предложенный подход — дать психологическую характеристику отрицательным героям (без предоставления им возможности высказаться в ответ) и одновременно с этим обрушить на них мощный поток критики — был присущ нашей журналистике не только в первые послереволюционные годы, но и в последующем. В журналах «Безбожник», «Безбожник у станка» постоянно давались уничижительные зарисовки о представителях церкви — «отсталой публике», «мракобесах», «обманщиках» и т.д., чтобы на их основе сделать более глобальные выводы о пагубности религии. К примеру, накануне празднования рождества «Безбожник у станка» недвусмысленно замечал, что «все социальное содержание этого «праздника» преследует одну цель: убить классовое самосознание трудящихся..., вызвать неверие в дело социалистического строительства,

завоеваний революции, т.е. в интересах миллионов рабочих и крестьян!» (Известия. 1922. 5 мая. С. 1.).

«Мы и они», «Два лагеря»... Меч революции тогда разил решительно. Подстать этому действовала и пресса. Так что нынешней журналистике с ее непримиримым тоном есть у кого учиться.

В отмеченном номере «Известий» сообщалось, между прочим, и о проведении в Москве судебного процесса над 54 представителями

высказываний здесь зачастую еще заметнее...

Это в той же мере относилось к сферам литературы и искусства. Во второй половине 1920-х гг. критике начали подвергаться многие литераторы, художники, деятели театрального искусства. Основной упрек сводился к их оторванности от народа, пренебрежению к культурным запросам масс, недооценке коллективистского сознания.

Именно с позиции соответствия деятеля искусства поставленным политическим задачам в области культуры давалась оценка любому проявлению творчества. Вот что отмечалось, в свою очередь, по поводу музыкальных форм, таких, как городской, цыганский романс: «Халтура, проституционный стиль «цыганщины», пошлые и похабные песни и рассказы в крупных культурных центрах обычно исполняются под прикрытием маски революционности. [...] До сих пор еще они не получают должного отпора от местной общественности. До сих пор еще общественность не осознала в должной мере идеологическую вредность так называемого «легкого жанра», внешне невинной музычки, протаскивающей кабацкие и мещанские настроения» (Рост. 1930. № 13. С. 26.).

В конце 1940-х-начале 1950-х гг. не осталось, пожалуй, ни одной сферы культуры, которая не была бы подвергнута идеологическому разгрому в прессе. «Просочился чуждый и враждебный советскому народу,

вызвать сомнения и колебания, вызвать вражду к советской власти и тем самым нанести ей удар» (Стуков И. Антирождественская кампания — мощный удар по классовому врагу // Безбожник у станка. 1932. № 24. С. 2.). Не оставалась в долгу перед читателями и местная пресса, по сути дублируя высказывания столичных СМИ. Листая, например, «Уральский рабочий», «Челябинский рабочий» этого времени, видишь аналогичные оценки в отношении религии, духовенства, обрядов. Только категоричность

ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ

учителями французских формалистов Пикассо и Матисса...».

Такого рода высказывания были характерны в послевоенный период для всей центральной прессы. Кроме того, к упрекам по поводу «лженоваторства» в искусстве добавилась и критика в адрес отдельных деятелей культуры за их космополитические настроения, выражаемые в «низкопоклонстве» перед Западом. Между тем, знакомясь с аналогичными материалами, зачастую было нелегко распознать, где кончается «формализм в искусстве» и начинается «безродный космополитизм». Очевидно, что во всем этом проявлялась общая тенденция неприятия в культуре и общественной жизни в целом любых нестандартных проявлений, поскольку они представляли идейно-политическую опасность для правящей власти и государственной системы, построенной на авторитарных началах. Вынесение критических оценок в адрес многих деятелей культуры посредством прессы хотя и не приводило к последующим судебным разбирательствам, но нередко вело к исключению этих людей из творческих союзов, прекращению для них возможности выезда за границу и т.д. Однако несравненно большие потери благодаря таким приговорам несла культура в целом. Ее направленность по определенному идеологическому вектору привела к отторжению от массового внимания значительной части искусства и, в конечном итоге, обеднению духовной

советской идеологии дух буржуазного национализма», — отмечалось, например, в передовице «Правды» 11 сентября 1946 г., посвященной киноискусству. «Совершенно нетерпимо, — говорилось в другой редакционной статье от 11 августа 1947 г., оценивавшей развитие художественного творчества в нашей стране, — что наряду с искусством социалистического реализма у нас существуют течения, представляемые поклонниками буржуазного упаднического искусства, которые считают своими духовными

наличием определенной этики и многими другими проявлениями, определившими не только «лицо» этой культуры, но и во многом нашу повседневную жизнь. И прежде всего потому, что привитый «сверху» уровень творчества затронул не только отдельные СМИ, но всю журналистику в сотнях и тысячах газетных и журнальных изданий.

В силу сказанного беремся утверждать, что проблема объективного информирования в нашей стране посредством СМИ имеет глубокие исторические корни. Традиция, как социальное явление, активно проецируется на нынешнюю политическую, духовную сферы, в рамках которых развивается «четвертая власть». Стоит ли в таком случае удивляться, почему ныне мы унаследовали тенденцию упрощенного восприятия окружающего мира, почему, как и прежде, ищем виноватых? Тем более, что разделение самого мира на «белое» и «черное» не закончилось сороковыми годами, а продолжилось в последующие десятилетия. Правда, в 1990-е гг. мы активно заговорили о примирении. Однако что с того... Возведение «баррикад» для ведения борьбы с противником, политическим ли, духовным, по-прежнему остается укоренившейся нашей чертой. Для многих журналистов такой стиль восприятия действительности даже соблазнителен. Легче оказаться на виду и удовлетворить личные творческие

жизни в стране.

Правильно утверждать, что упрочение в годы советской власти авторитарной традиции, жесткое воздействие власти на повседневную жизнь граждан предопределили формирование особой журналистской культуры. Она была характерна отсутствием дискуссионности, права журналистов на собственную трактовку темы,

амбиции. А скрупулезное разбирательство в постоянно возникающих конфликтах — трудное это, право, дело и не слишком благодарное.

...Так что, похоже, нам еще долго сталкиваться в журналистике с истошными возгласами «Ату!». Шинель-то, из которой, по словам критика, все мы вышли, была действительно одна.

Социокультурная специфика российской журналистики и современные тенденции развития информационного поля России

Е.Г. Дьякова, А.Д. Трахтенберг

Социокультурная специфика российской журналистики во многом определяется тем, что российские СМИ с момента своего возникновения имели своей аудиторией не просвещенную публику (как это было в странах Запада), а просвещенную бюрократию. Отечественные СМИ возникают по инициативе самой власти как инструмент трансляции утилитарной информации сверху вниз. Поскольку государство инициировало развитие СМИ, оно стремилось найти в журналистах пропагандистов и разъяснителей своих начинаний, а отнюдь не независимых посредников между собой и никогда не существовавшим в России гражданским обществом.

Соответственно в той мере, в какой отечественные СМИ чувствовали себя независимыми, они ставили перед собой задачу донести до высших лиц государства сведения «о нуждах, теснотах, разорении и всяких недостатках, чтобы те могли во всем поправить как лучше» (Ключевский В.О. Русская история. Кн. 2. М., 1993. С. 201.), т.е. выступали в традиционной для России роли мирского челобитчика и ходатая по мирским делам. Именно с этих позиций выступал бесцензурный герценовский «Колокол», в котором с первых номеров на все лады повторялась мысль о том, что из-за отсутствия гласности правительство отнимает у себя возможность знать правду и что гласность нужна для того, чтобы власти лучше понимали, что делается у них в стране.

Российская концепция гласности как нельзя более далека от западной

последняя основывается на протестантском убеждении в том, что у Истины «может быть не один образ» (Мильтон Дж. Ареопагитика /История печати: Антология. М., 2001. С. 60.) и что она может быть раздроблена между множеством носителей, а первая исходит из традиционного для российского православия тезиса о существовании привилегированного субъекта коммуникации, обладающего монополией на трансляцию Истины. Отсюда неизбежность постоянных и очень острых конфликтов между государством и журналистами (точнее, литературными критиками) за право быть единственным транслятором Истины и учить ей другую сторону.

Характерно, что как только когда журналисты все-таки пришли к власти (как известно, В.И. Ленин считал себя именно профессиональным публицистом), они создали государство, в котором носитель верховной власти присвоил себе права верховного критика, и выстроили целую иерархию привилегированных субъектов коммуникации. Дезинтеграция этой иерархии не привела, однако, к оправданию свободы слова, о чем, в частности, свидетельствует неспособность как современных российских властей, так и, что важнее, общества смириться с самим фактом существования «торговой журналистики», ориентированной не на поиск Истины, а на торговлю высококачественной информацией.

Поэтому дальнейшее развитие российской журналистики всецело определяется тем, насколько успешным окажется очередной этап

модернизации, и насколько привыются на отечественной почве структуры гражданского общества. Пока каждый этап модернизации только усиливает традиционные черты русской культуры. Об этом, в частности, свидетельствует и конфликт вокруг «НТВ». Бросается в глаза, что в процессе развития этого конфликта произошел отказ «НТВ» от следования западным нормам свободы слова (предполагающим объективность, беспристрастность, полноту сообщаемой информации) и возвращение к отечественным нормам, в основе которых – восприятие себя в качестве единственного транслятора Истины. Лучше всех эту позицию описал Н.А. Некрасов в стихотворении, посвященном

Н.Г. Чернышевскому: «его послал Бог гнева и печали/ Царям земли напомнить о Христе». Возвращение к этой нормальной для отечественных оппозиционных СМИ позиции превращает конфликт «НТВ» с государством во вполне традиционный и еще раз подчеркивает крайнюю устойчивость ментальных структур, которые определяют функционирование отечественных СМИ. Пока эти структуры вполне успешно противостоят информационной революции, так что обращенная к цензору максима Пушкина, подводящая итог перспективам российского свободного слова – «что нужно Лондону, то рано для Москвы», остается в полной силе.

О чем трещат дрессированные попугаи?

М.А. Фадеичева

«Быть здесь слушателем – несравненное преимущество. Не всякий имеет уши для Заратустры»

Фридрих Ницше

У меня заботу государства о нашей информационной безопасности и понимая, сколько еще у него важных дел, хочется бремя этой заботы оставить на своих плечах. Тем более, к этому просто обязывает Статья 19 Всеобщей декларации прав человека, где говорится, что каждый человек имеет право на свободу убеждений и свободное выражение их, что это право включает в себя «и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». Иными словами, каждый, кто в состоянии

подключить и чудо природы – здравый смысл. Это нужно для того, чтобы через интеллектуальное сито пропустить информацию, отжать, оставив необходимое, чтобы не стать жадной и голодной рыбой, заглатывающей любую, даже голый крючок.

Как известно, «имеющий уши, да слышит». Но эта затасканная сентенция неверна. Уши – лишь объективная предпосылка для слушания. Чтобы слышать, нужно уметь проделывать некую мыслительную процедуру, уметь осуществлять интеллектуальную аускультацию, критическое вслушивание с целью воссоздания подлинной картины событий.

Согласно данным вольных социологических исследований, самый критичный и пытливый слушатель составляет аудиторию радио «Свобода». Этот вывод свидетельствует о

нажать на кнопку пульта или приемника, может беспрепятственно это делать. Однако к чудесам техники следует

ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ

важнейшей ценностной ориентации, знающей, что такое “либерти лайф” и поэтому привлекаемой “Свободой в прямом эфире”.

Радио обладает по крайней мере одним бесспорным преимуществом: по радио ничего не видно. И задача заключается в том, чтобы никогда не увидеть того, кто говорит. Дельфийского оракула было принять слушать, а не разглядывать. Фантазия слушателя свободна, не занято зрение. Голос, звучащий в эфире, не отвлекает от дел, становясь зачастую внутренним голосом. Голос “Свободы” усваивается вместе с пищей, за завтраком, “за чаем, за кофе”, он уговаривает в полдень и убаюкивает перед сном. Голос “Свободы” завораживает. Здесь звучит неторопливая правильная речь, весьма отличная от заполняющей эфир небрежной скороговорки, вызванной к жизни нелепым подражанием, дефективной артикуляцией и плохой дикцией. И чем тревожней в мире, тем спокойнее голос “Свободы”, чем агрессивней “в эфире слушатель”, тем корректнее его собеседник. Когда в эфире – слушатель, желательно располагаться подальше от радиоприемника. Уж очень он, слушатель, ядовит. “Тьфу”, - и может образоваться незаживающая язвочка. Похоже, что звонят в студию особо опасные экземпляры. Что, впрочем, не случайно. Как говорится, если хочешь получить умный ответ, спрашивай умно. Или проще: каков вопрос, таков ответ. Или совсем по-народному: как аукнется, так и откликнется.

Вопросы, которые задает слушателям “Свобода”, как реакция Манту: цаарапнем и посмотрим, что будет, какого размера “пуговка”. Это всегда - так называемые вопросы к решению или неместоименные вопросы, которые содержат в себе требование найти истинный ответ среди суждений,

существовании тонкой социальной страты, выбравшей свободу в качестве

требующий ответа в форме “да” или “нет”. “Кажется ли Вам, что климат изменился?” “Все ли меры по спасению были приняты?..” Для того, кто находится в здравом уме и твердой памяти, подобные вопросы являются риторическими. Они не требуют ответа, ибо он очевиден. Во всем этом нельзя не услышать глубоко скрытой печальной иронии, где под маской серьезного прячется смешное, потому что оно обнаруживает глупое. А глупость всегда смешна, хоть и опасна.

На радио “Свобода” нет юмористических передач, и шутят мало, здесь нет режиссерской “отмашки” и “смеха за кадром”. Слушатель сам волен решать, когда и над чем ему смеяться. Единственным намеком и поводом для веселья может служить передача по письмам слушателей “Россия вчера, сегодня, завтра”. Эти письма Анатолий Стреляный должен читать не в эфире, а исполнять на эстраде. Писатели-юмористы отдыхают! И еще эти письма можно нюхать. Радио иногда пахнет. Затхлый запах пещерного антисоветизма неотличим от запаха плесени старых порядков.

А теперь перейдем к новостям часа. “Тщательно пережевывая пищу, ты помогаешь обществу”. Поэтому каждая новость должна быть тщательно пережевана: “краткая сводка новостей”, “новости в подробном изложении”, какова будет новость, новость подробнее, какова была новость. Поневоле заголосишь, заговоришь чужим голосом. Каждой, даже самой отвратительной, новости – наше многократное внимание. В политике, понятное дело, ничего доброго никогда и нигде вообще не происходит. К новостям науки... Наука всегда открывает что-то обязательно мерзкое или такое, что обслуживает уже имеющиеся мерзости. Социальные новости чаще всего поражают стихийными бедствиями, жертвами

находящихся под вопросительным знаком. Чтобы облегчить дело, чаще всего звучит особый вид этого типа вопросов – дихотомический вопрос,

ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ

отравились грибами, в том числе сорок детей, девяносто умерли...Все умерли». Новости культуры, как правило, освящают ее печальные страницы. «Прошло столько-то лет со дня гибели (смерти) знаменитого музыканта (композитора, актера), он в возрасте X лет скончался от наркотиков (алкоголизма) (покончил с собой). «Останки знаменитой балерины перезахоронены...» Весь этот ежечасно повторяющийся триллер, нагнетание жути, своеобразный культуркатастрофизм поневоле заставляют ощутить всю прелесть незатейливого российского существования «в четырех стенах домашнего обихода», на кухне или садовой грядке.

Но вот наступают «Сорок девять минут джаза». Самое ценное здесь, конечно, не джаз, а его сорок девять минут. Потому что ровно на пятидесятой минуте всплывает образ из коллективного бессознательного времен холодной войны: «сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст». Это не единственная из чуждых ценностей, которые, как считают некоторые, «нам подбрасывают».

Но кто же мы такие, если нехорошие люди из-за океана (из-за бугра, - кому как нравится) нам подбрасывают всякую бяку, а мы подбираем? Представляем ли мы собой общество?

...«Общество, для которого, как сказал Франсуа Мориак, XX век стал веком спорта». Интересно, сказал ли он что-нибудь еще? А Оствальд Шпенглер сказал, что спорт – атрибут цивилизации, которая есть гибель культуры, и это нехорошо. Впрочем, из всего того, что на нас давит, этот «Прессинг» не самый неприятный. Почти в каждой стране есть излюбленный вид спорта. В России им должен быть бег с барьерами, учитывая то, какое количество барьеров

катастроф... «Тридцать девять детей заболели менингитом в N.» «Сто восемьдесят человек утонули летом в Москве...» «Сто пятнадцать человек

встречающихся разновидностей барьера в России является забор, ласково именуется в народе «Через заборы».

Обняться с кем-нибудь и заплакать хочется, когда наступает «унылая пора» заунывной музычки к передаче «С христианской точки зрения». Конечно, может быть с этой точки зрения все так и выглядит. Не только православные, католики, протестанты пытаются научить, как достойно устроиться в мире, но и акулы свободы, аскалы эфира в комментариях дня. Все вместе взятое складывается в малопривлекательный портрет рода «Homo sapiens», гордо именуемого человечеством, с его попытками омницида, информационными и холодными войнами, «горячими собаками», красными знаменами, расовыми и национальными предрассудками, великими произведениями культуры, флогистонам и эфиром... Впрочем, как говорил один из героев Курта Воннегута: «Все – фома» / фома – ложь. – Прим. авт./ .

И все же на душе становится беспокойно, когда на знакомой волне слышится молчание. Чувствуешь себя ягненком. Стоит разбудить меня ночью и спросить адрес, как я отвечу: «Дабл ю, дабл ю, дабл ю Точка Свобода Точка Орг». «Свобода» должна быть, свободы должно быть много. Столько, сколько человек в состоянии вынести. Свобода как рога.«Я имею то, что я не потерял. Я не потерял рога. Следовательно, я их имею». Что бы «Свобода» ни говорила, если субъект по-настоящему свободен, то он будет ее слушать, будет думать и поступать по-своему.

Если бы великий кенигсбергский мыслитель Иммануил Кант жил не в XVIII веке, а в наши дни, он сказал бы непременно: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще

приходится преодолевать в жизни среднестатистическому россиянину. Поэтому передача «Поверх барьеров» вызывает большую симпатию слушателей и, поскольку одной из часто

ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ

и продолжительнее мы размышляем о них, - это звездное небо над нами и информационная безопасность внутри нас».

Непонятная Россия? Особенности интерпретации российских проблем американской журналистикой

А.Ю. Быков

Век информационных технологий потребовал от общества особого внимания к развитию коммуникационных процессов. Информационные потоки оказывают сегодня значительное воздействие на развитие ситуации в мире, а информационная составляющая становится одним из приоритетов государственной политики стран с развитыми социально-экономическими институтами.

Средства массовой информации, как посредник в диалоге между обществом и государством, в этой ситуации отражают наиболее характерные интересы обеих сторон.

В условиях стремительного развития событий на международной арене и определенного дефицита сведений, предоставляемых официальными структурами, зарубежные СМИ для отечественных наблюдателей становятся важным источником данных об изменении общественных настроений и государственных политических интересов различных стран в отношении России. Наиболее показательным примером является пресса Соединенных Штатов Америки – страны с развитой демократией, оказывающей активное воздействие на ход мировых процессов, выработавшей четкие правовые механизмы взаимодействия государства и СМИ, и накопившей значительный опыт освоения

для многих иностранцев остается загадочной и непонятной?

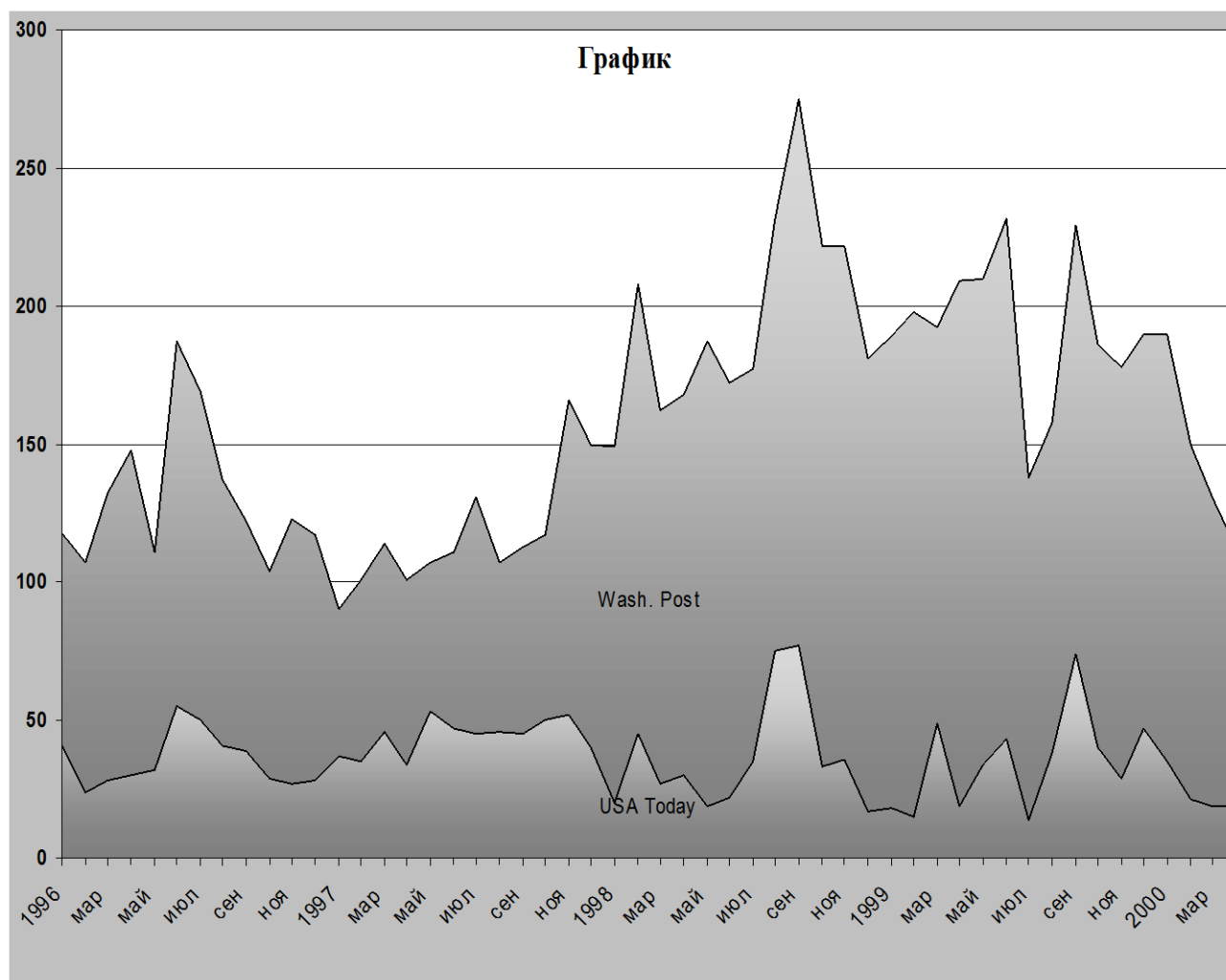
Российская тематика была широко представлена на страницах американской печати в конце 80-х – начале 90-х годов, во время распада Советского Союза, в годы начала политических и экономических преобразований в России, когда к событиям в нашей стране было приковано внимание всего мирового сообщества. Впоследствии интерес Запада к российским проблемам несколько ослаб, однако публикации о России продолжают занимать достаточно весомое место в американских СМИ.

Наиболее подробно проблемы России освещаются на страницах американских газет, имеющих самый крупный тираж в Соединенных Штатах и относящихся к разряду общественно-политических изданий – “Вашингтон Пост”, “Нью-Йорк Таймс”, “Уолл-Стрит Джорнэл” и “Ю.Эс.Эй. Тудэй”. Анализ публикаций этих изданий, посвященных российской тематике, за последние пять лет позволяет выделить темы, которым журналисты уделяли наибольшее внимание в 1996-2000 гг., - действия российской политической элиты, вооруженные конфликты, экономическая проблематика. При этом значительное увеличение количества публикаций о России в американских газетах было характерно для периода лета 1996 г.,

информационных рынков. Каким образом американские журналисты интерпретируют в своих изданиях проблемы страны, которая до сих пор

августа-сентября 1998 г., а также осени 1999 г. (см. График).

ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ

Очевидно, повышенное внимание к России со стороны западных журналистов было обусловлено значительными, неординарными событиями в современной истории нашей страны: июнь 1996 г. (президентские выборы в России и продолжающийся конфликт в Чечне), август-сентябрь 1998 г. (финансовый кризис), сентябрь 1999 г. (начало новой военной кампании на Северном Кавказе).

Образ российской политической элиты

В подавляющем большинстве статей

Ельцину американские газетчики проявляли во время предвыборной президентской кампании 1996 г. Борис Ельцин стал политиком, на которого делали ставки Соединенные Штаты Америки. Уже за несколько месяцев до дня выборов 16 июня 1996 г. почти в каждом номере указанных газет появлялись статьи, посвященные ситуации в России и Б.Ельцину, о котором писали в основном положительно. В американском сознании создавался положительный образ Ельцина и, наоборот, отрицательный

американских газет, посвященных российской политической элите, идет речь о первых лицах государства: на разных исторических этапах – о Борисе Ельцине и Владимире Путине.

Наиболее пристальное внимание к первому президенту России Борису

ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ

дальше по пути реформ, а другой хочет, если и не повернуть ход истории вспять, то уж точно приостановить рыночные преобразования. Реакция на подобного рода информацию со стороны американского общества, ценностями которого являются идеалы частной собственности и законы рынка, предсказуема.

Для создания привлекательного образа Ельцина в противовес Зюганову использовались изобразительные средства, оказывающие эмоционально-психологическое воздействие (фотографии, схемы, графики). На фотографиях с Зюгановым неизменно присутствовала коммунистическая символика, публиковались снимки, на которых у Зюганова угрожающее выражение лица, и т.д. Ельцин же на фото – в окружении доброжелательно настроенных людей, что может означать народную поддержку кандидата в президенты, фотокамеры запечатлели его рукопожатия с лидерами западных государств, и это – демонстрация намерений кандидата налаживать хорошие отношения с Западом. Очевидно, что этот прием способствовал созданию положительного имиджа Ельцина в сознании американского читателя.

Следует отметить, что американские журналисты и редакторы информировали читателя только об отдельных аспектах процессов и явлений, избегая анализа целостной информационной картины. Так, в общенациональной американской прессе накануне президентских выборов в России 1996 г., практически, не упоминалось о тех, кто выступал против политики Б.Ельцина и был готов проголосовать за лидера коммунистов.

образ его главного соперника Геннадия Зюганова.

«Ельцин и Зюганов начинают бороться за президентский пост» - один из заголовков публикации в “Уолл-Стрит Джорнэл” за 1996 г.(1) Первый, как писали авторы, обещает двигаться

реформ, что возможно только в случае победы Б.Ельцина.

Обращает внимание несколько схематичный подход американских журналистов к изображению российских лидеров. На первом месте – не личность человека, не его окружение, а то, насколько он удовлетворяет тем или иным принципам и установкам.

Примерно в таком же контексте в американской журналистике представлен образ другого российского президента – Владимира Путина. Первые прогнозы американских журналистов по поводу прихода в большую политику Путина были самыми благоприятными. Отмечалось, что россияне проголосовали за него, чтобы окончательно распрощаться с надоевшей им старой системой. Путин характеризовался, как «энергичный человек, спортсмен, умный политик, который является олицетворением патриотизма и профессионализма»(2), признавалось, что США могут иметь с ним дело.

Однако уже спустя некоторое время тональность публикаций о новом российском руководителе изменилась. И связано это было, очевидно, с тем, что Путин начал предпринимать действия, которые не соответствовали видению американскими политиками развития ситуации в России. Такие несовпадения касались принципиальных вопросов будущего устройства России.

Одна из таких проблем касается свободы, независимости средств массовой информации. Когда российские власти начали предпринимать силовые действия в отношении группы “Медиа-мост”, американские газетчики забили тревогу и подняли вопрос о перспективах существования независимой прессы в

Газетчики не уделяли внимания просчетам, ошибкам действующего президента. Сложности, с которыми сталкивалось российское общество, рассматривались в качестве временных и неизбежных, которые можно быстро преодолеть, если Россия в течение ближайшего времени не свернет с пути

ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ

раньше, вновь не обратили внимания на ряд важных моментов и не проанализировали полную информационную картину. Например, не рассматривались финансовые сделки «Медиа-моста», то есть те аспекты работы этой организации, которые вызвали нелицеприятные оценки со стороны правоохранительных органов, российских властей и ряда СМИ. В случае с А.Бабицким внимание акцентировалось именно на факте задержания журналиста, что, по словам газетчиков, говорит о воспрепятствовании со стороны российских властей свободному сбору информации. Но не было дано никакого комментария по поводу того, что в условиях войны на территории Чечни обязательно необходима аккредитация для работы журналиста, согласование передвижения с руководством вооруженных сил, со специальными службами, что проигнорировал Бабицкий.

Отметим, что действия политика журналисты вольно или невольно сопоставляют с официальной позицией Вашингтона, и, исходя из этого, делают комментарии.

Вооруженные конфликты.

Середина 1990-х, а также 1999 – 2000 гг. – время активных военных действий на территории Чечни. Американская печать и американская Администрация по этому вопросу, как и по ряду других (например, в отношении к российской политической элите, в вопросе о путях решения российских экономических проблем), также занимают сходные позиции. Исключается возможность решения чеченской проблемы вооруженным путем, считается необходимым для российской стороны

России. Они обвинили Путина в ущемлении свобод демократических СМИ. Нелицеприятные комментарии дали американские журналисты и по поводу задержания корреспондента Радио Свобода Андрея Бабицкого – и снова звучали обвинения в адрес Путина. Однако газетчики, как это было и

Первый этап характеризуется спокойным освещением хода военных действий в Чеченской республике. Журналисты не использовали в своих материалах ярких эпитетов, не рассматривали в подробностях происходящие события, избегали давать редакционные комментарии по данной проблеме. Работа журналистов, связанная с освещением чеченского конфликта, сводилась, практически, только к констатации фактов.

Такая политика редакций американских газет, скорее всего, была обусловлена ходом президентской предвыборной кампании в России. Журналисты и редакторы уделяли больше внимания выборам, а с другой стороны, острая критика действий Москвы в Чечне подрывала бы позиции Бориса Ельцина, на которого была сделана ставка Соединенными Штатами.

После победы Ельцина изменилась тональность публикаций. Война в Чечне предстала перед читателем как бессмысленная бойня, которую нужно немедленно прекратить. Большинство обвинений по поводу трагических событий на Северном Кавказе были направлены в адрес Кремля.

Еще один период обострения ситуации в Чечне – рубеж 1999 – 2000 гг. Хотя в прессе Соединенных Штатов Америки уже сложно отыскать столь однозначные комментарии, характерные для 1996 г., но принципиально взгляды американских журналистов и редакторов на чеченскую проблему, практически, не изменились. На страницах газет публикуются интервью с теми, кто побывал в Чечне и осуждает происходящее там насилие. Журналисты пытаются представить, как развивался

вести мирные переговоры с чеченцами, что в конечном итоге может привести к предоставлению Чечне политической независимости.

В 1996 г., в год президентских выборов, можно выделить два этапа в освещении чеченской кампании. Первый – во время предвыборной борьбы за пост президента России, и второй – после победы на выборах Б.Ельцина.

ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ

своему читателю, цитируя по этому поводу высказывания Билла Клинтона и других политических деятелей. Вот лишь одно из них, принадлежащее президенту США: «Россия, наконец, должна найти верный баланс между использованием силы и уважением прав личности и соблюдением международных норм. В Чечне такой баланс не найден»(3).

Позиция изданий снова оказалась близкой позиции официального Вашингтона. Проблему войны в Чечне журналисты главным образом рассматривали с точки зрения того, насколько развитие ситуации отвечает интересам Соединенных Штатов.

Экономические проблемы

Следует отметить, что о российских экономических проблемах газетчики писали достаточно взвешенно, не давали крайних оценок, не делали необоснованных выводов. При этом на оценку американских журналистов экономической ситуации в России значительное влияние оказывал фактор хода рыночных преобразований. Они сопоставляли положение в российской экономике с принципами свободного рынка.

Много внимания уделялось, например, забастовкам шахтеров. Шахтеры не были довольны тем, что им вовремя не выплачивают зарплату, тем, что власти не уделяют внимания их социальным проблемам и развитию угольной отрасли в целом. В чем причина? – ставится вопрос в американской прессе. Причина в деформированном представлении российских лидеров разных уровней о развитии экономики. «Советский стиль управления не научил руководителей

бы конфликт, подобный чеченскому, где-нибудь в странах Запада. И приходят к выводу, что такое просто невозможно. А смысл публикаций вновь сводится к тому, что войну необходимо остановить и решать все спорные вопросы политическим путем, путем переговоров с чеченцами. Так, “Ю.Эс.Эй. Тудэй” неоднократно напоминала об этом

который по-новому, по-рыночному подходит к решению таких проблем. Это – директор Российской угольной компании Юрий Малышев, понимающий, что больше нельзя старыми административными методами решать такие вопросы.

Наиболее показательным моментом в подходе к освещению социально-экономической ситуации в России был финансовый кризис 1998 г. Многие газеты сочувственно отнеслись к российским лидерам, оказавшимся в столь непростом положении. Американские газетчики высказывали мысль о том, что Америка должна продолжать помогать России в этой непростой ситуации. Вместе с тем, журналисты были убеждены, что и в этом случае усилия американского правительства следует направлять на содействие развитию рыночной экономики: «сейчас не время отворачиваться от России, мы должны помочь ей преодолеть трудности и продвигаться дальше по пути рыночных преобразований»(5), – отмечал в своем комментарии корреспондент “Нью-Йорк Таймс”.

Приверженность России рыночному укладу жизни по западному образцу, судя по публикациям в американской печати, неизбежно должна была способствовать решению не только экономических, но и социальных проблем.

Таким образом, при освещении экономической проблематики, журналисты также придерживались приоритетов американской внешней политики. Позиция прессы во многом совпадала с официальной позицией

предприятий самостоятельно принимать решения. Советский стиль не предусматривал конкуренцию, а только конкуренция в каждом сегменте рынка – гарантия эффективного развития экономики. В России изменяется ситуация, и поэтому на смену старым директорам должны придти новые, те, кто умеет по-новому работать»(4), – пишет “Нью-Йорк Таймс”. И тут же представлена публикация о человеке,

ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ

При наличии в российском обществе и российских СМИ различных точек зрения по поводу ареста и дальнейшей судьбы П.Бородина в американской печати, напротив, присутствовали схожие комментарии. Американские журналисты, как и официальный Вашингтон, даже не подвергали сомнению моральные и юридические аспекты факта ареста российско-белорусского чиновника. После начала крупномасштабной контртеррористической операции осенью 2001 г. политика американского государства в отношении СМИ ужесточилась. Подтверждением этому может служить обращение Госдепартамента США к радиостанции “Голос Америки” с просьбой не выпускать в эфир интервью с лидером талибов муллой Мухаммадом Омаром, снятие с

Вашингтона, и в частности, в том, что в российской экономике необходимо активно проводить рыночные преобразования.

В настоящее время сохраняется тенденция непротиворечия внешней политики американских властей и ее отражения в политической прессе. Примером может служить ситуация с арестом госсекретаря российско-белорусского союза Павла Бородина.

эфира популярной дискуссионной программы телекомпании ABC “Политически некорректно” за критику в адрес вооруженных сил США, объявление Пентагона о начале интенсивной информационной войны. Следствием может быть укрепление обозначенных выше тенденций информационной политики. Не означает ли это, что освещение в американских СМИ российской проблематики в обозримом будущем будет скорее соответствовать официальному курсу властей и в меньшей степени – представлять всю полноту информационной картины? И не останется ли в этом случае Россия для американцев все такой же загадочной и непонятной, какой она была до самого последнего времени?

Примечания ▼

1	Wall Street Journal. – 1996. – Feb.16. – P.A6.
2	Russia`s New Direction // New York Times. – 2000. – April 24. – P.A7.
3	Komarow S. Russia`s Putin focuses on Chechnya // U.S.A. Today. – 2000. – Jan. 3. – P.A16.
4	Gordon M. Woes of Modern Russia Mirrored In the Decline of Its Coal Mines // New York Times. – 1996. – Febr. 29. – P.A1.
5	Гусейнов Э. Лучшее у России опять впереди // Известия. 12 янв. 2000г. С.9.
6	Nasar S. Denied Western Funds, Russia Makes Its Choices // New York Times. – 1998. – Aug.18. – P.A8.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Морфологические характеристики предвыборных слоганов.

К.В. Киселев

Прикладной анализ суггестивности любого текста предполагает прежде всего характеристику его морфологического строения. И, казалось бы, что политические консультанты должны стройными рядами выстраиваться в очередь у столпов филологии. Однако, оказывается, что морфологический анализ политических текстов в большей степени интересен лингвистам, чем политконсультантам и самим кандидатам. При этом, в своем игнорировании семантической проблематики консультанты руководствуются исключительно прагматичными соображениями. Например, если ставится вопрос о публичном выступлении, то проблемы, которые решаются в первую очередь, связаны не с собственно с текстом, а с техникой его обнародования. И чаще всего решение технических проблем настолько принципиально, что до вопросов морфологии текста руки просто-напросто не доходят.

Аналогичная ситуация с письменными текстами. Причем, чем больше по объему, «длиннее» текст, тем меньшее желание обращаться к специалистам посещает политических акторов. Прагматичные политические консультанты вполне здраво понимают, что объемный текст должен обладать прежде всего и главным образом

единственным случае проблемы морфологического построения политического текста привлекают внимание политиков и их консультантов. Речь идет о составлении и использовании политических, уже, предвыборных, слоганов. Текст слогана, с одной стороны, малообъемен и, таким образом, семантически прозрачен даже для неспециалиста. С другой стороны, слоган считается одним из принципиальных составляющих кампании в силу своей многотиражности.

Существует ряд морфологических проблем, с которыми в политической рекламе, в частности, при составлении слоганов, приходится сталкиваться достаточно часто. Можно выделить, как минимум, четыре такие проблемы:

- употребление в слоганах глаголов и глагольных форм;
- использование личных и притяжательных местоимений;
- допустимость использования прилагательных и наречий в сравнительной и превосходной степени;
- допустимость применения отрицательных частиц.

Употребление *глаголов (глагольных форм)* и *существительных* в самых различных текстах - проблема известная уже давно, и ее решение приводит к интересным с точки зрения проявления креативности результатам. Известно,

характеристиками рациональной убедительности. И, пожалуй, в

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

морфологических экспериментов. Например, М.Цветаева, которая мастерски использовала энергию «живых глаголов», в то же время говорила, что не любит глаголов.

Хорошо известны безглагольные стихотворения М.Цветаевой. Позволим себе процитировать из цикла «Стихи к Чехии» лишь один стих, в котором динамика достигается за счет фонетических сочетаний, а глагольные формы даже не подразумеваются, не слышатся.

«Не бесы – за иноком,
Не горе – за гением,
Не горной лавины ком,
Не вал наводнения, -
Не красный пожар лесной,
Не заяц - по зарослям,
Не ветлы – под бурею,
За фюрером – фурии!»

Составление слоганов - процесс в большинстве случаев много более простой, чем поэтическое творчество (во всяком случае не каждый слоганист способен писать плохие стихи, но любой поэт может быть плохим слоганистом), но «правило» при написании стихов и составлении слоганов одно – «качественный» результат может быть получен из любых единиц языка. При этом, некоторые выводы из практики слоганистики, связанные с употреблением глаголов и существительных, очевидно уже можно сделать.

Во-первых, дело в том, что глагол во многих случаях менее содержателен, в нем кроется меньше смыслов, чем в большинстве существительных, но глагол обладает большей степенью мобилизационности. Например, такие известные глагольные слоганы «Голосуй или проиграешь!» и «Выбирайте сердцем!», вообще были лишены каких-либо содержательных конкретизаций (в отличие, например, от предвыборного

например, множество поэтико-

глагола на бессознательное «выбирайте сердцем» (См.: Чередниченко Т. Россия 1990-х в слоганах, рейтингах, имиджах/ Актуальный лексикон истории культуры. – М.: 1999. – С.183).

Во-вторых, глагол в отличие от существительного в меньшей степени требует смысловой конкретизации. Например, обещание *помогать* менее конкретно, чем обещание *помощи*. *Помощь* нужна сегодня и сейчас, а обещание *помогать* относится к неопределенному будущему. Обещание *помощи* измеряемо килограммами, метрами и литрами, а обещание *помогать* измеряется степенью честности и ответственности, то есть единицами весьма неопределенными. Избиратели готовы выстраиваться в очередь для желающих, чтобы им когда-то в чем-то *помогли*, но *помощь* им должны принести на дом и немедленно.

В-третьих, с позиций восприимчивости слогана глаголы вообще не заменимы. Насыщенный глаголами текст более читаем, более динамичен. Причем, чем выше процент «глагольной насыщенности», тем более читаем текст (См.например: Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы. М., 1995, С.24.). Статичные существительные приобретают динамику либо благодаря глаголам, либо за счет фонетической организации текста. При этом, добиться фонетического динамизма гораздо сложнее, чем «ввести» в слоган глаголы. Именно глаголом «жгут сердца людей». Существительные на роль огнива или фитиля не годятся. Если слоган, состоящий из трех существительных, вполне читаем, то четыре существительных подряд уже создают проблемы восприятия. Сравните, например, «простой» слоган из трех существительных - «Активность! Компетентность! Профессионализм!», и «сложный» - «Активность! Трудолюбие! Компетентность! Профессионализм!».

лозунга А.И.Лебеда «Закон и порядок») и обращены к рефлексу немедленного действия через «замыкание» глагола на глагол – «голосуй ... проиграешь», или

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

«легче»: «Активничать в трудолюбии! Компетентить в профессионализме!». И все, проблема решена.

При этом, безглагольные слоганы гораздо более распространены, чем слоганы, состоящие из одних глаголов. Основная причина этого, на наш взгляд, проста. Если, например, конструктор качеств, состоящий из существительных, прост в применении, а слоганы, полученные с помощью этого конструктора, беспроигрышны, то составить состоящий из одних глаголов слоган не то, чтобы не просто, а просто сложно. Возможно, использование таких слоганов – не есть лучший вариант, но то, что этот вариант привлекателен именно с точки зрения своей неординарности - факт, а возможности глагольных слоганов не то, чтобы не исчерпаны, они практически не использовались (Вполне можно составить из глаголов свой конструктор: делать, голосовать, помогать, выбирать, доверять, проверять, верить, работать, трудиться, знать, уметь, объединять, надеяться, помнить, защищать, думать, управлять и т.д. Слоганы «Доверять и проверять», «Думать и управлять», «Уметь руководить», «Хотеть и мочь», «Смотреть, видеть, наблюдать» и иные вполне могут быть использованы в избирательных кампаниях.). Два – три десятка глагольных слоганов – мизерная часть всего лексического объема, наработанного слоганистами за семь лет.

Рекомендация использовать *личные и притяжательные местоимения* представляется достаточно известной. С утверждением о том, что личные и притяжательные местоимения повышают уровень доверительности и причастности, позволяют преодолеть анонимность, спорить бессмысленно. Но это верное утверждение, отнюдь, не предполагает того, чтобы указанные

Второй гораздо тяжеловеснее. Но достаточно ввести пару глаголов даже в четырехзвенный слоган, и он станет

притяжательное местоимение.

Используя личные местоимения первого лица, слоганисты, безусловно, отдают предпочтение местоимению «мы». По нашим подсчетам местоимение «мы» употребляется в политических слоганах примерно в 2,5 – 3 раза чаще местоимения «я». В подавляющем большинстве случаев «мы» действительно более предпочтительно, чем «я».

Во-первых, «мы» более неопределенно, чем «я», и позволяет кандидату избежать прямой «ответственности». Неизмеримо проще сказать «мы не смогли», чем «я не смог». Во-вторых, в «мы» выражается причастность адресата обращения к «великим» делам кандидата. Прочитываемое избирателем «мы» часто имеет значение «вместе», «мы с вами». Кинчевское «Мы вместе!» объединяет, заставляет вскидывать руки вверх и щелкать зажигалками. В-третьих, основная часть избирателей до сих пор отучена от «яканья», привыкнув с детского сада считать, что «я» – последняя буква алфавита. «Яканье» вызывает протест у части избирателей, готовых только из-за этого обвинить кандидата в нескромности. В-четвертых, «Я» заставляет сомневаться, тогда как «мы» лишено сомнительных интонаций. Утверждение «Я сделаю это» вызывает сомнение – «сделает ли?» Утверждение «Мы сделаем это вместе» сомнений практически не вызывает – «конечно, вместе мы это сделаем».

При этом, следует отметить, что против «я» в целом ряде конкретных случаев и сегодня нет никаких противопоказаний. Например, «я» в слогане кандидата известного, масштабного, значимого может выглядеть более органично, чем «мы». Но тогда «я» должно звучать как «Я». Еще более органично «Я» в *масштабных*

местоимения к месту и не к месту вставляли во все политические слоганы. Тем более, что, по нашим подсчетам, примерно каждый четвертый слоган и так содержит личное или

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

самодостаточно, оно не требует обсуждения, оно звучит как призыв, как приказ. С другой стороны, «Мы дадим друг другу волю» или «Мы дадим вам волю» воспринимается странно. Так может сказать Г.Явлинский или Б.Немцов, а потом долго рассуждать о способах, путях, причинах и последствиях.

Текст слогана малоизвестного кандидата «Все, что я делаю в своей жизни – я делаю основательно и на совесть!» вызывает сомнения (так ли?), провоцирует сравнение и следующее отторжение (я и сам все делаю на совесть!), тогда как листовка Э.Россея, политика авторитетного и масштабного, «Рядом с ним – надежно! – «Дорогие мои старики, я с вами!», - действительно вызывает ощущение надежности даже при наличии сомнений в искренности и уверенности «бедных стариков» в благосостоянии кандидата.

Боясь «якать», кандидаты иногда пытаются смягчить «я». Один из способов такого смягчения - использование в одном слогане обоих местоимений: «Я знаю, что надо сделать. Я знаю, как это сделать. Мы сделаем это вместе с Вами».

С точки зрения частоты употребления еще более дифференцированная ситуация с употреблением притяжательных местоимений «наш» и «мой». «Наш» употребляется в четыре – пять раз чаще, чем «мой». Причины те же, что и с личными местоимениями первого лица. Заметим, что, по нашим подсчетам, именно местоимение «наш» лидирует по частоте использования в слоганах, опережая личное «мы» примерно в 1,1 – 1,2 раза.

Личные местоимения второго лица «ты» и «вы» встречаются значительно реже, чем местоимения первого лица (примерно в семь – восемь раз). При

обещаниях *масштабных* политиков. Харизматичное «Я пришел дать вам волю» звучит, мобилизует. Так может сказать С.Разин и В.Шукшин, Б.Ельцин и В.Жириновский. Это обещание

известных нам слоганов, в которых используется «ты», обращаются к молодежи и студентам: «Студент! Помни, что не имеют права голоса: труп, умалишенный, малолетний, заключенный. Если ты не труп, не умалишенный, не малолетний, не заключенный, воспользуйся своим правом!!! Голосуй за Николая Овчинникова», «Студент! Ты молод, сексуален, независим!», «Ты – прав!». Обращенное к «взрослым» серьезное послание «Ты - член великой нации, а не индеец в резервации!» воспринимается как политический курьез.

Ситуация с использованием в слоганах притяжательных местоимений «ваш» и «твой» аналогична тому, как употребляются «наш» и «мой». Правда, «ваш» опережает «твой» более существенно, примерно в 8 раз. А притяжательное «ваш» опережает личное «вы» уже не на 10 – 20 процентов, а в 3 – 4 раза. «Молодежность» менее выражена при использовании местоимения «твой», хотя и такое словоупотребление встречается: «Парень, в стороне не стой, не будь равнодушен, твой голос нужен!».

Личные местоимения третьего лица используются в слоганах с той же частотой, что и местоимения второго лица. «Он» в подавляющем большинстве случаев применяется для характеристики самого кандидата: «Дороги, которые мы выбираем, строит он», «Он всего добивается своим трудом», «Он знает Вас. Он знает Ваши проблемы. Он Вам поможет», «Он – профессионал», «Поддержим, он - наш кандидат!». «Они» встречается много реже, чем «он». Можно сказать, что слоганы с местоимением «они» чрезвычайно редки, единичны. Причем, «они» несет в себе явный негативный

этом соотношение по частоте употребления между ними сохраняется: 2,5 – 3 к 1 в пользу «вы». Преимущества «вы» при обращении к избирателю очевидны. «Ты» рассчитано на определенную аудиторию. Большинство

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

тем дольше проживешь. Сегодня за здоровье наполняют рюмки, а надо наполнять бюджет») контексте.

С использованием местоимений «его» и «их» в слоганах ситуация меняется. Если «ваш» и «наш» употребляется много чаще, чем «твой» и «мой», то «их» звучит в слоганах в 2,5 - 3 раза реже, чем «его». К тому же, «их» в слоганах обезличивается и «притягивается» к проблемам, избирателям и т.п. «Его» и «он» имеют примерно равную частоту употребления и могут даже употребляться вместе: «Это его дом. Это его двор. Это его город. Город, в котором он депутат. Дмитрий Гусев: «Парень из нашего двора».

Таким образом, практика, которая, как известно, всегда конкретна, «одобряет» использование «мы», «наш», «вы», «ваш», «он», «его» и не исключает «я», «мой», «ты», «твой», «их».

Проблема *использования превосходной и сравнительной степеней сравнения прилагательных и наречий* должна быть, на наш взгляд, сформулирована как проблема допустимости такого использования. Дело в том, что однозначность в восхвалении кандидата в большинстве случаев вызывает сомнение и отторжение, которые приходится нейтрализовывать чаще всего, отнюдь, не политико-семантическими средствами, а, например, частотой повторения слогана.

Применимость превосходных степеней зависит от «масштаба», известности продвигаемой фигуры. Слоганы «Игорь Ковпак – лучший выбор!», «Выбери лучшего», «Выбирай лучшее» лишены политических коннотаций, но несут негативный заряд, вызывая недоверие и оскомину своей избитостью. В то же время, если сравнительные и

оттенки (Кто виноват? - Они! Кто продал Россию? - Они!). Поэтому, в слоганах «они» используются не только в позитивном («Верь людям, и они поверят тебе»), но и в негативном («Они думают, что чем больше сэкономишь,

человек». И то, и другое не вызывает однозначного отторжения в Екатеринбурге и Свердловской области.

Иногда в коммерческой рекламе предлагается преодоление негативного восприятия прилагательных и наречий в сравнительной и превосходной степенях с помощью введения слов «смягчающих» однозначность сравнительных утверждений. Но далеко не все дополнительные лексемы, предлагаемые коммерческой рекламой, применимы. Если в коммерческой рекламе можно заявить, что «Карлсберг – возможно, лучшее пиво в мире», то в политическом тексте прямое сомнение в подавляющем большинстве случаев не допустимо. В политическом контексте слоганы «Иванов – вероятно, лучший выбор», «Рабинович – возможно, самый перспективный кандидат», «Скорее всего, нет никого, лучше Махмудова» звучат, по меньшей мере, не однозначно.

Таким образом, если общий принцип смягчения прилагательных и наречий, употребляемых в сравнительных степенях, путем использования дополнительных слов, верен, то его применение в политических слоганах требует корректировки. Поэтому, соглашаясь с общей схемой смягчения прилагательных и наречий, употребляемых в сравнительных степенях, путем использования дополнительных слов, необходимо принципиально изменить логику этой схемы. Один из возможных вариантов – усиление уже и так однозначного утверждения: «Иванов, конечно, наш лучший выбор», «Рабинович – без сомнения самый перспективный кандидат» и т.д. Такое двойное утверждение способствует нейтрализации пафоса, задаваемого

превосходные степени применяются для характеристики значимой, известной фигуры, то воспринимаются они уже более спокойно. Для характеристики Э.Росселя вполне применим слоган «Самый перспективный кандидат!», а популярного мэра Екатеринбурга можно охарактеризовать «Самый надежный

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

но для иных целей вполне допустимо и даже полезно: «Будем добрее друг к другу», «Зарплата важнее..», «Будущее более надежно, чем прошлое», «Дело важнее тысячи слов!», «Хорошее вернется, лучшее построим».

Итак, превосходные степени в слоганах допустимы при соблюдении известной политико-семантической осторожности для характеристики кандидатов и вполне применимы при составлении слоганов-призывов, слоганов-обещаний, слоганов-противопоставлений и иных текстов безличностного характера.

Вопрос об использовании *отрицательных частиц* в рекламном политическом тексте теоретиками рекламы умозрительно решается чаще всего однозначно: чем меньше отрицательных частиц, тем лучше. Слоганы исключения не составляют. Однако, практика составления и использования слоганов говорит об обратном. Отрицательные частицы «не» и «ни» встречаются, по нашим подсчетам, примерно в каждом 10-12 слогане. При этом, отрицание «ни» (само по себе) встречается исключительно редко, тогда как «не», как говорится, сплошь и рядом. Если «ни» нужно искать, то «не» само попадает на глаза. Более того, в не многих известных нам слоганах с частицей «ни», «ни» лишь сопровождает «не», усиливая первоначальное отрицание: «Мы больше не верим ни этим, ни тем, но снова должны выбирать... Доверьте решение Ваших проблем тому, кто умеет решать!».

Очевидно, что вопрос о допустимости употребления отрицательных частиц может быть решен лишь с учетом того, какая коммуникативная техника

превосходной степенью. С другой стороны, удвоение утверждения приводит к сохранению и даже «усилению» смысла текста слогана.

При этом, использование степеней сравнения прилагательных и наречий не для характеристики самих кандидатов,

трудящихся, а не грабителей! За победу!», «Мы не боремся с коммунизмом, мы боремся с нищетой!», «Крупных задач не боятся – их решают». Вполне допустимо употребление отрицательных частиц в слоганах-вопросах: «Кто, если не мы!?», «Старые проблемы. Старые разговоры. Не надоело? Выбери новое решение». Аналогичная ситуация с использованием слоганов-призывов, в которых отрицание допустимо: «Попробуй – не пожалеешь!», «Не ошибитесь в выборе!», «Не промахнитесь! Сделайте правильный выбор!», «Не дадим продать Урал!», «Наш дом Россия: Не допустим революций», «Не бойтесь перемен!».

В то же время использование отрицания с слоганах-характеристиках вызывает вопросы. Слоган «Это не просто Раптанов» вызывает вопросы: «А где просто Раптанов?», «А кто этот непростой Раптанов? Может он еще проще, чем слесарь дядя Вася?». Характеристика кандидатом самого себя «Я не обещаю, а делаю» также воспринимается настороженно: «Что он делает?», «Почему мы должны ему верить?», «Наверняка только обещает, а не делает!».

Заметим, что семантическая проблематика актуализировалась на практике не так давно, примерно последние три-четыре года. Первоначально практики от политической науки, составляя предвыборные слоганы, рассуждали просто (и уже потому правильно!) – «звучит – не звучит», «понятно – не понятно», «сработает – не сработает». В самых критических случаях у них для проверки выдвинутых предположений

используется при составлении слогана.

В том случае, если используется техника противопоставления, то отрицание не только допустимо, но необходимо: «Власть для людей, а не люди для власти», «Выходить на улицу будут бояться не честные люди, а жулики и тунеядцы», «Голосуй не за страх, а за совесть!», «За власть

оказывался метод фокус-групп, которые могли «рассказать» о слоганах все, о чем консультант и не подозревал. Ситуация менялась постепенно. Сегодня решение семантических проблем, в том числе проблем морфологии при составлении слоганов, становится принципиальным делом для любой более или менее значимой кампании.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Взаимные вызовы в семантическом поле слоганистики встречаются все чаще. Например, «Союз правых сил» в кампании 1999 года весьма успешно отыграл у «левых» значительные участки символического ряда, ограниченного лексемами «правда – право». На наш взгляд, до 1999 года лексические единицы «правда», «правый», «право» и т.п., имеющие корень «прав», использовались прежде всего и главным образом левыми партиями и движениями. «Правовое государство», предлагаемое в середине – конце 80-х гг. демократами первой волны, было ими же дискредитировано. Понятно, что указанный символический ряд ассоциировался у избирателей именно с

левыми.

Выборы 1999 г. изменили ситуацию. Люди старших возрастов голосовали за СПС не только потому, что они соответственно «усыновили» и «удочерили» С.Кириенко и И.Хакамаду, но и потому, что «дети» использовали символы, опирающиеся на лексемы из знакомого и понятного старшему поколению лексического набора. Ситуация в сфере семантической политики, связанная с конкуренцией СПС и КПРФ, не единична. Такого рода принципиальные семантические, в том числе морфологические, проблемы встречаются все чаще, а их значимость возрастает от кампании к кампании, от выборов к выборам.

Провокаторы политического общения

В.Б. Куликов, А.В. Тихомиров

Политика представляет собой уникальный конгломерат явлений, в который в качестве движущей силы изначально заложен конфликт. Субъекты политического процесса постоянно балансируют на границе нормы и патологии, отличаясь поступками и поведением экстремистов.

Впрочем, подобное балансирование характерно для многих профессиональных видов деятельности (например, психиатр, хирург, милиционер, научный работник, писатель, поэт, художник, режиссер,

являются необходимыми структурными элементами профессиональной формулы как самого политика, так и тех индивидов, которые выступают как провокаторы политического общения, – истероидов, маниакальных личностей, параноидов, эпилептоидов.

При публичных выступлениях, встречах с группами избирателей, на пресс-конференциях, интервью, теледебатах последние обращают на себя внимание постоянной готовностью к разрушению отношений, скандалам и ссорам. В то же время, согласно закону «единства и борьбы

педагог и т.д.). Политика отличает именно способность к созиданию конфликта, особое чутье к его еще только потенциальной фазе. Это совершенно необходимое профессиональное качество политика в просторечии часто называется интриганством, авантюризмом.

Эпилептоидные, параноидные, маниакальные и истероидные тенденции

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

provokatorov политического конфликта.

Истероид ▼

Психологическая характеристика

Истероидов легко узнать по манере двигаться и говорить. Они выделяются среди окружающих ярким и экстравагантным внешним видом, тенденциями к театральности и экзальтации. В одежде, как и во всем, предпочитают яркие и контрастные цвета. Их хорошо поставленный, рассчитанный на слушателей голос часто бывает слышен в трамваях и на улицах.

Главная цель истероидов – оказаться в центре внимания. Ради этого они не брезгают никакими средствами, при этом им неважно, хвалят их или ругают. На невнимание к своей персоне могут реагировать невротическими припадками. При этом их залихватский, «жизнерадостный» смех бывает весьма и весьма обманчивым.

В момент разрядки патологических аффектов истероиды могут причинять себе незначительные увечья «с морем крови», закатывать спектакли с разбиванием предметов и расцарапыванием лица.

Истероиды чаще встречаются среди женщин.

Клинические примеры

Хлестаков, О.Бендер

Доминирующие черты

- Демонстративность, т.е. стремление быть в центре внимания, причем любой ценой
- Жажда почитания и признания
- Коммуникабельность

противоположностей», это противодействие является необходимым условием успешного функционирования всех участников политического процесса и течения политических дел.

Рассмотрим основные эмоциональные, психологические и личностные характеристики психотипов, ранее обозначенных как представители класса «политических акцентуантов» –

- Театральность и драматизация поведения
- Телосложение бегуна на длинные дистанции или гимнаста

Факторы риска (чем опасен):

- Способность к интригам и демагогии
- Лживость и лицемерие
- Склонность к необдуманному риску
- Бахвальство
- Завышенная самооценка и обидчивость
- Непредсказуемость

Слабые места

- Невысокий интеллект
- Неспособность переносить удары по самолюбию
- Разоблачение его вымыслов
- Высмеивание
- Утомляемость

Техника нейтрализации

- «Терапевтическая пощечина»
- Игнорирование
- Техника «бумеранга»

Психологическое состояние политика

- Спокойствие
- Бойцовское возбуждение

Техника диалога

«Терапевтическая пощечина»:

«Когда вы задаете мне этот вопрос, что вы, на самом деле, хотите?»

«Вы знаете, я не ваш лечащий врач и не могу им быть. У меня другие цели и задачи».

Игнорирование:

«Хорошо. Мне все понятно. Перейдем к следующему вопросу».

- Стремление понравиться
- Постоянная взвинченность
- Требование любви к себе
- Лживость

Внешние сигналы

- Яркая внешность
- Заламывание рук
- Активная мимика и жестикуляция
- Трагическая или крикливая речь

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

- «Я так надеюсь на вас...»
- «Только Вы сможете...»

Маниакальный тип ▼

Психологическая характеристика

Маниакальным можно назвать человека с бурным темпераментом, неспособного ни минуты просидеть на месте спокойно. Он может взяться сразу за несколько дел и бросить их уже на следующий день, так и не сделав ни одного.

У него много приятелей, но крайне мало друзей. С людьми знакомится легко, но их дружбой нисколько не дорожит. «Другом» для него может стать практически любой человек с улицы, о котором он завтра уже забудет.

В него все «проваливается», словно в дырявое решето: деньги, друзья, отношения. Это будет продолжаться до тех пор, пока его не «успокоит» какое-либо сильное эмоциональное потрясение или заболевание.

В минуты эмоционального порыва маниакальный тип способен совершить самый отчаянный поступок, который буквально через несколько минут ему самому покажется странным.

Отличаются развитым чувством юмора и постоянно приподнятым настроением, которое трудно чем-либо испортить. Среди них можно встретить немало «двоюродных братьев барона Мюнхгаузена» и «детей лейтенанта Шмидта», весьма любящих приврать и похвастать при случае.

Опасность представителей этого психотипа заключается в том, что, прирожденные лидеры и ораторы, они могут в совершенстве овладеть

Контраст:

«Мне нравится ваше спокойствие и выдержка»

«Вы задаете очень хороший тон»

Ключевые слова истероида

- «Ах! Ох! Эх!»
- «Если бы Вы знали...»
- «Я так ждала...»
- «Я так рада...»
- «Я так страдала...»

- обращенность на окружающий мир
- Радость от общения, разговорчивость
- Энергичность и активность
- Склонность к разбрасыванию
- Необидчивость

Внешние сигналы

- Активная жестикуляция
- Повышенная речевая активность
- Чаще полные и «круглые» по конституции

Факторы риска (чем опасен)

- Готовность пойти на бессмысленный риск
- Грубость
- Склонность к прожектерству и аморальным поступкам
- Склонность разбрасываться
- Соскальзывание с темы на тему
- Фамильярность
- Речевая агрессивность

Слабые места

- Поверхностность суждений
 - Неспособность долгое время сосредотачиваться на одном
 - Неорганизованность
 - Легкомыслие
- Техника нейтрализации
- Техника «бумеранга»
 - Задержки времени
 - Техника похвалы

Психологическое состояние политика

Спокойствие

Доброжелательность

Техника диалога (похвала и «отзеркаливание»):

искусством унижения и втапывания в грязь других людей, в чем им не бывает равных.

Клинические типы

Ноздрев, барон Мюнхгаузен, «Карлсон, который живет на крыше», Винни-Пух.

Доминирующие черты

- Постоянно повышенное настроение
- Экстравертированность, т.е.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Параноик ▼

Психологическая характеристика:

Параноики отличаются от других индивидов повышенной целеустремленностью, порой патологическим «залипанием» на цели, к которой способны двигаться на протяжении всей своей жизни, не останавливаясь при ее достижении ни перед чем. Людей они, чаще всего, расценивают как необходимый для успеха их дела «материал». Друзья для них — это, в первую очередь, «коллеги», с которыми они без всякого сожаления расстанутся, как только те, с их точки зрения, «предадут дело».

На критику в свой адрес реагируют болезненно агрессивно, поэтому в любом коллективе сразу же обращают на себя внимание повышенной конфликтностью (чаще всего вокруг них образуется «мертвая зона»). Их эгоизм связан с чувством превосходства над окружающими, крайним тщеславием, верой в свою исключительность, гениальность и мессианство.

Их любопытство и наблюдательность в любой момент могут перейти в подозрительность и осторожность. Вследствие чрезмерно развитой проекции могут с легкостью приписать другим людям мысли и поступки, которые, на самом деле, свойственны им самим.

Клинические типы

Комиссар Швондер («Собачье сердце»), профессор Персикив («Роковые яйца»), инженер Гарин

— В вашем вопросе чувствуется энергия, и мне это нравится. Поверьте, я тоже энергичный человек.

Ключевые слова маниакальной личности

«Сколько можно бездействовать — надо работать!»

«Хватит болтовни!»

«Надо дело делать!»

Внешние сигналы

- Жилисто-лептосомное телосложение
- Агрессивная поза
- Тычки пальцем, кулаками в сторону оппонента и вниз

Факторы риска (чем опасен)

- Склонность к сутяжничеству и жалобам в судебные инстанции
- Патологическое влечение к борьбе за справедливость
- Подозрительность
- Застывание на одной теме
- Абсолютная уверенность в правоте своих логических построений

Слабые места

- Крайнее честолюбие
- Некритичность к себе
- Болезненная реакция на критику

Техника нейтрализации

- Техника «да, но...»
- Техника «совместного» творческого решения
- Техника скрытой похвалы

Психологическое состояние политика

- Доброжелательность
- Вежливость
- Осторожность

Техника диалога (Скрытая похвала):

— Вы совершенно правы...

— Вы отлично высказались...

— Из Вас получился бы хороший разведчик!

— Вам можно было бы баллотироваться в депутаты!

(«Гиперболоид инженера Гарина»)

Доминирующие черты

- Высокая целеустремленность
- Готовность достичь своих целей во что бы то ни стало
- Раздражительность
- Агрессивность
- Нечувствительность к чужому горю
- Отсутствие душевности в общении с людьми

Ключевые слова параноика
«Я Вас выведу на чистую воду!»
«Все знают, где Вы взяли средства!»
«Я твердо убежден ...»
«Я абсолютно уверен ...»
«Это не требует доказательств ...»
«С Вами все ясно!»
«Что Вы знаете? Вы ничего не знаете!»

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Эпилептоид (наиболее опасный тип!) ▼
Психологическая характеристика

Эпилептоиды склоняются к командно-административному стилю общения, в основном, с близкими, подчиненными и зависящими от них людьми («ближний круг»). С другой стороны, в глазах посторонних людей – знакомых, авторитетных и руководящих лиц («дальний круг») – они, дорожа своей репутацией, стремятся выглядеть с самой лучшей стороны.

При накоплении патологических аффектов (гнев, ярость, зависть, ревность, месть, злопамятство) эпилептоиды часто сами ищут повода для конфликта или политической драки, демонстрируя вязкое и прилипчивое поведение, раздражительно цепляясь к самым незначительным мелочам.

При этом не успокаиваются, пока не сорвут на более слабой «жертве» накопившееся в виде пароксизмальных аффектов злобно-тоскливое настроение. В ситуации конфликта, скандала, «драчки» или политической борьбы они получают возможность наилучшим образом разрядить внутреннее напряжение.

Часто они бывают скупы до аскетизма и неприхотливы в быту. Время от времени происходят спазматические вспышки щедрости, когда они раздают направо и налево деньги, подарки и добрые слова.

Эпилептоидный психотип чаще встречается среди мужчин, чем среди женщин.

Внешние сигналы

- Слащавая ласковость
- Сжатые кулаки, «набыченность»
- Мышечные зажимы
- Телосложение штангиста, борца (атлетическое)
- Развитые шея и плечи

Факторы риска (чем опасен)

- Жестокость и слащавость одновременно
- Нечувствительность к чужому горю
- Злобность и агрессивность
- Льстивость

Слабые места

- Ломка изменившихся стереотипов и правил
- Жесткая конкуренция со стороны сильных и энергичных оппонентов
- Ограничение авторитета
- Ущемление личных прав и интересов

Техника нейтрализации

- Метод документального аргументирования
- Сталкивание лбами оппонентов похожего типа
- Перевод агрессии в сторону оппонента

Психологическое состояние политика

- Дистанцированность
- Доброжелательная демонстрация собственной силы

Техника диалога

Клинические типы

Карандышев («Бесприданница»),
Сильвио («Выстрел»), Чикатило,
Онопrienко

Доминирующие черты

- Борьба за свою справедливость
- Консервативность
- Жадность и скупость
- Высокий энергетизм
- Тщательность и аккуратность

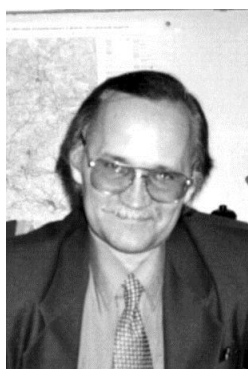
- Документальное аргументирование
– Передо мной находится документ...
- Скрытая похвала:
– Вы совершенно правы во многом из того, что Вы сказали, но есть вещи – и Вы их знаете – в которых Вы ошибаетесь.
- Ретрансляция документа оппоненту
– Я попрошу сейчас Вам вручить необходимые документы.
- Подарок (используется при подавлении любого вида агрессии):
– Мне нравится Ваша позиция. Примите от меня подарок...

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Ключевые слова эпилептоида
«Я сделаю все, что задумал»
«Я вам а) отомщу, б) скоро отомщу, в) страшно отомщу»
«Меня не интересуют ваши проблемы. Вы должны были это сделать»,
Уменьшительно-ласкательные слова типа:
«Милочка, лапочка»
«Девочки, мальчики»
«Ручечка, карандашик, портфельчик»
«Чаячек, сахарочек» и т.д.

В целом, можно констатировать, что сегодня политический результат невозможно достигнуть без учета психологической составляющей. Более того, психологический фактор фундаментален и первичен по отношению к фактору политическому. Но это уже другой – метафизический уровень обсуждения.

ПОЛИТИКА &

Политика и частная жизнь

В.М. Русаков

Важной темой является соотношение политики и частной жизни людей. На всем протяжении истории существования политики постоянно возникал весьма острый вопрос: насколько политика может и должна вторгаться в частную жизнь, насколько частная жизнь граждан может и должна

политики и частной жизни. Одновременно шло взаимное определение того, что понимать под политикой и частной жизнью.

Сегодня, когда перед российским обществом стоит задача формирования гражданского общества, вопрос о взаимоотношениях политики и частной жизни человека требует своего

обособляться от политики? Уже в древности были в целом понятны негативные последствия смешения этих сфер: частной, интимной жизнедеятельности личности и сферы публичного массового действия.

В то же время противоречие это пытались решить либо за счет растворения частной жизни в политической, публичной, т.е. искоренения частной жизни как уродующей общее благо (Платон); либо путем проведения четко выраженного, закреплённого законом, традицией и обычаем разделения сферы публичной

прояснения.

И если публичная жизнь общества более или менее вразумительно определяется различными авторами, то в справочной и научной литературе мы найдем весьма противоречивую картину того, что понимается под частной жизнью (например, англ. термин – *privaty*). Это и понятно: они взаимно эволюционировали и вместе с развитием и усложнением политики как сферы публичной жизнедеятельности (совершаемой «на миру», для других, разных людей, чтобы каким-то образом согласовывать их интересы), происходило определение частной жизни (внутрисемейно-брачная

ПОЛИТИКА &

жизнедеятельность, удовлетворение повседневных материальных и духовных потребностей, досуг, привычки, и т.п.). Но вот если взять уже домашнее хозяйство, - мы видим, что из него выделилось домашнее (надомное) производство. Хотя линия раздела далеко не столь отчетлива и ясна.

Частная жизнь отчетливо дифференцируется вместе со становлением политической системы и появлением противоположности ее – *публичности*: схемы поведения, способы решения проблем, нормы, ценности, - как особая *артикуляция* проблем, интересов, легитимация их и институционализация.

Частная жизнь – как последовательное дистанцирование от публичности находит свое выражение в *аутсайдерстве*, *эскапизме* (религиозное откровение и мистика, наркотики и алкоголь, туризм, хобби и т.п.), вплоть до принципиального неучастия – *абсентеизме*, эпатаже в одежде, поведении, образе жизни, жилье (как бы это ни работало «на публику»).

Платон во вторжении частной жизни и ее проблем в политику видел угрозу: семейно-бытовые, клановые отношения, повседневные домашние нужды и заботы несут в себе прямую угрозу государству как совокупному общему благу. Они отвлекают от служения общему благу тех, кто призван его осуществлять! У тех,

что быт должен быть реорганизован и пересоздан по образцу крупного машинного производства, так сказать, переведен на индустриальные основы. В противном случае, он отнимает много личного времени (приготовление пищи, ведение домашнего хозяйства, уход за детьми и престарелыми и т.п.). В 20-е годы в советской литературе, в политических организациях проходили бурные дискуссии, посвященные борьбе с «тлетворным», пагубным влиянием быта, частной жизни. Эти дискуссии оставили след в литературе, поэзии, киноискусстве, политической практике (уничтожение и искоренение ряда обычаев, изобретение «новых», «социалистических» обрядов и ритуалов!

Проблема, по-своему поставленная Платоном и поколениями последующих утопистов, - вполне реальна. Речь идет о том, что:

А) индивиду необходимо время для развития личностных сил и способностей, которое отнимается у него необходимостью затрат усилий на поддержание повседневной жизнедеятельности,

Б) частная жизнедеятельность индивида *отстает от прогрессивных форм* материальной и духовной культуры человеческого общества, что может быть *препятствием* для их усвоения, а, значит, развития личности.

Кроме того, согласно таким

кто должен управлять, для достижения общего блага нужно истребить всякую частную жизнь : семью, имущество, быт, родственные связи и отношения, следовательно, все должно совершаться «на виду», сообща – общие женщины для деторождения, но при этом никто не знает чьи дети, общие трапезы, общие дома для проживания, но отсутствие всякого личного имущества.

Особая этика общественно-личного поведения человека была выработана большевизмом и в течение ряда лет насаждалась политическим режимом, созданным им.

В.И. Ленин писал, что «быт заедает», «отвлекает» и даже «уродует» личность,

ПОЛИТИКА &

художественной литературы, кино, живописи, театра и т.п.) тип личности, целиком и полностью подчиняющей свою жизнь политической борьбе. Допущение возможности личных верований и чувств, расходящихся с политически предписанными, - рассматривается в такой практике как пока еще неизбежная уступка слабости и несовершенству большинства людей, «не прошедших школу настоящей борьбы», а вот «человек нового типа», усвоивший коммунистическое мировоззрение и мораль, - уже будет свободен от этого противоречия. Ради политических ценностей и целей такая личность легко жертвует частной жизнью и ее формами: любовь мужчины и женщины, домашний очаг, деторождение, кровнородственные связи, приятельские привязанности и отношения.

Политизация частной жизни реализуется в двух формах или смыслах. Во-первых, *политизация легитимная*, то есть *институционализация* частной жизни как ее четкое огораживание, выделение ее сферы и установление характерных там способов жизнедеятельности (индивидуально-личностные отношения в семье и браке, способы и формы удовлетворения повседневных жизненных потребностей в быту, матримониальные отношения, личные переживания, настроения и даже

идеологическим представлениям, частная жизнь не может быть отделена от политики целиком уже хотя бы потому, что это будет означать прекращение развития личности. Частная жизнь должна быть подчинена общественной (читай – политической) и при всяком противоречии она безусловно отступает на задний план перед политикой. Политические приоритеты всегда задают главные нормативы и ценностные ориентиры для частной жизни : любви, верованиям, чувствам, семейно-брачным отношениям, увлечениям и т.п. Большевизм сформировал и культивировал в течение десятилетий (в том числе средствами искусства –

Политика как бы «обволакивает» частную жизнь.

Во-вторых, «вторжение» в частную жизнь, то есть стремление властных отношений подчинить и зарегулировать частную жизнь: *внесение политических интересов* (или политизация интересов, реализуемых в частной жизни). Повседневные заботы и нужды людей политизируются, поэтому оказывается, что рожать или не рожать детей, с кем и когда вступать в брак или не вступать, носить ту или иную прическу или одежду и т.п. – все приобретает политический смысл, что может быть чреватым теми или иными политическими последствиями (публичным осуждением, как политического противника, врага, увольнением с работы, изоляцией в семейно-родственных и других отношениях). Примеры здесь весьма многочисленны: борьба со стилями, любителями джаза, борьба против причесок («хиппи волосатые»), употребления парфюмерии и косметики, использования елки при праздновании нового года, запрет на аборт, мотивируемый политическими соображениями, запрет браков с иностранцами (борьба против шпионов), необходимость доноительства на родственников как признак «бдительности» и «принципиальности».

верования и убеждения) например, уход в отставку с публичного поста, *легитимация*, узаконение (право на частную жизнь и ее неприкосновенность для властного вмешательства), вплоть до установления требования покидать публичную сферу в строго определенных случаях, считающихся обязательными (смешение семейно-родственных отношений и служебных, неприемлемость обнаружения чувств, личностного отношения к публично оцениваемому объекту («беспристрастность»)).

Но в том и другом случае имеет место «охрана», установление отчетливо заданных границ частного, частной жизни со стороны политических институтов, политической практики, действия.

ПОЛИТИКА &

искусственного насаждения приемов жизнедеятельности, характерных для политической жизни, то есть социально-политических отношений, к тому же опосредованных государственно-властным регулированием.

В этом отношении весьма преуспел тоталитаризм с его безудержным вторжением в частную жизнь. Более того, тоталитарные режимы в своей идеологии фактически отрицают право человека на частную жизнь, а тем более – на защиту ее от вмешательства со стороны политических организаций (партий и государства).

Государство и правящая политическая партия предписывают и строго регламентируют образ экономического поведения индивида, обосновывают право и практику систематического вмешательства в сферу индивидуально-личностных переживаний, верований, чувств и настроений. Для этого создается весьма разветвленная система так называемых «ячеек» – *искусственно насаждаемых форм общности людей* (первичные партийные, молодежные, спортивные, женские, детские и пр. организации, общины, союзы, клубы и т.п.), которые призваны, фактически, лишить каждого человека частной жизни, сделать ее полностью публичной

Внесение чисто политических интересов в частную жизнь, с другой стороны, приводит к фальшивому и лицемерному поведению людей, когда они должны постоянно «думать о высших интересах Родины», «бороться за или против чего-то» в частной жизни, искоренять пережитки, всячески третировать быт как «заедающий» и «отвлекающий» от светлых идеалов и борьбы за них.

Кроме того, политизация частной жизни производится путем ее *реорганизации* на принципах и по правилам, принятым в политике. Это попытки создания «нового быта», «нового типа семьи и брака», воспитания «нового человека», организация «культурного досуга», - то есть

боец и каждый – на счету»!), «прореха» в рядах борцов, через которую обязательно будет действовать враг.

Развитие современного гражданского общества означает, что формируются и развиваются разнообразные социальные связи и отношения, не опосредованные вмешательством государственно-властного и вообще – политического регулирования (с помощью организаций, использующих публичное регулирование). Гражданское общество становится «буфером» между сферой собственно политики и частной жизнью граждан. Частная жизнь получает не только право на существование и соответствующую защиту от непосредственного вмешательства и вторжения политики, но и благоприятные условия развития.

Проблема развития и совершенствования частной жизнедеятельности остается и сегодня актуальной: прогрессивные формы и способы удовлетворения базальных и витальных потребностей личности, создание условий быстрого и легкого усвоения личностью всякого общественного опыта жизнедеятельности, развитие в личности способности к усвоению универсального богатства человеческой (всемирной)

(честному человеку нечего скрывать и таить за забором своего дома, за стенами своей квартиры и т.п.); создается целая разнообразная *система процедур насаждения публичности*: собрания, на которых надо осуждать свои и чужие проступки и недостатки, клеймить врагов, даже если они твои дети или родители (в этом случае – с особенным ожесточением), кампании разоблачений и борьбы со скрытыми и явными врагами в прессе, поощряющие доносы, систематическая поголовная слежка и т.п. Всякий факт «ухода» личности в частную жизнь и тем более – замыкание в ней по меньшей мере рассматриваются как признак политической отсталости, разложения личности (деградации ее), а в худшем случае – предательство высших интересов, услуга врагам («каждый -

ПОЛИТИКА &

человеческого общества, не противопоставились ему как нечто архаическое и потому искусственно поддерживаемое сектантской замкнутостью, отчужденностью (эскапизмом, ксенофобией), а, наоборот, - здоровое и плодотворное начало получило бы импульс к развертыванию, к обогащению этого совокупного опыта. В то же время, оно охраняет общество как от насильственной политизации частной жизни, так и не менее пагубной приватизации сферы публичного политического (организаций, процессов, отношений).

Однако, говоря о взаимосвязи политики и частной жизни человека, нельзя ограничиться, как мы уже видели, - только проблемой политизации частной жизни. Есть не менее важная другая сторона этого взаимодействия: приватизация политики.

Приватизация политики также должна быть рассмотрена как с точки зрения положительного взаимодействия, так и – отрицательного.

Во-первых, положительные аспекты приватизации политики заключаются в том, что сфера публичных отношений, действий, организаций должна и становится все более близкой человеку:

культуры и т.п.

Гражданское общество, с точки зрения современных представлений, включает в себя в качестве структурных элементов семью, общины, землячества, кооперативные организации и сообщества (производительные, потребительские, бытовые), ассоциации избирателей, кружки и клубы, благотворительные и прочие *самодетельные* организации и объединения, удовлетворяющие разнообразные потребности людей в личностном росте и развитии.

Гражданское общество создает условия для того, чтобы формы и способы частной жизнедеятельности человека, с одной стороны, не заострившись в своей оторванности от совокупного культурного опыта

политические отношения, организации и процессы приобретают *индивидуально-личностную окраску*: индивидуальные, частные особенности, неповторимые личностные черты и нюансы политических деятелей придают неповторимое своеобразие политическим институтам и процессам. В истории политики это постоянно встречающееся явление: частные, специфически личные черты того или иного политического деятеля (связанные именно с особенностями его частной жизни) отпечатываются в политике, создавая то, что иногда называют *стилем* политического лидера. Мы прекрасно можем видеть, что та или иная политическая организация (государственное учреждение или политическая партия), несколько не изменившись по сути, выразительно меняет свою «физиономию»!

Вспомним характеры личностей Г. Плеханова и В. Ленина на заре их совместной деятельности по созданию политической партии: один сказал о другом, что это – «барин», а другой отшатнулся в испуге – «невежа»! Частная жизнь каждого политического деятеля, даже тщательно скрываемая от других или от себя, неизбежно прорывается в

он не смотрит на политику как на что-то чуждое, омерзительное и опасное. Личность в *процессе политической социализации* как раз и должна «сродниться» с политическим действием, отношением и организацией в том смысле, что в итоге ее она прекрасно ориентируется в «механике» политических систем, процессов, имеет навыки политического участия и отстаивания разнообразными легитимными методами и средствами своих групповых и личных интересов. В то же время, совершенно ясно, что сфера политического, - как публичное действие, отношение и организация, - не может проникнуть в частную жизнь и органически слиться с ней (об этом мы уже говорили выше).

Во-вторых, приватизация политики заключается в том, что в итоге

ПОЛИТИКА &

циничной форме это проявляется в подчинении политической деятельности интересам личного, *частного обогащения*. Дорвавшийся до власти политический деятель посвящает свои силы и ресурсы власти ограблению своего и чужого населения, политических противников, оппозиционных организаций. В Древнем Риме императоры (Нерон, Калигула) использовали государственную власть для расправы со своими противниками и присвоения их имущества. Новая и новейшая история также дают тому немало примеров.

Во-вторых, приватизация политики производится в форме создания *системы прерогатив и привилегий*, продиктованных исключительно личными, частными интересами: добиться абсолютной неподконтрольности, неподотчетности, несменяемости. Политический деятель перестает отличать личные и частные интересы от общественных, государственных («Государство – это я!»), точнее, он их подменяет своими. Начинается ничем не обузданный произвол, одни прихоти сменяют другие

виде специфических черт политики, проводимой им. А ведь мы знаем, что политические деятели часто любят поговорить (и требовать) о полном отрешении от частной жизни, презрении к ней, полной отдаче себя публичному политическому процессу. Ясно, что поверить на слово мы им вряд ли сможем.

Здесь открывается поле реализации отдельной личностью своих частных амбиций, пристрастий, достоинств и недостатков, талантов и уродств в области политики. Часто эти «частности» как раз скрывают нам суть дела, событий, отношений.

Но здесь мы подходим к негативной стороне приватизации политики. Она многообразно проявляет себя и примеров здесь – не счесть!

Во-первых, в наиболее грубой и

и государство превращается в организацию обслуживания потребностей одного лица (клана, семьи).

В-третьих, политический лидер, не умеющий провести черту между частной своей жизнью, своими личными причудами и свойствами и публичной сферой политики начинает вносить в нее *морально-психологические извращения*, то есть то, что коробит всех, заставляет испытывать неловкость за него, а чаще вызывает едкий и злой смех: люди видят, что до власти дорвался хам, который даже не понимает всей полноты и меры своего падения, но уверен, что его власти достаточно для того, чтобы никто ему не сказал громко, что «король – голый»!. В нашей недавней российской истории примеров тому также немало: знаменитые «дирижирования берлинским военным оркестром», «ирландский синдром» и т.п. История может распорядиться этим по-разному: от какого-то политического лидера останутся великие деяния и будут забыты его дурные привычки, а кто-то будет безжалостно увековечен лишь как герой злых анекдотов.

«ИГРА В БИСЕР»

Математическая культурология

В.О. Лобовиков

Алгебраическая модель функциональной взаимосвязи аполлонической и дионисийской абстрактных форм культуры

Калокагатия: дискретная математическая модель структурно-функционального единства ригористического естественного права и классицистской эстетики

(Функциональная взаимосвязь двузначной алгебры поступков и двузначной алгебры эстетических явлений в аполлоническом аспекте бытия)

Согласно Ф.Ницше, мир древнегреческой трагедии – арена столкновения двух начал: аполлоновского и дионисийского. Аполлон – олицетворение светлого, разумного, гармоничного, упорядоченного, а Дионис – темного, хаотического, безумного, разрушительного первоначала бытия.

Важную роль в философии античной Греции играло понятие «калокагатия», относившееся прежде всего к аполлоновскому аспекту мироздания (но в двойственном смысле применимое также и к дионисийскому). Калокагатия – единство нравственного и эстетического совершенства (единство добра и красоты). Следовательно, калокагатия есть бинарный частный случай более общего и фундаментального тернарного принципа единства истины, добра и красоты. Другой бинарный частный случай этого триединства – единство истины и добра является предметом

исследования в целом ряде работ, посвященных математическому моделированию естественного права. В свете этих работ, если символы и, л обозначают логические значения высказываний, а символы х, п обозначают морально-правовые значения поступков, то для операций $Ea_1, Ea_2, Ea_3, \dots$, являющихся одновременно и высказываниями и поступками, справедлива следующая таблица T1, представляющая собой смешанную (истинностно-ценностную) функцию.

Ea	Ea	
и	х	Таблица T1
л	п	

Развивая содержащуюся в упомянутых работах идею дальше, естественно предложить следующую ниже, по мнению автора, вполне адекватную математическую модель структурно-функционального аспекта калокагатии. Имеется в виду представление указанного аспекта калокагатии в виде следующей ниже смешанной (нравственно-эстетической) ценностной функции T2.

a	a	
к	х	Таблица T2
у	п	

Здесь символы к и у представляют собой, соответственно, положительное и

«ИГРА В БИСЕР»

хороший поступок, то он красив, а если а – красивый поступок, то он хорош. Кроме того, согласно T2, если а – плохой поступок, то он уродлив (комичен), а если а – уродливый (комичный) поступок, то он плох. По мнению автора, именно смешанная (нравственно-эстетическая) ценностная функция T2 лежит в основе знаменитой фразы «Красота спасет мир!». Таблицы T1 и T2 могут быть подвергнуты критике, но она основывается на материале, относящемся к дионисийскому (карнавально-криминальному) аспекту бытия, а не к аполлоновскому. В рамках аполлоновского аспекта мира таблицы T1 и T2 верны.

Поскольку дионисийский аспект мироздания является двойственным по отношению к аполлоновскому, постольку большой теоретический и практический интерес представляет смешанная ценностная функция, являющаяся математически двойственной по отношению к смешанной ценностной функции «калокагатия». (Термин «математическая двойственность» используется нами в собственном математическом значении, которое является общеизвестным в среде математиков и точно определенным, например, в монографии.) Функция, являющаяся математически двойственной по отношению к аполлоновской калокагатии, может быть адекватно представлена следующей ниже таблицей T2*.

а	а	Таблица T2*
у	п	
к	х	

Нетрудно заметить, что функции T2 и T2* неразличимы (вместо того, чтобы говорить о калокагатии аполлоновской и калокагатии дионисийской можно говорить просто о калокагатии). Это значит, что, смешанная ценностная

функция» используется нами в собственном математическом значении, которое в среде математиков общеизвестно и строго определено). Отсюда вытекают теоретически очень интересные и практически важные следствия. (Анализ этих следствий впервые представлен автором на 15-ом Всемирном эстетическом конгрессе в Японии: Токио, 2001) Общеизвестно, что самодвойственные функции на противоположных наборах значений переменных принимают противоположные значения. В литературе существует определение серьезного (классицистского) и несерьезного (карнавально-романтического) миров как таких эстетических миров, в которых эстетические переменные принимают противоположные эстетические значения. Кроме того, в литературе существует также определение легального и криминального миров (мира добра и мира зла, соответственно) как таких нравственных миров, в которых морально-правовые переменные принимают противоположные морально-правовые значения. Объединение легального (доброе) и классицистского (красивого, прекрасного, возвышенного) миров в одну систему (нравственно-эстетическую) относится к аполлоновскому аспекту мироздания, а объединение в одну систему криминального (злого) и карнавально-романтического (дисгармоничного, гротескного) миров относится к дионисийскому аспекту бытия. Если эти дефиниции нравственно и эстетически противоположных миров принять во внимание, то можно определить аполлоновский и дионисийский миры как такие, в которых морально-правовые переменные принимают противоположные морально-правовые значения, а эстетические переменные принимают противоположные эстетические значения.

функция «калокагатия» математически самодвойственна. (Термин «математически самодвойственная

«ИГРА В БИСЕР»

Антикалокагатия: дискретная математическая модель структурно-функционального единства криминологии и карнавально-романтической эстетики

(Функциональная взаимосвязь двузначной алгебры поступков и двузначной алгебры эстетических явлений в дионисийском аспекте бытия)

Приняв во внимание представленные в предыдущем параграфе смешанные (нравственно-эстетические) ценностные таблицы T2 и T2*, нетрудно чисто теоретически («на кончике пера») получить следующие весьма интересные выводы. С точки зрения исследуемой дискретной математической модели абстрактной формы дионисийского аспекта мироздания, в карнавально-романтической эстетике: во-первых, должно быть так, что зло прекрасно, восхитительно, нормально; во-вторых, должно быть так, что добро безобразно, отвратительно, пошло, ненормально. (Данные выводы получены чисто теоретически: они с необходимостью вытекают из обсуждаемой математической модели абстрактной формы дионисийской нравственно-эстетической культуры.) Но ведь именно этот факт имеет место в художественной литературе и чисто эмпирически устанавливается философствующими литературоведами и пишущими романы философами. Искусствоведы зафиксировали этот факт совершенно определенно. Но искусствоведческая фиксация данного факта является чисто эмпирической. Она не содержит ясного теоретического объяснения и обоснования необходимости обсуждаемого факта (совершенно возмутительного, безнравственного, отвратительного с аполлонической точки зрения). Предлагаемая математическая модель абстрактной формы нравственно-эстетической стороны жизни дает недостающее теоретическое объяснение и обоснование

выглядит гораздо привлекательнее, симпатичнее добра, порок предпочтительнее, чем добродетель: иначе и быть не может. Это – норма карнавально-романтической художественной литературы. Жизнь, стремление к самосохранению, добропорядочное, законопослушное существование, умеренность во всем, т.е. стремление к «золотой середине» между двумя крайностями (границами меры) получает в карнавально-романтической культуре отрицательную эстетическую оценку. А вот смерть, стремление к разрушению и, в частности, к самоуничтожению, преступление, тюрьма (детективы), садомазохизм (порно), страх зла (триллеры), неумеренность (чрезмерность) во всем, т.е. любое нарушение границ меры, любая аномалия, крайность получает в карнавально-романтической культуре положительную эстетическую оценку. С карнавально-романтической точки зрения, смерть прекрасна. Небытие, исчезновение, конечность, преступление любых границ (в частности морально-правовых) достойны восхищения. И это – не субъективизм или психическая болезнь того или иного поэта или художника. Это – совершенно объективная, всеобщая и необходимая характеристика, т.е. эстетический закон, карнавально-романтической сферы бытия. Романтизм есть эстетическая форма реализации инстинкта разрушения и смерти, влечения к небытию, к нарушению любых норм и, в частности, к преступлению любых норм морали и права.

С другой стороны, согласно обсуждаемой математической модели нравственно-эстетической культуры, в аполлоническом, т.е. одновременно легальном (добром) и серьезном (прекрасном) мире, должно быть так, что карнавально-романтическое эстетическое отношение к жизни и, в

необходимости рассматриваемого факта. Согласно этой модели, в карнавально-романтической литературе отнюдь не случайно, а совершенно необходимо зло

«ИГРА В БИСЕР»

политическое зло), а иногда даже рассматривается как психическая аномалия, вырождение и т.п. И этот чисто теоретически полученный вывод подтверждается чисто эмпирически установленными фактами из истории художественной литературы. Например, весьма показательный факт – негативное отношение моралистов и психиатров к декадентам, «проклятым поэтам», маркизу де Саду и т.п. Также уместно вспомнить в данной связи факт резко отрицательного отношения Вольтера к Рабле и Шекспиру. Такого рода отрицательные морально-правовые (а, согласно калокагатии, и эстетически тоже отрицательные) оценки не случайны и не субъективны. Согласно обсуждаемой математической модели, они совершенно необходимы. Это – норма серьезной морализаторской эстетики классицизма. Неудивительно, поэтому, что были времена, когда гимназистам не разрешалось читать Шекспира, дамам из приличного общества нельзя было читать Рабле. Цензура церкви и государства не только морально осуждала, но и юридически запрещала публикацию и чтение многих карнавально-романтических произведений.

Согласно математической модели абстрактной формы дионисийской нравственно-эстетической культуры, в криминальном мире (т.е. в мире зла) должно быть так, что красота (гармония,

частности, карнавально-романтическая художественная литература осуждается с точки зрения морали и права (оценивается как социально-

порядок, чистота, возвышенное) оценивается как нечто отрицательное, нежелательное, неприемлемое с нравственной точки зрения и, в свою очередь, должно быть так, что дисгармония, несовершенство, беспорядок, гротеск, грязь, низменное оценивается как нечто положительное (в нравственном отношении). Красота в криминальном мире подлежит разрушению, изнасилу, издевательствам, оскорблению, очернению. Ее стремятся запачкать, осквернить, заразить, оклеветать, продать, унижить и т.п. Мир криминала относится к красоте только как к средству, т.е. плохо, стремясь использовать ее для достижения криминальных целей (в этом отношении «красота – страшная, дьявольская сила»).

Рассмотренные ценностно-функциональные закономерности и эмпирические факты можно было бы назвать «антикалокагатией», но в некотором смысле такое название не очень удачно. Дело в том, что и в аномальных, с аполлонической точки зрения, случаях имеет место калокагатия. Просто математическая самодвойственность калокагатии необходимо приводит к тому, что в аполлоническом и дионисийском мирах функция «калокагатия» принимает противоположные эстетические и морально-правовые значения.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

Экономические процессы на постсоветском пространстве и их особенности

Д.А. Миронов, М.Н. Вшивцева

2000 год был богат разного рода событиями, относящимися к политологии, социологии, философии и другим наукам, которые изучают проблемы общества. Во всех уголках земного шара проводились конференции, симпозиумы, коллоквиумы и семинары. В некоторых из них самое активное участие приняли уральские ученые.

Конечно, научная значимость тех или иных конференций была далеко не равнозначной. Некоторые из них носили знаковый характер, широко освещались в прессе, а их результаты вызвали большой общественный резонанс. К таковым, без сомнения, относится Всемирный политологический форум, проведенный в апреле 2000 года в столице Дании Копенгагене. Его организатором выступил Европейский консорциум политологических исследований, действительным членом которого с прошлого года стал факультет политологии и социологии Уральского университета. Думается, что в следующем номере мы расскажем об этом событии подробно. Тем более, что проходило оно одновременно с весьма пышным празднованием юбилея датской

крайне редко практикуется в России), но которые тоже внесли заметный вклад в изучение тех или иных проблем. Наглядным примером может служить «Сократес-семинар», прошедший в конце мая 2000 года в старинном австрийском городе Зальцбурге. Его организаторы, и, прежде всего, профессор факультета политологии местного университета (кстати, одного из старейших в Европе) Ансельм Скура поставили перед собой цель обсудить взаимоотношения Евросоюза с бывшими социалистическими странами Восточной Европы.

Для этого они пригласили персонально по одному представителю от каждой из них, которым было предложено выступить с докладами на данную тему. В частности, от России был приглашен профессор факультета политологии и социологии УрГУ Д.А.Миронов, что уже само по себе свидетельствует о высоком авторитете уральской политической науки. Ниже мы публикуем один из разделов его выступления, который был написан совместно с Председателем правления «Уралсибсоцбанка» М.Н.Вшивцевой.

Как и в России, процесс трансформации в других независимых

королевы, которую участники конференции могли лицезреть с довольно близкого расстояния...

Но были и научные встречи более локального характера, по сути дела, камерные по составу (такая форма пока

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

проводимых в экономике преобразований был и остается чрезвычайно широким. На постсоветском пространстве, как уже отмечалось выше, можно наблюдать самые разнообразные модели хозяйственного развития: от “рыночного социализма” до радикальных, сопровождаемых “шоковой терапией”, рыночных отношений.

Вместе с тем, несмотря на все эти различия, в основе трансформации экономических систем всех появившихся на месте бывшего СССР государств изначально лежал единый для всех советский экономический потенциал с присущими ему характерными особенностями.

Результаты осуществляемой в Советском Союзе стратегии экономического развития, которая сложилась еще в 30-ые годы, а потом лишь незначительно модернизировалась, с одной стороны, создавали благоприятные предпосылки для успешного преобразования экономики вновь образовавшихся независимых стран, а, с другой, обусловили появление серьезных препятствий на этом пути.

Позитивную роль играли, безусловно, такие факторы, как высокая степень индустриализации подавляющего большинства бывших советских республик(1), масштабы и уровень подготовки квалифицированных кадров. Хотя и это вряд ли следует толковать однозначно. По мнению фон Бойме, к обществам советского типа классические теории модернизации неприменимы, так как речь в данном случае идет не столько о “недоиндустриализации”, сколько о “переиндустриализации”(2).

Тормозило же процесс хозяйственного реформирования наследие советского периода в форме крайне слабого развития производства товаров

государствах, образовавшихся после распада Советского Союза, не ограничивался исключительно политической сферой. Важные изменения происходили здесь и в экономической области. При этом спектр

общественного производства работников ни профессионально, ни психологически не было подготовлено к переходу на рыночные отношения.

Все это не только определяло в той или иной степени специфику процесса трансформации экономической системы в каждой отдельно взятой стране, но и оказало существенное воздействие на заново формирующиеся отношения между ними. Особенно наглядно результаты такого влияния проявились в деятельности Содружества Независимых Государств.

В настоящее время эта организация вступила в очередной, третий по счету, этап своего существования. В начальный период, протекавший с декабря 1991 до середины 1993 года, происходило становление СНГ, означавшее, фактически, более или менее цивилизованное политическое закрепление распада Советского Союза на фоне непрекращающегося финансового и экономического кризиса. Второй этап, завершившийся весной 1994 года вступлением в СНГ Молдовы и Грузии (теперь в СНГ входят все бывшие советские республики, за исключением прибалтийских – М.В.), был ознаменован мучительным поиском наиболее эффективных форм сотрудничества, крахом многих иллюзий и новыми экономическими потрясениями.

Для нынешней фазы развития СНГ в экономическом плане характерно, прежде всего, резкое снижение объемов взаимных поставок товарной продукции, в том числе и имеющей ключевое значение. Так, например, поставки угля сократились на 20 %, нефти – 30 %, зерна и древесины – 50 % и т.д. (3). Это обусловлено как продолжающимся общим падением производства, так и переориентацией ряда государств на

народного потребления и сферы услуг, технологической отсталости. Негативно сказалось также катастрофически устаревшее состояние основных материальных фондов и инфраструктуры. Наконец, подавляющее большинство занятых в сфере

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

проблемы.

Современное состояние СНГ можно охарактеризовать, главным образом, как противодействие тенденций к дальнейшей дезинтеграции и стогнации, с одной стороны, и углублению политической и экономической интеграции, с другой. В то же время, в развитии самой интеграции также нет полного единообразия. Здесь явственно просматривается как минимум два варианта: “реинтеграция”, которая подразумевает дальнейшее укрепление центральной роли России в СНГ, превращение ее в своеобразную “руководящую и направляющую силу” Содружества, что означает на практике в определенном смысле реставрацию СССР; и “неоинтеграция”, предполагающая достижение полного равенства между всеми партнерами из числа бывших советских республик, консолидацию постсоветского пространства на основе демократии и подлинно рыночных отношений.

Идея экономической, а затем, на ее основе, и политической “реинтеграции” поддерживается и лоббируется теми политическими силами в России и других государствах Содружества, которые, без излишнего афиширования, ратуют за восстановление советской империи. Именно их влиянием объясняется появление время от времени определенных политических импульсов в пользу подобной трактовки сотрудничества. Например, в некоторых официальных документах открыто заявляется о том, что Россия не уступит свои ведущие позиции на территории бывшего СССР в пользу других региональных или мировых сил. Для этого необходимо сохранить здесь российское военное присутствие и

более выгодное сотрудничество с партнерами вне Содружества. К этому добавляются почти полное отсутствие каких-либо сдвигов в структуре взаимного товарообмена, рост финансовой задолженности в основном по отношению к России (4) и другие

Способствует “реинтеграции” и такой фактор, как сохранение старой, почти не изменившейся со времен СССР формы товарообмена, когда стороны поставляют друг другу неконкурентноспособную продукцию. В свою очередь, это приводит к консервации малоэффективной структуры производства и потребления.

Все это происходит, как правило, на фоне экономического и социального кризиса, отсутствия реальной стратегии развития, явно недостаточной эффективности преобразований, проводимых в хозяйственной сфере, непрерывного маневрирования с целью экономического и финансового выживания, транспортной зависимости, слабых торговых связей со странами, не входящими в Содружество.

В середине 90-х годов доля России во внешней торговле Белоруссии составляла, например, 49,2 %, Украины – 47,4 %, Казахстана – 45,5 %, Молдовы – 40,2 %. Если же размер российской части был не столь внушителен, то и в этом случае львиная доля все равно приходилась на партнеров по СНГ (например, во внешней торговле Туркменистана Россия занимала только 5,3 %, зато Украина – 44 %, Армения – 11 %, Казахстан и Грузия – по 4 % и т.д.) (6).

Вместе с тем, в последние годы все больше набирают силы тенденции, объективно способствующие “неоинтеграции”. Их развитие тесно связано с продолжающимся ухудшением экономической и финансовой ситуации в России, поскольку последняя оказывается просто не в состоянии выделять необходимые для поддержания процесса “реинтеграции” материальные ресурсы. Многие государства – члены Содружества

стратегическую инфраструктуру, сложившуюся еще в период существования Советского Союза. С этой целью предполагается инструментализировать финансово-экономическую и политико-стратегическую зависимость постсоветских государств от России (5).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

тех стран СНГ, которые неоднократно заявляли о своей приверженности делу “углубления интеграции”. Это своеобразное ядро Содружества составляют Белоруссия, Казахстан и Киргизстан, которые вместе с Россией заключили в марте 1996 года четырехсторонний договор, посвященный последовательному развитию интеграционных процессов в экономической и гуманитарной сферах(7). Тем не менее, и в Белоруссии, и в Казахстане многие эксперты – хозяйственники - сходятся на том, что необходимо постепенно преодолевать одностороннюю ориентацию на Россию. В противном случае, это может затормозить структурные преобразования в их собственной экономике и закрепить роль этих государств в мировом хозяйстве главным образом как поставщиков сырья.

А в Киргизстане весьма показательный характер приняло обсуждение возможных последствий присоединения этой страны к Таможенному союзу, которое состоялось в апреле 1996 года. Было отмечено, что наряду с явными положительными моментами – усилением помощи развитию киргизской экономики со стороны России, понижением цен на поставляемые в Киргизстан российские энергоносители, более широким доступом местных товаров на российский рынок, это событие может повлечь за собой и негативные последствия.

В результате был сделан вывод, что участие Киргизстана в Таможенном союзе таит в себе для этой страны немалый риск. Если экономические и политические реформы в России будут

начинают все отчетливее осознавать, что односторонняя экономическая и политическая зависимость от России, консервация устаревшей, доставшейся в наследство от СССР, структуры производства и потребления носят, поистине, губительный характер.

Такое понимание крепнет даже среди

также те изменения, которые происходят в последние годы в мировой системе торгово-экономических взаимоотношений. Все более заметно постепенное дифференцирование во внешней торговле подавляющего большинства стран Содружества. А в экономической политике Запада наметился отход от преобладавшего в первой половине 90-х годов своеобразного руссоцентризма в сторону углубления хозяйственных связей с другими государствами СНГ (примером может служить сотрудничество США и Азербайджана в вопросе об экспорте каспийской нефти).

Борьба между тенденциями к интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве особенно наглядно проявляется в финансовой сфере. В первые годы после распада СССР провозгласившие себя независимыми государства сохранили бывший советский рубль в качестве денежной единицы. Однако образование этой «рублевой зоны» носило временный, переходный характер и способствовало, скорее, процессу дезинтеграции, поскольку объективно вело к сохранению всех негативных моментов, присущих плановой системе хозяйства: существенно отличающейся реальной стоимости наличных и безналичных денег, монополии и тотальному контролю со стороны государственных банков и т.д. Поэтому вскоре все бывшие советские республики начали постепенно отказываться от рубля как универсального платежного средства и вводить в обращение собственные денежные единицы. Так на Украине появились карбованцы, а затем гривны, в Азербайджане – манаты, в Казахстане – тенге, Эстонии – кроны и

продолжаться, а ее хозяйственные отношения с другими государствами либерализоваться, то это принесет Киргизстану большую выгоду. Но, если процесс реформирования российской экономики прекратится, то Таможенный союз станет для Киргизстана большой обузой (8).

На пользу «неоинтеграции» идут

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

относительно местных правительств и других властных структур. Параллельно в новых независимых государствах возникали коммерческие банки, объективно заинтересованные в расширении сфер своей деятельности и выходе за национальные пределы, что, однако, наталкивалось на многочисленные препоны, прежде всего, правового характера (9).

Следствием нескоординированной денежной и финансовой политики явились преобладание натурального обмена над другими формами торговли, доминирование оплаты купленных товаров наличными деньгами, когда предпринимателям приходилось путешествовать с чемоданами, набитыми купюрами. Страны СНГ, а также прибалтийские государства стали существенно отличаться друг от друга по темпам инфляции, уровню цен, курсу по отношению к доллару. В конце ноября 1992 года разница в долларовом курсе между Алма-Атой и Ташкентом составляла, например, 60 рублей (10), что делало финансовые операции, постоянные переброски крупных денежных сумм через границы гораздо более выгодными и привлекательными по сравнению с реальными инвестициями.

т.д. Значительному реконструированию подверглась банковская система. На базе бывших республиканских филиалов Госбанка СССР образовались национальные центральные банки, перед которыми встали задачи укрепить собственную самостоятельность по отношению к Москве, а также обеспечить определенную свободу действий

Все это настойчиво диктовало необходимость принятия действенных мер, направленных на развитие всесторонней интеграции в денежно-финансовой сфере. В октябре 1992 года в Бишкеке шесть государств Содружества подписали соглашение, которое, помимо прочего, предусматривало образование межбанковского совета с целью проведения согласованной финансовой политики, а в перспективе – и создание объединенного Центрального банка (11). Позже к нему присоединились остальные участники СНГ, за исключением Украины и Азербайджана.

Однако практическая реализация этого документа вплоть до сегодняшнего дня осуществляется с немалыми трудностями и довольно медленными темпами. Уже в ноябре 1992 года на встрече экспертов в Минске проявились разногласия по поводу распределения права голоса среди участников создаваемых совместных финансовых организаций. Представители большинства бывших советских республик настаивали на соблюдении принципа «одна страна – один голос». Это было неприемлемо для российской стороны, которая предлагала учитывать уровень экономического развития каждого государства.

Продолжение – в следующем выпуске »

ПРОЕКТ ИСИД

Информационная сеть интеллектуальной деятельности

Л.И. Рыженко

Информационная сеть интеллектуальной деятельности (ИСИД), основанная на нетрадиционном стиле мышления, начала формироваться в Омске после экспертизы городского развития «Омск-90», организованной группой московских методологов под руководством С.В. Попова, вышедших из группы Г.П. Щедровицкого. В течение последнего десятилетия она вылилась в своеобразную систему партнерских отношений между субъектами науки, власти и бизнеса. В чем же суть ИСИД, и почему она вызывает столь пристальный интерес и столь оживленные дискуссии?

1. Прежде всего, ИСИД - это технология, предлагающая организовывать деятельность и поступки людей оптимальным образом. Эта технология сложилась не сразу, продолжает совершенствоваться, и в ее основе лежат два принципа.

Во-первых, она использует так называемую «проектную идеологию», при которой участникам рекомендуют представлять то, что они делают, как проекты (подпроекты), обладающие

привлекать дополнительные ресурсы.

2. ИСИД - это сообщество людей, которых объединяет стремление практическими действиями обустроить российскую действительность. Участников ИСИД объединяют общие интересы и цели, связанные с взаимной поддержкой и озабоченностью судьбой Отечества. При этом ИСИД не является партией, поскольку не ставит политических целей и не участвует в политической деятельности. Конечно, в Сети могут появляться проекты, имеющие политический характер, но их реализация - дело самих авторов.

По своему статусу ИСИД является общественной организацией, но по характеру своей структуры напоминает общественное движение, поскольку в ее основу положен сетевой принцип.

Участников ИСИД объединяют близкие позиции по вопросам организации деятельности, понимание того, что эффективные результаты обеспечиваются соответствующими современными технологиями и планированием времени.

3. ИСИД - это элемент инновационной инфраструктуры. Условия реализации

соответствующими атрибутами (цели, средства, образ действий и т.д.). Это помогает взглянуть на свою деятельность как бы со стороны, оценить ее адекватность сложившейся ситуации, избежать ненужных действий.

Во-вторых, все значимые действия участников и их намерения фиксируются в информационной базе данных и публикуются. Это обеспечивает «прозрачность» деятельности, своевременную экспертизу, помогает отслеживать реакцию среды и

ПРОЕКТ ИСИД

- процессов;
- PR-поддержка продвижения проектов;
- методическая помощь при организации деятельности и подготовки документов;
- издательско-полиграфическая поддержка авторов инновационных проектов;
- информационное сопровождение проектов в базе данных, на сайте и в бюллетенях ИСИД;
- ресурсное обеспечение инновационной деятельности.

Осуществление этих функций по отношению к участникам является обязательным атрибутом ИСИД, и носит, таким образом, инфраструктурный характер.

4. ИСИД - это интеллектуальный бизнес. Традиционно для российской действительности интеллектуалы-творцы были наемными работниками. Даст власть средства,

оборудование, лаборатории - ученый демонстрирует чудеса научного поиска. Не заметит его власть - он творит «и стол», считается неудачником.

Многие современные ученые продолжают мыслить категориями наемного работника, они не способны использовать свой интеллектуальный потенциал для организации дела. Твердя заклинание: «дай!», они ворчат на власть, которая «не дает». Однако появляется все более широкий круг интеллектуалов, способных самостоятельно увидеть приложение

проектов разной сложности обеспечиваются набором услуг, которые представляет ИСИД своим участникам. Это:

- методологический тренинг участников, направленный на выработку адекватных действий в процессе реализации проектов;
- организационная поддержка деятельности участников;
- помощь в проведении экспертиз;
- правовое обеспечение инновационных

своему потенциалу, организовать свой бизнес. Технология ИСИД рассчитана, прежде всего, на таких людей. Она помогает представить интеллектуальный проект как предпринимательскую задачу, организовать его экспертизу, оценить эффективность, построить финансовую схему реализации, сформировать партнерские отношения с участниками процесса, включая инвесторов, и, в конечном счете, реализовать проект. Конечно, при этом большая часть предпринимательского труда лежит вне технологии ИСИД, но последняя помогает с минимальными издержками пройти ключевые точки процесса.

Делается это путем отражения в базе данных «узких мест» в процессе реализации проекта, концентрации внимания на них и привлечению к ним ресурсов сети. Технология ИСИД, таким образом, позволяет концентрировать значительные ресурсы в нужном месте в нужное время, и резко продвинуть решение тех или иных вопросов. Эти возможности делают ИСИД эффективным инструментом реализации проектов.

Можно перечислять и другие характеристики этой системы. Желающие могут ознакомиться с ними на сайте www.isid.net. Задача данной рубрики - держать читателей в курсе событий, представлять интересные проекты, реализуемые в ИСИД, информировать об интеллектуальных продуктах и привлекать к сотрудничеству заинтересованных лиц.

О путях интеграции российского интеллектуального потенциала в мировую экономику.

Г.Ш. Фридман

Хорошо известно, что Россия обладает колоссальным интеллектуальным потенциалом, обеспеченным высоким уровнем образования россиян и большой армией людей, работающих в настоящее время или до недавнего времени подвизавшихся на ниве науки. Это величайшее достояние страны, и от того, насколько разумно оно будет использовано, в значительной степени зависит будущее России.

Сейчас весьма актуальной в России является проблема утечки «мозгов» за рубеж. При этом оказывается, что наши специалисты прекрасно устраиваются в западных компаниях и получают достаточные средства для достойного существования. Но очень хорошо известно и то, что большинство людей предпочитают, по возможности, основную часть жизни проводить на родине, среди родных и друзей, соотечественников, обладающих близким менталитетом. Нужны весьма веские причины, чтобы вынудить человека навсегда покинуть родину.

территории производство (а чаще лишь сборку с последующим когда-нибудь увеличением доли отечественных комплектующих) наукоемкой продукции - компьютеры, цифровые телефонные станции и т.д. Этот путь, на мой взгляд, не может оказать существенного влияния на экономику страны. Дело в том, что современное производство, например, в телекоммуникационной отрасли автоматизировано на 90-95%, конечная продукция стремительно дешевеет, а наибольший вклад в ее стоимость вносит не собственно «железо», тем более сборка, а «мозги», то есть программное обеспечение. Кроме того, чрезвычайно важным является то обстоятельство, что в отличие от многих других стран, в России не сформировалась культура производства современных товаров для людей. Особенность этого производства состоит в том, что продукция является интеллектоемкой, производится на высокоточном оборудовании, требующем хорошо образованных работников с очень высоким уровнем ответственности и осознанной дисциплины, но главное - это то, что небольшие коллективы

Можно ли создать условия, при которых «мозги» перестанут утекать, а их носители смогут вполне достойно жить в России, да при этом вносить значительный вклад в развитие ее экономики? Я полагаю, что ответ на этот вопрос положительный. Надо только определить приоритетные области и организационные формы эффективного использования этих «мозгов».

Имеется несколько вариантов ответа на этот вопрос. Наиболее обсуждаемый состоит в том, что мы предлагаем инвесторам (иностранным или отечественным) разместить на нашей

производят эти товары миллионными тиражами. Например, завод компании Моторола, на котором работает меньше 1500 человек, производит в год шесть миллионов сотовых телефонов (аналогичные показатели имеют Нокия, Эрикссон и др.). При этом стоимость программного обеспечения в структуре цены составляет от 65 до 80 процентов.

Учитывая, что стоимость строительства нового завода весьма высока и требует немалого времени, а подготовка новых рабочих для этого завода - тоже вопрос не одного дня, становится ясно, что размещение таких

ПРОЕКТ ИСИД

производства в России не может быть особенно рентабельным. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов оправданные опасения иностранцев размещать в нашей стране значительные средства в виде недвижимости.

С другой стороны, в России создавалось немало компаний, ставивших своей целью производство программной продукции и реализации ее на западном рынке (например, компьютерные игры). К сожалению, почти не известны успешные проекты такого сорта. В чем же здесь дело? Мне представляется, что корень проблемы кроется в двух обстоятельствах. Первое - производя продукцию «для людей», иностранные производители научились предугадывать и удовлетворять всяческие мыслимые и немыслимые потребности и причуды потенциальных покупателей. Можно сказать, что сформировалось «общество избыточных потребностей»! Без грамотной «упаковки», учитывающей психологию и вкусы покупателей конкретной страны, невозможно продать даже очень хорошую и «умную» продукцию. Но для того, чтобы это знать, надо жить среди тех же потенциальных покупателей и иметь тот же менталитет. Второе обстоятельство состоит в том, что собственно продвижение товара на внешний рынок и организация его продаж - тоже не наш конек.

«Микроконтур», было организовано в точности по тому типу, что изложен выше. И вполне успешно реализовывало свою продукцию на Западе. Другой пример дает нам фабрика программного обеспечения, организованная компанией Моторола в Санкт-Петербурге, на которой уже работает более двухсот человек, и фабрика продолжает расширяться. Если окинуть взглядом зарубежье, то мы увидим, что этот же вариант реализуется в индийском городе Бангалоре, где создано более 160 центров по производству программного обеспечения. Индия и Ирландия (создает программного обеспечения более чем на 3 миллиарда долларов США в год!) превращаются в крупнейшие страны-производители программной продукции. Но ведь у России потенциал не меньше!

Конечно, можно ожидать, что процесс пойдет сам собой. Иностранцы, заинтересованные в высококлассных и сравнительно дешевых «мозгах», сами по примеру Моторолы найдут в России нужных работников и организуют соответствующие предприятия. Но надеяться на то, что таким образом будет создана мощная индустрия, не приходится. И причин тому много - это несовершенное налоговое законодательство, нерешенность проблемы вывоза капитала (невозможно реинвестировать всю жизнь), но самое главное - страна наша весьма обширна,

Что же предлагается? Я полагаю, что нужно создавать интернациональные коллективы (форма собственности не имеет значения), в которых разработку основной части интеллектуального продукта возьмет на себя российская команда, а формирование заказа, «упаковку» и продвижение на рынок - иностранная команда. Такая форма организации представляется вполне жизнеспособной, да и успешные примеры имеются. Один из первых - созданное С.Пачиковым в конце 80-х в Москве Советско-американское СП «ParaGraph». Это предприятие, выросшее из кооператива

ПРОЕКТ ИСИД

предприятий. При этом мы обращаемся к потенциальным инвесторам не с униженной просьбой о вспомоществовании, а с достойным и реальным предложением стать нашими партнерами и при сравнительно небольших начальных инвестициях хорошо совместно зарабатывать. Такой вариант имеет хорошие шансы на успех. Выгоды здесь налицо. «Мозги» остаются в России и при этом оплодотворяют окружающую действительность -

информация об интеллектуальных кадрах специально не аккумулируется (Москва и Санкт-Петербург представляют здесь некоторое исключение). Поэтому необходимо серьезное участие государства в этом процессе. В Омске мы пошли по пути создания специального Агентства (по типу брачных?), которое, с одной стороны, аккумулирует заявки потенциальных заказчиков-работодателей, а с другой стороны создает базу интеллектуальных работников и коллективов страны. Это же Агентство принимает деятельное участие в создании соответствующих

участвуют в процессе подготовки новых кадров, расширяют сферу своей производственной деятельности. Бюджет получает заметные дополнительные средства, способствующие дальнейшему росту экономики. Россия, сохранив и приумножив свой интеллектуальный потенциал, занимает достойное место в современном мире. Заодно становится ясно, какого отечественного производителя надо поддерживать.

КЛУБ ДЯДЮШКИ ЛЮ

От редакции ▼

Дядюшка Лю (Константин Николаевич Любутин) - классик отечественной субъектологии и объектологии, один из основоположников Уральской философской школы, автор многих печатных трудов, еще большего количества малопечатных и совсем непечатных. Большую известность получили в кругах уральской, околоуральской и зауральской философской общественности продуцируемые им разновидности афоризмов - любутизмы. Лю оказал большое и не до конца объясненное сегодня влияние на все сферы культуры.

китайского происхождения. Ученые КНР считают, что ЛЮ БУТИН - отдаленный потомок великого китайского поэта ЛИ БО, о чем говорит поэтическое творчество философа.

Как крупный антрополог - душелюб, дядюшка Лю в суровых условиях среднеуралья сумел наладить массовое производство особей обоего пола разной остепененности. Судя по заявленной в его текстах глубокой осведомленности о тайных замыслах Л. Фейербаха, К. Маркса, К. Ясперса, М. Шелера и др. - Лю находился в тесных (возможно, родственных!) отношениях с ними.

Так новейшими исследователями в области любутологии выяснено, что известная народная песня «Любо, любо, любо, любо, братцы, жить!» сочинена его многочисленными почитателями. По не вполне ясным причинам в его честь названа известная группа «ЛЮБЭ».

Многое до сих пор остается неясным в биографии этого мыслителя. По одной из версий - это мыслитель

Лю - душа университетских и институтских капустников. Его главный остросюжетный и юмористический труд «Выбранные места из переписки с друзьями» выдержал множество изданий (1990, 1993, 1995, 2000). С некоторыми фрагментами столь яркого и глубокого произведения мы хотим познакомить наших читателей.

КЛУБ ДЯДЮШКИ ЛЮ

Из старой корзины Афоризмы от Гайды

К.Н. Любути́н

Из старой корзины ▼

Сначала я хотел написать поэму в прозе, как Ник. Вас. Гоголь. Даже придумал начало: «Стояла первая брачная ночь...». Потом я вспомнил, что давно уже стал целомудренным, как железо, как поздний Лев Наум. Коган, и захотел написать поэму в стихах. Даже придумал начало:

«Она лежала без одежд,

Но я не оправдал надежд.»

Но потом я еще вспомнил, что надежда - дева с прекрасным личиком, но увядшими грудями, и мне захотелось повернуть к жанру автонекролога, популярному ныне на Западе. Я даже придумал конец: «Прошу выразить сердечную благодарность всем лицам, которые пришли проводить меня в последний путь». Дальше дело не пошло, я последовал Совету Федора Сологуба - «пропустил лампадочку» - и остановился на самом коротком варианте автонекролога: «Вот и все». В

забывать, кому это угодно.

3. *На что я могу надеяться?* На покаяние. Покаяться никогда не поздно, а вот согрешить можно и опоздать.

4. *Что такое человек?* Кант мог бы сказать, что человек - это звучит горько. А вот заблудшие овцы - это гораздо интереснее. Когда я рассказал об этом академику Еремееву, он принял позу великого человека и изрек: «Не так страшна ранняя старость, как запоздавшая молодость». Подумав, добавил: «Конечно, деревенский снег чище, но городской гораздо содержательнее». А я опять вернулся к Канту.

«Критика чистого разума». Ныне все ищут братьев по разуму,

хотя логичнее было бы поискать родственников по глупости. Кант не верил в коллективную мудрость дураков.

«Критика практического разума». Кант мог бы убедиться, что нынче наши недостатки - продолжение нашей зарплаты.

общем, очень трудно писать автонекролог, когда нет главного - смерти. И я стал думать.

Например, о том как бы ответил Кант на свои знаменитые вопросы, живи он в наше время.

1. *Что я могу знать?* Что путь к инфаркту гораздо приятнее, чем бег от него.

2. *Что я должен делать?* Не говорить правду, если не знаю, чего от меня ждут. И думать, что угодно, но не

Наконец, знаменитая кантовская «*Антропология*», где дан ответ, что такое человеческая жизнь. Кант мог заметить, что чем дороже колбаса, тем дешевле жизнь человека. Думаю, на сакраментальный вопрос, куда идем, Кант мог сказать: «Если бы я знал, я давно был бы там».

А в общем, жизнь - это то, что длится в течение поцелуя. Все остальное мемуары.

КЛУБ ДЯДЮШКИ ЛЮ

Афоризмы от Гайды ▼

Справка редакции: Анатолий Войцехович Гайда - ученик, последователь и соратник К.Н. Любутина. Рожден под знаком Скорпиона, наделен ясным умом. С помощью логики он способен загнать в угол кого угодно, в том числе и себя. Все, что он делает, делает всегда хорошо, за исключением пятниц. «Он еще в студенческие годы обещал вырасти в крупного организатора всех наших побед», - сказал когда-то однокурсник Гайды. (Как в воду глядел). Гайда - излюбленный персонаж художественных произведений и устных творений дядюшки Лю. Сам Гайда не остается в долгу. Вот небольшая толика его премудрости:

Гайда о любви и женщинах

- От любви не умирают, от нее рождаются.
- И рад бы в рай, да грешницы не пускают.
- Но нельзя же всегда относиться к женщине, как Адам к Еве в дояблочный период.
- Можно ли считать разборчивой невесту, которая лопаает все подряд?

Гайда - людоед и правдолюб

- Человек, которому плохо, даже если ему хорошо - неврастеник.
- Человек - уникальное животное. С него можно содрать несколько шкур.
- Чем умнее черт, тем тише омут.
- «Что такое всесторонне развития личность?» - спросили Гайду на консультации. - «Это человек, который не только поет с чужого голоса, но и пляшет под чужую дудку», - ответил А.В.
«А как все-таки познать себя?» - спросил студент во время работы проблемной группы по герменевтике. - «Научитесь говорить правду в глаза - получите абсолютную истину», - пояснил Гайда.

Гайда деловой

- По телефону можно сделать все, кроме детей.
- Гены генами, а связи иметь надо.
- Надо поставить каждого на свое место, знаете, сколько появится вакансий

- Мужчине с годами все труднее ухаживать за дамами, приходится волочиться.
- Даже женатый человек, т.е. человек, посаженный на диету, имеет право читать меню.
- Старая дева может утешаться тем, что никогда не станет вдовой.
- «Ваше хобби?», - спросили Гайду. - «Читать книгу любви в оригинале».
- Когда начинают гладить по шерсти, гляди, чтобы не остригли.
- Если не знаете, что делать, делайте то, что нужно.

Гайда о вечном

- Грешен не тот, кто согрешил, а кто покался. А беспорочному человеку трудно добиться отпущения грехов.
- Добродетель требует вознаграждения, порок же приятен сам по себе.
- Что поделаешь, когда нет денег.

ПОЭТИК

ПОЭТИК

Л.А. Ладейщикова

КАПСУЛА

О.Р.

Жизнь — капсула, вмещающая дух,
Хранилище огня, любви и света,
Двустворчато скрывающая в двух
Влекомых половинках страсть запрета.

Прекрасен плод, как капсула сонета.
Жизнь мельтешит, как тополиный пух,
Но тараканья капсула и мух Жужжание
— бессмертия примета.

Жизнь подбирает всех — за слоём слой
И в капсулу земли, как перегной,
Ложатся травы, люди и столетья...

В ладонях нитрокапсула дрожит. Ее
принять, как чудо, надлежит, Чтоб
заглянуть в тысячелетье третье.

1.12.2000

БЕЗДНА

ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА

Залетел ротозей в золотые ворота,
Но пришельца с небес не вместил Колизей, -
Гладиаторский дух без мечты и полёта
Возвышая рабов, унижает друзей.

В здешний рай, хоть умри, а дороги не будет.
Ощетило время предательства штык,
Запирают ворота не Боги, а люди,
Лжемудрейший мой друг, сатанеет твой лик!

Оставляю у стен письма и надежды,
И - прощай крепостной золочёный порог!..
Улетел ротозей... Спыхватились невежды,

Мне было неизвестное - известно,
Цвела поющим стеблем жизнь моя,
Но времени чарующая бездна
Надвинулась на солнце бытия.

И - полегла во мгле моя дружина,
Отяжелели крылья за спиной...
...Но семя набухает, как пружина,
Страсть повторяя, пройденную мной.

Бессмертия легенда расцветает,
И память тщится свитком ветра стать...
Но тьма густеет... Света не хватает,
А новым звёздам хочется сиять.

И лёгкий стебель посреди дороги,
Куда ушли миры и города,
Вот-вот подхватит бездна, без тревоги,
И вознесёт легко и навсегда...

25. 07. 2001.

ПОЭТИК

И вселенские бури впаялись в магнитную
ночь.

Распластавшись на карте, Урал прижимаю к
груди, —
Захребетный огонь тут едва ли сумеет
помочь.

Захрустела спина — неужели и душу на
слом?
Вся история рода, быть может, прекрасный
обман, —
Враз смахнула судьба европейским помятым
крылом
Хромосомную память предавших друг друга
славян.

Как слеза солона! Не приемлю летальный
исход.
Пузырятся под пальцем моим города-
волдыри...
Русь — больна, но вскипает в котле
генетическ
ий код,
Как любовь, что сердца расширяет и прёт
изнутри.

И вольна пожелать, чтоб и впрямь захватили
в полон
Половецкие страсти, где время обратно
течет.
...Как закроет ворота Европа, отвесив
поклон,
Так российское солнце начнет азиатский
отсчет.

Что невнятна им тайна пророческих строк.

Мчится облаком чёрным - облава, охота,
Но прицельную мысль не поймать никогда.
Рухнул мир... По частям растащили ворота,
Но сияет, как миф, ключевая звезда.

2001

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ КОД

"...Иль нам с Европой спорить ново?"
А.С.Пушкин

Загрустила страна, развернулась лицом на
восход,
Потемнели глаза и обузилась светлая речь...
Столкновение времён, как имен генетический
код,
Выбирая из двух, — не желает Россию
сберечь.

Как слеза солона! Беспросветная мгла
впереди

ЛАВИНА

Земного солнца половина
Неотделима от второй,
Но надвигается лавина -
Глобальный выброс штормовой,

Повальный ветер дармовой,
Ложась на согнутые спины,
Стирает страны, как былины,
Коварной варварской игрой.

Полмира пламенем объято.
Мадонна во грязи распята,
Как прах, развеяно добро,

И звёздные аэродромы
Пульсируют над божьим домом,
Поправ адамово ребро.

3. 09. 2001.

Ю.Г. Конецкий

ПАМЯТНИК ЖУКОВУ

скульптору К.Г.

Ты памятник воздвиг двойной... Сначала
глиной
Размятую он был, податливой, как воск,
Которой, взматерев, твой замысел оброс
И бронзово застыл, эпически-былинный.

Конь маршала свиреп победной мощью
львиной,
Чьи мускулы в разрыв натянуты, как трос,
И мужественно-груб одетый в китель торс
Героя, что в бои бросал войска лавиной.

Твой всадник твердолик в кольчужных орденах,
Приветствуя парад, привстал на стремянах, -
Но взгляд его тяжёл с-под козырька фуражки.

Поверженный штандарт врага - у конских ног...
Он, триумфатор, смог окончить подвиг тяжкий,
Но жесткий рот его солдатский скорбно строит.

ПОЭТИК

COHET

Сонеты собирает? Ну и ну! –
Смешно занятие интеллектуала,
Как будто в мире дел иных не стало
Или Чубайс не разорил страну.

Когда стоит Россия на кону, -
(Где ж Пётр, змее конём прижавший
жало?)-

Змея, сползая в кольцах с пьедестала,
Шипит на всех, кто помнит старину:

B. T.

- Поэты - это сроду дураки,
Плетут, шепча, сонетные венки
Из лавра, из берёзы, из крапивы,

Нет, чтоб заняться бизнесом крутым...
Но стих живёт, «сердца для чести живы»,
И горд сонет сеченьем золотым.

ПЕНТАГРАММА

Побежал что-то устраивать себе -
впереди зимняя аллея.
Тихая погода - но мне каждый раз кажется,
что я пробегаю мимо,
Я душой за неё, но меня за собой волокут
мои серые мысли.
Но однако их облекает серое небо, которое
трансцендентно и выше понятия серого.
Меня тащат куда-то заботы и брренное тело.
Но всё-таки несмотря ни на что это зимнее
небо с синими водяными разводами!
Люди могут сломать деревянный сарай,
потемневший от старости.

В.В. Говорков

власть вмешиваться в чью-либо жизнь - то почему же они часто прибегают к анонимной угрозе, и подсылают неизвестных, чтоб кого-то с дороги убрать? Не потому ли, что жизнь человека более частное дело, чем это им кажется.

Мы

Моя бабушка.
Мир ей! Мир и вам!
Когда я подростком был ...

Он когда-то чернел под налетавшим
стремительно снегом.
(Впрочем, это мне грустно, и я бы не хотел
на этом останавливаться).
Но небо не сломаешь, почему ж каждый
раз в беготне я себе говорю, что это
потом?

Говорят, что политики отвечают за всё.

Говорят, что политики отвечают за всё.
Если развивать эту мысль до конца, то
получается, что
природа человека политична .
Но человек рождается не будучи сразу
политиком,
а когда он умирает надо всегда понимать,
что даже если он
просто политик, то он умирает как человек.
Так ли уж они необходимы!
Я лично ни с кем не договаривался, чтобы
они были.
Если политики считают, что они имеют

ПОЭТИК

Моя бабушка ...

За руку крепко она
держала меня,
как держит суглинок меня,
сырая земля ...

Водила меня по своим знакомым.

... А много было их у неё.

Если свет в окошке –
то, значит, люди.

А древесный
шершавый бок
погладит она –
то, значит, сосна.

Тогда она была жива.

Её ночь ...
Её рожь ...
Её лес ...

Моя ночь.
Моя рожь.
Мой лес.

Только разница в том,
что я для неё
многоочия ставлю.

Но в мире остались
и ночь
и луна
и мы.
... Дождь прошивает дорогу.

И проходит дождь...
Просыхает дорога.

В этом мире осталось
сполна ещё нам!

Вела меня к людям...
В окошке свет
своим кипятком
темноту обдавал,

вернее, то место осенней дороги,
где с бабушкой я
у калитки стоял ...

Вот так осознал я слово "знакомые".
Её ночь да пребудет вовеки!
И вовеки пребудет рожь!
Её лес да пребудет вовеки!

Потому говорю я: мир ей!
Потому говорю: мир и вам!

В.Н. Руденко

Технотронный город

Технотронный город
погружен в раскаленный воздух.

На пластмассовых островах
зреют пенопленовые помидоры.

В окне монорельсового поезда -небо,

обернутое в рекламу.

В руках утомленного чиновника -
"The Japan Times" с фотографией робота-бультерьера.

Пятнадцать миллионов потных тел -
под землей, на земле, над землей.

Музей Эдо ностальгически вспоминает сады,
где когда-то лопухи колыхались под пение гейш.

У монумента очкам
«Исэ Моноготари» не читают кавалеры,
влюбленные в дам.

С наступлением темноты на Роппонги
чернокожие сутенеры завлекают в бордель
незадачливых прохожих.

Свет мириад автомобилей
меркнет в сетях неона, опутывающих стекло
и бетон.

В надрывном вое полицейских сирен

ПОЭТИК

кузнечики на деревьях стрекочут свою
последнюю песню.

Кротко смотрят бездомные
на сверкающие витрины с экзотическими
фруктами.

В ресторанах за низкими столиками
захмелевшие от саке посетители поглощают
бамбук и бобы.

Молчаливо висят мосты над Сумидой,
угрюмо мигают сигнальные огни
небоскребов.

Храпят на циновках борцы сумо, -
тенью серых мышей юркнули в камни духи со
стен синтоистских храмов.

Сквозь марево асфальтовых испарений
улыбается Збигнев Бжезинский.

МЕГАПАРСЕКИ

Если ты хочешь найти человека с веселым
лицом,
Будь уверен, его ты отыщешь через тысячи
мегапарсек.

Миллионы асфальтовых лиц льются мутным
потокотом Среди мусорных стен на тысячи
мегапарсек.

Если у тебя появилась Мечта,
Она сбудется — остается пройти тысячи
мегапарсек.

Нищие в переходах глотают гнилую слюну,
Слизко сползающую на язву глубиной в
тысячи мегапарсек.
Если у тебя пропала Надежда,
Поверь, она забрезжит через несколько
тысяч мегапарсек.

На сугробах в степи заседает Ученый Совет,
Размечает без усталости ветер волосы стариков
на тысячи мегапарсек.

Если ты жаждешь Правды,
Ее ты, несомненно, найдешь, просверлив
сотни тысяч мегапарсек.

Брякает крышка распятого почтового ящика,
Лопаются канаты длинной в тысячи
мегапарсек.

Если ты желаешь просто - на просто жить,
Ты заживешь через тысячи тысяч
мегапарсек.

Резервуары протосоциального Смысла
Воплощаются в симулякрах на пространстве
в тысячи мегапарсек.

Люди с Мечтой и Надеждой
В поисках Правды и Смысла отсчитывают
первый мегапарсек.

КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ

К 80-летию «философского парохода»

М.Е. Главацкий

В мае 2002 года Конгресс интеллигенции Свердловской области, Уральский общественный исследовательский центр «XX век в судьбах интеллигенции России», Ассоциация исследователей российской истории, Пермский мемориальный музей истории тоталитаризма и политических репрессий, Институт философии и права УрО РАН, Общественная палата Свердловской обл., Уральское философское общество проводят конференцию, посвященную 80-летию «философского парохода».

Тема является одной из самых актуальных и востребованных. Этому

демократических ценностей и институтов встречает противодействие со стороны учреждений власти. Особую значимость приобретает исследование и обсуждение широкого круга проблем, связанных с опытом и уроками оппонирования и оппозиционности интеллигенции политическим режимам: до 1917 г. – царскому, имперскому, после 1917 г. – большевистскому.

В ходе проведения конференции предполагается посещение Пермского мемориального музея истории тоталитаризма и политических репрессий, расположенного на месте бывшего концлагеря Чусовского района Пермской обл.

способствует современное переходное состояние российского общества, при котором формирование подлинных

Информационное письмо ▼

Конгресс интеллигенции Свердловской области. Уральский общественный исследовательский центр «XX век в судьбах интеллигенции России», Ассоциация исследователей российской истории. Пермский мемориальный музей истории тоталитаризма и политических репрессий, Общественная палата Свердловской области, Уральское философское общество, Институт философии и права УрО РАН.

Приглашают Вас принять участие в работе проводимой 24-25 мая 2002 г. конференции, посвященной 80-летию «философского парохода»:

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ИНАКОМЫСЛИЕ, ВЛАСТЬ

Планируется обсудить следующие

КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ

Объем тезисов до 3-х страниц (через 1,5 интервала, 14 шрифт) в виде распечатки и на дискете в редакторе Word (электронную версию можно послать также электронной почтой по адресу исследовательского центра: centre.20@usu.ru). К тезисам прилагаются сведения об авторе: Ф.И.О., должность, название организации или учебного заведения, ученая степень и звание (если имеются), адрес и телефон (служебный и домашний); E-mail. Материалы конференции будут изданы

Ниже дается текст информационного сообщения о предстоящей конференции.

вопросы:

1. Интеллигенция: опыт «хождения во власть», участия в государственном строительстве
2. Уроки оппозиционности интеллигенции политическим режимам
3. Российский антиинтеллектуализм («спецеество снизу и сверху»): причины, условия, формы
4. Дискриминация и репрессии в отношении интеллигенции: возможности, направления, ресурсы, границы, результаты.
5. Права, льготы, привилегии номенклатуры и интеллигенции: сопоставление характеристик

Тезисы докладов представляются до 1 марта по адресу: 620083, г. Екатеринбург, пр.Ленина, 51, УрГУ, к.311. Санниковой Т.О. (телефон: 55-74-77)

до начала ее работы.

Планируется следующий порядок работы конференции: 24 мая - пленарное заседание (Пермь, Педагогический университет); 25 мая - работа секций и посещение мемориального музея истории тоталитаризма и политических репрессий в Чусовском районе (на месте бывшего концлагеря).

Более подробная информация будет направлена дополнительно, после отбора тезисов.

Оргкомитет

НОВЫЕ КНИГИ ПО ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ И ПРАВУ

составитель – Е.М. Сурина

Вершинин С. Е. Жизнь - это надежда: Введение в философию Эрнста Блоха. -

Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. - 304 с. - ISBN 5-901527-07-0.

Монография посвящена рассмотрению философии надежды известного немецкого мыслителя Эрнста Блоха. Впервые в отечественной литературе предпринята попытка реконструкции его творческой биографии в контексте основных исторических событий XX века и в контексте новой интерпретации истории ГДР. В работе дается системный анализ философских, социологических, политических и эстетических взглядов Э. Блоха. Большое внимание уделяется проблемам перевода немецких философских понятий.

Гайда А. В., Любути́н К. Н., Мошкин С. В. Марксизм Иосифа Сталина: Философско-политологические этюды. - Екатеринбург: УрО РАН, 2001. - 287 с. - (Российские версии марксизма). - ISBN 5-7691-1185-2.

Книга посвящена теоретическим взглядам И. В. Сталина. В центре внимания авторов - социально-философские, экономические и теоретико-политические изыскания одной из самых заметных фигур политической истории России XX века. Был ли Сталин ортодоксальным марксистом? Что такое социализм по-сталински? Эти и другие вопросы, связанные с анализом теоретического наследия Сталина, авторы рассматривают на основе широкого круга документов и событий истории советского общества.

Гайда А. В., Максүтов А. Б. Теология власти. - Екатеринбург: УрО РАН, 2001. - 262 с. - ISBN 5-7691-1166-6.

Монография посвящена вопросам становления политической науки XX века. Вниманию читателя предложен краткий и содержательный анализ достаточно влиятельных в Европе и США, но до сих пор практически не известных у нас в России, теорий власти и государства. Все они составили сокровищницу политической науки XX столетия.

НОВЫЕ КНИГИ

Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Массовая коммуникация и власть: Анализ основных теоретических подходов. - Екатеринбург: УрО РАН, 2000. - 90 с. - ISBN 5-7691-1103-8.

Издание посвящено анализу проблемы взаимоотношений массовой коммуникации и власти. Рассматриваются две основных модели этих взаимоотношений - модель доминирования и плюралистическая модель. Особый интерес представляет обсуждение вопроса о применимости этих моделей к изучению отечественных СМИ.

Емельянов Б. В. Очерки русской философии XX века. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. - 340 с. - ISBN 5-7525-0978-5.

В книге анализируются различные аспекты развития и содержания русской философии XX в., выразившиеся в трудах и идеях ее школ и выдающихся представителей. Впервые рассматриваются политические судьбы русской философии, академическая религиозная философия, отечественная философия образования.

Емельянов Б.В., Русаков В.М., Шляпугина Р.Я. «Вопросы философии и психологии» - первый русский философский журнал (1889-1918). Монография // Екатеринбург: издательство УрГСХА, 2001. – 136 с. ISBN 5-87203-122-X

В монографии впервые в отечественной историко-философской литературе дается целостная картина возникновения, развития и влияния первого русского философского журнала – «Вопросы философии и психологии», выходившего в

течение почти 30 лет на рубеже XIX-XX вв. В работе представлено проблемное поле журнала, показана роль разных поколений авторов, решавших в каждый период особенные задачи развития философской и общественно-политической мысли в России. История становления и деятельности уникального периодического философско-теоретического издания весьма поучительна и без учета его вклада в отечественную духовную культуру ее история не может быть адекватно понята.

Западная теология XX века: Избр. тексты / Пер. с англ; нем.; Общ. ред., вступ. ст., коммент. Е.А. Степановой. – Екатеринбург: Изд-во. Урал. Ун-та, 2001. – 332 с. ISBN 5-7525-0891-6

В сборнике представлены статьи известных американских, немецких и английских теологов, в которых излагаются современные подходы к традиционным теологическим проблемам, а также история становления и развития таких разделов систематической теологии, как учения о Боге, о Христе, о Святом Духе и церкви.

Исследование проблем федерализма в России: Междисциплинарный подход. Вып. 2. Совершенствование федеративных отношений в условиях реформы государственного управления/ Э. Э. Россель, А. П. Воробьев, Г. А. Ковалева и др. - Екатеринбург: УрО РАН, 2000. - 322 с. - ISBN 5-7691-1095-3.

Настоящая монография продолжает серию публикаций, посвященных междисциплинарным исследованиям проблем федерализма в России. Представлены подходы к формированию государственных правовых и экономических механизмов развития федеративных отношений в России. По ряду проблем рассматриваются вопросы социально-правового плана, предлагаются формализованные методы, основанные на экономико-математическом моделировании.

Историко-философские исследования: Избранное/ Под ред. К. Н. Любутина. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. - 148 с. - ISBN 5-7996-0087-8. - Содерж.: О специфике и границах позитивистского подхода в современной философской

НОВЫЕ КНИГИ

антропологии/ Перцев А. В. “Социальная этология”: критика биологизаторской концепции человека/ Малышев М. А. “Проблема человека” и философская антропология/ Любути К. Н. Проблема “индивид-общество” в философии Ортеги-и-Гассета/ Кутлуни А. Г. Религиозно-философская концепция человека (критика “антропологии” М. Бубера)/ Куликов В. Б. Человек против “сверхчеловека” (проблема ценности человеческой личности у Ф. М. Достоевского)/ Емельянов Б. В. “Диалектическая антропология”, содержание и социальный смысл/ Гайда А. В. Человек - ценность - практика (противоположность марксистского и прагматистского подходов)/ Владимирова И. В. Учение Цицерона о человеке и его приложение к истории философии/ Звиревич В. Т.

Ковалева Г. А., Пешина Э.В. Управление социальной сферой: Нормативный подход. - Екатеринбург: УрО РАН, 2000. - 204 с. - ISBN 5-7691-1076-7.

В книге изложены вопросы совершенствования социального управления и планирования на основе нормативного подхода. Рассматриваются особенности социальных нормативов, предъявляемые к ним требования, теоретические и практические методы их построения. Даются рекомендации по использованию социальных норм и финансовых нормативов в системе государственных минимальных социальных стандартов.

Любути К. Н. История западной философии: Пропедевтика: Учеб. пособие для высших и сред. учеб. заведений: Ч. 1. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та,

Нижневартонск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2000. - 158 с. - ISBN 5-7525-1059-7, ISBN 5-89988-097-X.

Книга, содержащая в себе черты учебного пособия и хрестоматии, представляет собой пропедевтику, то есть введение в историко-философскую науку, подготовительные материалы к учебнику. В ней обобщено многолетнее чтение автором курса истории философии для студентов Уральского государственного университета им. А. М. Горького, Нижневартонского государственного педагогического института и других высших и средних учебных заведений региона.

Любути́н К. Н., Мошкин С. В. Российские версии марксизма: Николай Бухарин. - Екатеринбург: УрО РАН, 2000. - 206 с. - ISBN 5-7691-1033-3.

В книге дается анализ философского наследия крупнейшего представителя российской школы марксизма. В центре внимания авторов - политическая философия Бухарина. Рассматриваются особенности методологии Бухарина-теоретика, понимание им диалектики и принципов исторического развития, показываются методы, применяемые Бухариным в социальных и исторических исследованиях. В книге анализируются бухаринские концепции: империализма и мирового хозяйства, международной пролетарской революции, процесса трансформации буржуазного государства в социалистическое и пр.

Любути́н К. Н., Пивоваров Д. В. Синтетическая теория идеального. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, Псков: ПОИПКРО, 2000. - 207 с. - (Философская б-чка учителя; Вып. 9). - ISBN 5-7522-0020-2.

Авторы книги дают анализ различных точек зрения на проблему идеального. Они разработали свой вариант синтеза альтернативных концепций. Их концепция вбирает в себя "души" научно обоснованных альтернатив гносеологического взаимодействия субъекта и объекта.

Мошкин С. В. Красная экспансия на Восток. - Екатеринбург: УрО РАН, 2000. - 186 с. - ISBN 5-7691-1061-9.

НОВЫЕ КНИГИ

В своей новой книге автор продолжает исследование большевистского экспансионизма, предпринятое им ранее в работе "Революция извне: Историко-политологические очерки" (Екатеринбург, 1997). На этот раз в центре внимания - большевистская экспансия на Восток. Читатель узнает о планах и попытках большевистских руководителей установить коммунистическое правление в Индии, Иране, Афганистане, Турции, об обстоятельствах советизации государств Средней Азии и Закавказья.

Перцев А.В., Черепанова Е.С.

Сова Минервы над муравейником: (Очерки жизненной философии). - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. - 237 с. ISBN 5-7525-0926-2

В работе докторов философских наук А.В. Перцева и Е.С. Черепановой использован метод понимания в историко-философском исследовании. На основании философских и художественных текстов они реконструируют мир личных переживаний Ф. Ницше, К. Ясперса, О. Конта, руководствуясь принципом, согласно которому любое философское учение ничуть не меньше говорит о своем создателе, чем о предмете, которому оно посвящено. Особое внимание уделяется влиянию инобытия позитивизма и экзистенциализма в культуре советского периода.

Политика &...// Русаков В.М., Пьяных Е.П., Демидов Г.М., Александрова Н.А., Кузнецов А.Ю., Екатеринбург, УрГСХА, 2001. - 151 с. ISBN 5-87203-140-8

Сборник статей «Политика и...» адресован студентам, изучающим курс политологии и ставит задачу пробуждения интереса к изучаемой дисциплине путем обращения внимания на весьма актуальные связи политики с другими сферами жизни общества – с экономикой, наукой, искусством (кино, литература, музыка, архитектура и др.). Политология, как наука о политической жизни общества должна дать человеку и обществу четкий ответ – какова природа политики как особой сферы жизнедеятельности общества, в том числе и на вопрос о пределах вторжения политики в различные сферы жизни, о пределах политизации, за которыми вторжение политики несет человеку и обществу неисчислимые страдания и несчастья. Книга содержит разнообразный иллюстративный материал и ссылки на широкий круг разнообразной литературы, помогающей заинтересованному читателю глубже изучить поднимаемые проблемы.

Правотворческая деятельность субъектов Российской Федерации: Теория, практика, методика/ Под ред. А. В. Гайды, М. Ф. Казанцева, К. В. Киселева, В. Н. Руденко. - Екатеринбург: УрО РАН, 2001. - 448 с. - ISBN 5-7691-1107-0.

Книга посвящена исследованию правотворческой деятельности субъектов Российской Федерации, которая рассмотрена с трех точек зрения: учебно-теоретической, практической и методической. Основное внимание уделено общим проблемам регионального правотворчества. Анализируются также отдельные специальные проблемы регионального правотворчества (особенности правотворчества субъектов Российской Федерации в финансовой сфере, лоббизм в правотворчестве и др.).

Психология - политика - технология: Монография/ Куликов В. Б., Тихомиров А. В., Ложкин А. И., Возилкин И. В. - Екатеринбург: Изд-во Урал. юр. ин-та МВД России, 2001. - 106 с. - ISBN 5-88437-078-4.

В монографии рассматриваются новые подходы в области политического консультирования, важная роль в которых отводится психологическим и психотерапевтическим методам и техникам: психодиагностика, психокоррекция, релаксационные техники, поведенческий тренинг для референтной группы с использованием психолингвистики. Особое внимание уделено описанию

НОВЫЕ КНИГИ

определенных патологических психотипов - так называемых провокаторов общения и генераторов конфликта, а также способам нейтрализации их агрессивности.

Русакова О.Ф. Радикализм в России и современном мире: вопросы типологии. - Екатеринбург: Изд-во УрГСХА, 2001. - 352 с. - ISBN 5-87203-135-1.

В книге рассматриваются вопросы истории и типологии российского радикализма XIX - XX вв., новейшие формы левого и правого радикализма. Автор предлагает свою, нетрадиционную классификацию, выделяя следующие линии: якобинский, революционно-демократический, либеральный и национал-большевистский радикализм. В качестве синтетического типа радикализма рассматривается большевизм, при анализе которого особое внимание уделяется его различным концептуальным моделям: веховской, сменовеховской, евразийской, меньшевистской, "гибридным".

Русакова О. Ф. Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы, идеи. - Екатеринбург: УрО РАН, 2000. - 354 с. - ISBN 5-7691-1072-4.

Работа посвящена ведущим концепциям философии и методологии истории, сложившимся в научных сообществах XX века. Впервые дается комплексный анализ

концептуальных моделей методологии истории, представленных позитивизмом, неокантианством, исторической герменевтикой, школой “Анналов”, исторической антропологией, новой интеллектуальной историей. Отдельные главы раскрывают ранее не подвергавшиеся специальному анализу версии методологии истории, содержащиеся в работах А. С. Лаппо-Данилевского, М. Вебера, Б. Кроче, Р. Дж. Коллингвуда, Р. Арона, К. Поппера, А. Я. Гуревича и других видных мыслителей XX столетия.

Совершенствование законодательства и правотворческого процесса в субъектах Российской Федерации: Программа подготовки специалистов/Ред. кол.: А. В. Гайда, М. Ф. Казанцев, К. В. Киселев и др. - Екатеринбург: УрО РАН, 2000. - 230 с. - ISBN 5- 7691-1024-4.

В издании представлена комплексная программа обучения депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и государственных служащих, участвующих в правотворческом процессе в субъектах Российской Федерации, в частности в Свердловской области.

НАШИ АВТОРЫ

НАШИ АВТОРЫ

РУСАКОВА ОЛЬГА ФРЕДОВНА – доктор политических наук, профессор, зав. Отделом философии Института философии и права УрО РАН, действительный член Академии политической науки.

ЕРШОВ ЮРИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии УрАГС, действительный член Академии социальных наук.

ЧЕВТАЕВА НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА – канд. философских наук, доцент УрАГС.

ДЬЯКОВА ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВНА – канд. политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

ТРАХТЕНБЕРГ АННА ДАВИДОВНА - канд. политических наук, старший научный сотрудник

Института философии и права УрО РАН.

ГАЙДА АНАТОЛИЙ ВОЙЦЕХОВИЧ – доктор философских наук, профессор, зам. руководителя администрации губернатора Свердловской области.

КИТАЕВ ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ – канд. философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

СУСЛОНОВ ПАВЕЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ – канд. философских наук, доцент Уральского юридического института МВД России.

МАЛИНОВА ИЗABELЛА ПАВЛОВНА - доктор философских наук, профессор, декан факультета магистерской подготовки УрГЮА.

АНДРЮХИНА ЛЮДМИЛА МИХАЙЛОВНА – доктор философских наук, профессор ИРРО, действительный член Академии социальных наук.

КОРКУНОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – канд. философских наук доцент УрГАПС.

МАРКЕЛОВ КОНСТАНТИН АНАТОЛЬЕВИЧ – магистр факультета политологии и социологии УрГУ.

НЕЖДАНОВ ДЕНИС ВИКТОРОВИЧ – студент УрАГС.

ТОЙБИЧ ЕКАТЕРИНА ЕВГЕНЬЕВНА – магистр философского факультета УрГУ.

ЛЮБУТИН КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, академик РАЕН.

ОЛЕШКО ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой периодической печати УрГУ.

МОДЕЛЬ ИСАК МОИСЕЕВИЧ – доктор политических наук, профессор, зав. отделом социологии Института философии и права УрО РАН.

ЯКУБОВСКИЙ АНДРЕЙ ЭДУАРДОВИЧ – редактор отдела гуманитарных наук газеты «Наука Урала».

НАШИ АВТОРЫ

ЕМЕЛЬЯНОВ БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор философских наук, профессор УрГУ, академик РАЕН.

НЕКРАСОВ СТАНИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ – доктор философских наук, профессор УГТУ УПИ.

МАЛЫШЕВ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ – канд. философских наук, профессор – исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета Штата Мехико (Мексика).

РОМАНОВА КИРА СТЕПАНОВНА – канд. философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

СОЛОВЬЕВ ЭРИХ ЮРЬЕВИЧ – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН.

ФАН ИРИНА БОРИСОВНА – канд. философских наук, научный сотрудник Института

философии и права УрО РАН.

ПИВНИК ПАВЕЛ БОРИСОВИЧ – студент исторического факультета УрГУ.

МАСАЛОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА – аспирант Института философии и права УрО РАН, старший преподаватель ЗабГПУ.

ГАПОНЕНКО ЛИДИЯ БОРИСОВНА – аспирант Института философии и права УрО РАН.

ФИШМАН ЛЕОНИД ГЕРШЕВИЧ – канд. политических наук, младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

МОДЕЛЬ БЕЛЛА САВЕЛЬЕВНА – канд. философских наук, ученый секретарь специализированного диссертационного совета Института философии и права УрО РАН.

СТРОВСКИЙ ДМИТРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ – канд. исторических наук, доцент УрГУ, член Союза Журналистов России.

ФАДЕИЧЕВА МАРИАННА АЛЬФРЕДОВНА – канд. философских наук, докторант Института философии и права УрО РАН.

БЫКОВ АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ – канд. политических наук, комментатор СГТРК.

КИСЕЛЕВ КОНСТАНТИН ВИКТОРОВИЧ – канд. философских наук, ученый секретарь Института философии и права УрО РАН, председатель Совета Уральской гильдии политических консультантов.

КУЛИКОВ ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник института философии и права УрО РАН.

ТИХОМИРОВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – научный сотрудник Общественного учебно-методического Центра службы занятости.

РУСАКОВ ВАСИЛИЙ МАТВЕЕВИЧ – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии УрГСХА.

ЛОБОВИКОВ ВЛАДИМИР ОЛЕГОВИЧ – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, член Международной эстетической ассоциации.

НАШИ АВТОРЫ

МИРОНОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории политических учений факультета политологии и социологии УрГУ.

ВШИВЦЕВА МАРИНА НИКОЛАЕВНА – председатель правления УралСибСоцБанка.

РЫЖЕНКО ЛЕОНИД ИГОРЕВИЧ – председатель Совета ИСИД, член-корреспондент Международной Академии информатизации.

ФРИДМАН ГЕННАДИЙ ШМЕРЕЛЬЕВИЧ – президент ЗАО «Сибирская сотовая связь», академик Международной Академии информатизации.

ЛАДЕЙЩИКОВА ЛЮБОВЬ АНАТЕЛЬЕВНА – поэт, член Союза писателей России, мастер Цеха Поэтов - структурного подразделения Академии Поэзии, заслуженный работник культуры РФ.

КОНЕЦКИЙ ЮРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ – поэт, историк литературы, председатель Цеха Поэтов,

участник Европейского фестиваля Поэзии (Франция).

ГОВОРКОВ ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ – поэт, прозаик, член Всероссийского фонда милосердия и здоровья, Международного социально-экологического союза.

РУДЕНКО ВИКТОР НИКОЛАЕЧ - канд. философских наук, и.о. директора Института философии и права УрО РАН.

ГЛАВАЦКИЙ МИХАИЛ ЕФИМОВИЧ – доктор исторических наук, профессор, руководитель Уральского общественного исследовательского Центра «XX век в судьбах интеллигенции России».

СУРИНА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА – зав. научной библиотекой Института философии и права УрО РАН.

CONTENTS		
Editor's preface:		
O.F. Rusakova – <i>WHAT IS THE DISCOURSE-P?</i>	5	
THE POWER OF DISCOURSE AND THE DISCOURSE OF POWER (materials of theoretical seminar).	7	
The points of speeches:		
Y.G. Ershov – <i>THE DISCOURSE OF RUSSIAN POWER: LIE, HAUGHTINESS, IRRESPONSIBILITY</i>	8	
I.G. Chevtaeva – <i>RUSSIAN POWERFUL POLITICAL DISCOURSE AND CULTURE OF NEGOTIATIONS: THE PROBLEMS OF STABILITY</i>	16	
E.G. Dyakova, A.D. Trakhtenberg – <i>DO THE PEOPLE UNDERSTAND WHAT AUTHORITY IS TALKING ABOUT?</i>	19	
A.V. Gaida, V.V. Kitaev – <i>THE POWERFUL DISCOURSE OF RUSSIAN SOCIETY: FROM DEMOCRACY TO THE STRONG STATE</i>	21	
P.E. Suslonov – <i>ABOUT SOME LOGICAL SEMANTIC ASPECTS OF POLITICAL TERMINOLOGY</i>	23	
I.P. Malinova – <i>THE DISCOURSE OF 2003-YEAR CATASTROPHE</i>	26	
L.M. Andryuhina – <i>TEACHING DISCOURSE AND POWER</i>	27	
O.V. Korkunova – <i>THE DISCOURSE OF POWER AND ESOTERISM</i>	28	
K.A. Markelov – <i>RUSSIA AND "NEW ATLANTIS"</i>	30	
D.V. Nezhdanov – <i>MANIPULATING POLICY: THE DISCOURSE OF POPULISM</i>	33	
E.E. Toibich – <i>WHAT WOULD THE ELITE SAY?</i>	35	
Phrases:		
K.N. Lyubutin, I.P. Malinova, N.G. Chevtaeva, V.F. Oleshko, V.V. Kitaev, B.B. Bagirov, I.M. Model	36	
Resume:		
A.E. Yakubovsky – <i>ARGUING ABOUT THE DISCOURSE</i>	38	
GALLERY		
S. N. Nekrasov – <i>A.G. DUGIN: THE REAL POSTMODERN</i>		43
ANTHROPOLOGY		
M.A. Malishev (Mexico) – <i>CONFESSION IS THE EXPRESSION OF SENSE OF MENS' RELATIONS</i>		53
B.V. Emelyanov – <i>THE MAN AND HIS FEELINGS (REVIEW ON MALISHEV'S BOOK "THE MAN AND THE WORLD OF HIS FEELINGS")</i>		65
K.S. Romanov – <i>THE MAN SEARCHING FOR THE TRUTH OF HIS BEING</i>		68
PERSON		
E.Y. Solovyov – <i>GREATCOAT</i>		72
I.B. Fun – <i>"SEARCHING FOR SENSE WITH CARES OF FORM AND STYLE..." (INTERVIEW WITH E.Y. SOLOVYOV)</i>		72
POLYCLINIC		
P.B. Pivnik – <i>THE THERAPEUTISTS OF SPIRIT: MONARCHY'S RELIGION POLICY IN THE URALS IN 18-19 CENTURIES</i>		79
N.A. Masalova – <i>THE CADET RECIPE OF CIVIL SOCIETY</i>		83
O.F. Rusakova – <i>THE TOMOGRAPHY OF RADICALISM</i>		86
L.B. Gaponenko – <i>THE NOWADAYS DIAGNOSIS AND PERSPECTIVES FOR TREATMENT OF RUSSIAN SOCIETY BY THE MODERATE DOSES OF SOCIAL STATE</i>		92
L.G. Fishman – <i>LATININA'S VEISKY CYCLE: MARKET LIBERALISM WITH BARBARIAN RECURRENCES</i>		95
IN SOCIOLOGIST'S OPINION		
I.M. Model, B.S. Model – <i>THE LIBERTY: DIFFICULT WAY OF COGNITION</i>		99
THE FORTH POWER		
D.S. Strovsky – <i>THE TOTAL FIRE ON THE ENEMY? GLANCE AT THE HISTORY OF JOURNALISM ALLOWS TO APPRAISE THE OBJECTIVITY OF MODERN RUSSIAN MASS MEDIA BETTER</i>		108

CONTENTS	
E.G. Dyakova, A.D. Trakhtenberg – <i>SOCIOCULTURAL SPECIFIC CHARACTER OF JOURNALISM AND MODERN TENDENCIES OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN INFORMATIONAL FIELD</i>	113
M.A. Fadeicheva – <i>WHAT ARE THE PERFORMING PARROTS CHATTERING ABOUT?</i>	114
A.Y. Bykov – <i>UNINTELLIGIBLE RUSSIA? THE INTERPRETATIVE PECULIARITIES OF RUSSIAN PROBLEMS OF AMERICAN JOURNALISM</i>	117
POLITICAL TECHNOLOGIES	
K.V. Kiselev – <i>MORPHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PRE-ELECTION SLOGANS</i>	123
V.B. Kulikov, A.V. Tihomirov – <i>THE PROVOCATORS OF POLITICAL COMMUNICATION</i>	129
POLITICS &	
V.M. Rusakov – <i>POLITICS AND PRIVATE LIFE</i>	134
“BEADS GAME”	
V.O. Lobovikov – <i>THE MATHEMATICAL CULTUROLOGY</i>	140
INTERNATIONAL LIFE	
D.A. Mironov, M.N. Vshivtseva – <i>ECONOMIC PROCESSES ON THE POSTSOVIET GROUND AND THEIR PECULIARITIES</i>	144
INIA PROJECT	
L.I. Ryzhenko – <i>INFORMATIONAL NET OF THE INTELLECTUAL ACTIVITY</i>	149
G.S. Fridman – <i>ABOUT INTERGRATING WAYS OF RUSSIAN INTELLECTUAL POTENCIAL TO THE WORLD ECONOMY</i>	151
UNCLE LU’S CLUB	
<i>FROM OLD BASKET.</i>	153
<i>GAIDA’S APHORISMS</i>	154
POETIK	
L.A. Ladeishchikova – <i>THE ABYSS. THE CAPSULE. GOLDEN GATE. GENETIC CODE. THE AVALANCHE</i>	156
Y.V. Konetsky – <i>ZHUKOV’S MONUMENT. THE SONET</i>	157
V.V. Govorkov – <i>THE PENTAGRAM. IT IS SAID THAT THE POLITICIANS ARE RESPONSIBLE FOR EVERYTHING... WE ARE</i>	158
V.N. Rudenko – <i>THE TECHNOTRONIC CITY. MEGAPARSECS</i>	159
CONFERENCE CHAMBER	
M.E. Glavatsky – <i>TO THE 80-TH ANNIVERSARY OF “PHILOSOPHICAL SHIP”</i>	161
NEW BOOKS ON PHILOSOPHY, POLITOLOGY AND LAW (The compiler – E.M. Surina)	
	162
OUR AUTHORS	
	167

Научное издание

Дискурс-Пи
Научно-практический альманах

Выпуск 1

Главный редактор О.Ф. Русакова
Компьютерный набор и верстка В.В. Русаков

Институт философии и права УрО РАН
620144 г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 68

